

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2012 – 11 (245)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2012**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2012. – № 11 (245). – 184 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Михаил Хазин.</i> Мир на пороге новых времен	3
Важные события последнего 20-летия в оценках россиян.....	28
<i>Рашид Эмиров.</i> Исламский узел в контексте национальной безопасности России.....	42
<i>Юлай Шамилоглу.</i> «Джагфар тарихы»: Как изобреталось булгарское самосознание	57
<i>Ю. Клычников.</i> Современные политические процессы на Северном Кавказе: Конфликтологические факторы	69
<i>Ю. Азикова.</i> Стратегии деполитизации «черкесского вопроса»	76
<i>Гебек Гебеков.</i> Исламский фактор в культуре пост- советского Дагестана (1992–2006)	82
<i>Георгий Цаголов.</i> Истоки «казахского чуда».....	88
<i>К. Исаев, К. Кокомбаев.</i> Современные проблемы национально- государственной трансформации Киргизстана.....	93
<i>Л. Манякин.</i> Комплексные интересы России в Центральной Азии в начале XXI в.	100
<i>Ю. Томилова.</i> Новая глобальная политика Турции и интересы России на Ближнем и Среднем Востоке	120
<i>М. Конаровский.</i> Афганистан: déjà vu. Что дальше?	129
<i>А. Манойло.</i> Конфликт США с Ираном: Прогнозы и перспективы развития	141
<i>Владимир Карякин.</i> Саудовская Аравия и Катар – проводники нового арабского халифата?	155
<i>Эберхард Шнайдер.</i> Мультикультурализм в Германии	166
<i>Аль Хассан Мохамед, Сергей Рязанцев.</i> Демографическое развитие арабских стран: Тенденции и перспективы	169
<i>Н. Скороходова.</i> Социальные сети как инструмент управления сознанием	175
Религиозная социология политического ислама в Марокко.....	181

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

Михаил Хазин,
публицист

МИР НА ПОРОГЕ НОВЫХ ВРЕМЕН

Сегодня мир стоит перед принципиальным, радикальным сломом. По силе и размаху он неизмеримо превосходит сломы 1917 и 1991 гг., поскольку в тех случаях были известны и даже, в некотором смысле, привычны идеи, в рамках которых шли изменения. Ныне нет ни языка описания, ни альтернативных идей.

Последний раз в истории такая ситуация сложилась в Европе в XVI–XVII вв., когда после более чем тысячи лет христианства начался жесточайший слом в идеологии и экономике феодализма. Это было крайне тяжелое время, и не дай Бог, чтобы оно повторилось. Чтобы этого избежать, необходимо еще до того, как перемены разрушат все защитные цивилизационные механизмы, предложить новые идеи, не менее цивилизационные по масштабу. Но они пока не найдены.

В чем же суть начавшихся на наших глазах перемен?

Главная проблема современности – в том, что исчерпан механизм, который обеспечивал экономическое развитие человечества в течение нескольких сотен лет.

Современная модель развития, которую сейчас именуют «научно-техническим прогрессом», оформилась в XVII–XVIII вв. в Западной Европе после «ценностной революции» XVI–XVII вв., отменившей господствовавший более тысячи лет запрет на ростовщичество. Разумеется, как и всякий библейский запрет, он не соблюдался полностью, но в системе экономических взаимоотношений в целом ссудный процент не использовался. Там, где он применялся почти легально – в торговых республиках типа Венеции или Генуи, – он играл, скорее, роль страхового взноса. Собственно производственные процессы строились на цеховых принципах.

пах, при которых и объем, и технологии, и номенклатура производства были жестко ограничены.

Не буду сейчас обсуждать причины появления капитализма (т.е. капитала как источника прибыли за счет ссудного процента), но обращаю внимание читателя на одно принципиальное обстоятельство: с его возникновением появилась серьезная проблема – куда девать полученный продукт? Не секрет, что позднеантичная мануфактура обеспечивала довольно высокую производительность труда – уж точно выше, чем средневековое цеховое производство. Однако, вопреки тезисам Маркса, она уступила свое место менее производительному феодализму. Почему? А дело в том, что у мануфактур того времени не было рынков сбыта, рабовладельческое общество просто не создавало достаточный объем потребителей. Пока Римское государство поддерживало городской плебс (давало ему «хлеб и зрелища») за счет внеэкономических источников доходов – военной добычи и серебряных рудников в Испании, – мануфактуры работали достаточно успешно. Затем они неизбежно должны были умереть.

Аналогичная проблема неминуемо ждала и зарождающиеся центры капитализма. Да, там имелись источники денег, на которые можно было создать мануфактуры. Но избыточный объем производства и новые, инновационные продукты требовали новых потребителей. Где их найти? Единственным местом сбыта мог стать внешний рынок.

Разумеется, экспортируемая продукция должна была превосходить местную – и стоить дешевле, и быть более качественной или просто новой (условно говоря, плуг вместо сохи), а потому ее поступление неминуемо разрушало местное производство, что, в свою очередь, пополняло армию безработных на местах и создавало почву для развития капитализма. Стоит вспомнить историю огораживания в Англии, когда «овцы съели людей», поскольку получаемые мануфактурным способом ткани были дешевле тканей ручной работы, или жуткий голод в Индии, когда, как писали очевидцы, по обочинам дорог лежали кости умерших от голода сотен тысяч, если не миллионов, ткачей и членов их семей, не выдержавших конкуренции с завозимыми из Англии фабричными тканями...

Впрочем, это, в некотором смысле, лирическое отступление. Главное – опережающее финансирование инноваций. Вкладывать средства в производство привычных продуктов и услуг, а также в разработку новых имеет смысл только в том случае, если постоян-

но расширяются рынки. С одной стороны, они должны обеспечивать сбыт неуклонно дешевеющих традиционных изделий, а с другой – обеспечить «технологической метрополии» получение дополнительных доходов, окупающих производство инновационных продуктов.

Соответственно, уже в XVIII в. началось развитие так называемых «технологических зон» (термин Олега Вадимовича Григорьева, разработавшего соответствующую теорию в начале 2000-х годов), которые стали такими «технологическими метрополиями» и постепенно расширяли свои рынки сбыта и политическое влияние. Иногда «технологические метрополии» и просто метрополии совпадали. Британия категорически запрещала развитие производства в своих колониях, они должны были оставаться чисто сырьевыми придатками. Даже финансовая система была приспособлена под то, чтобы в колониях не могли возникнуть самостоятельные источники капитала. На территории Великобритании ходили бумажные деньги (фунты стерлингов), запрещенные к вывозу, а в колониях – отчеканенные «на местах» золотые монеты, гинеи, которые все, кто хотел приехать или вернуться на родину, должны были везти с собой.

Великобритания и стала первой технологической зоной. Второй могла бы быть Франция, но она оказалась жертвой Великой французской революции и Наполеоновских войн, а потому своей зоны не сформировала и, более того, стала частью зоны британской. Второй технологической зоной сделалась Германия, которая включила в свой состав (именно как технологические зоны, а не государства) Австро-Венгрию, часть Италии, Северной и Восточной Европы, а также Россию. Окончательно эта зона оформилась после победы во франко-прусской войне, к концу 60-х годов XIX в.

Третью зону создали США, после освобождения от британской колониальной зависимости получившие возможность развивать свою промышленность, темпы роста которой особенно ускорились во время Гражданской войны 1861–1865 гг. Четвертой зоной в начале XX в. стала Япония. Однако уже к концу XIX в. у первых трех зон начались проблемы: их расширение в Атлантическом бассейне стало резко замедляться, так как исчерпались свободные рынки. Что это означало с точки зрения капитала? А то, что вложения в инновации и новое производство становились все менее и менее рентабельными. Начался кризис падения эффективности капитала. Заметить и понять его было достаточно сложно,

поскольку процесс шел неравномерно и в отдельных отраслях, и в разных регионах, но сама мысль о том, что для нормального развития капитализму нужны расширяющиеся рынки сбыта, мелькала уже у Адама Смита. В начале минувшего века она стала источником спора между Лениным и Розой Люксембург, причем последняя активно критиковала тезис Ленина о том, что «капитализм сам себе создает рынки сбыта». Люксембург, как мы сегодня понимаем, была права, но из-за этого спора сама тема на многие десятилетия стала в СССР «табу», что во многом и привело страну к гибели.

Итогом вышеупомянутого кризиса стало резкое усиление циклических кризисов, бывших до того обычным, но не критичным явлением. Теперь они стали намного продолжительнее. Депрессию после кризиса 1907 г. даже лет 20 назад называли в США «Великой». Главное же, стало понятно, что единственный способ продолжить развитие – это перераспределить рынки сбыта в свою пользу. Первая мировая война была битвой за рынки с единственным прямым результатом: одна из технологических зон, имевшая до того не только собственное производство, но и собственную валютную систему, эту систему потеряла. Имелось и косвенное, но немаловажное следствие: приход к власти в бывшей Российской империи партии, которой удалось сделать то, что не удалось национальной буржуазии царского времени, – построить собственную технологическую зону. Пятую и последнюю.

К началу XX в. объем рынка, который было необходимо контролировать по-настоящему независимому государству, составлял около 50 млн. потребителей... Хочу пояснить, что в данном контексте подразумевается под словом «независимость» и его не совсем точным синонимом «самодостаточность». Независимое государство – это такое, у экономики которого имеется независимое от внешних факторов ядро.

Во-первых, в нем имеются все (или почти все, за исключением непринципиальных) отрасли экономики.

Во-вторых, во всех этих отраслях государство находится на передовых мировых позициях или может выйти на них достаточно быстро.

И, в-третьих, страна способна достаточно долго развиваться даже при полном отсутствии внешней торговли. Изоляция на какой-то срок не должна стать для нее катастрофой. Реально независимое государство не может не иметь независимой экономики. Обратное же, вообще говоря, может быть и неверно.

Итак, к началу прошлого столетия в Европе осталось только пять-шесть реально независимых государств, имеющих самодостаточную экономику: Российская империя, Германская империя, Австро-Венгрия, Франция, Великобритания и, возможно, Испания. Все остальные страны неизбежно были вынуждены присоединиться в качестве сателлитов или «младших» партнеров к объединениям, возглавляемым одной из перечисленных стран. Первая мировая война не разрешила базовые экономические противоречия. Для передела рынков необходима была война вторая, из которой вышли невредимыми только две технологические зоны из пяти. Германская и японская попросту исчезли, а Британия еще до конца войны от претензий на собственную зону отказалась, разрешив США напрямую торговать с колониями Соединенного Королевства, минуя Лондон. Как и следовало ожидать, первое время Соединенные Штаты отлично развивались, осваивали новые рынки, делали бомбы и рвались в космос... А вот дальше начались те же самые проблемы со сбытом.

К середине XX в. объем рынков, который было необходимо контролировать стране для обеспечения самодостаточной и развивающейся экономики, составлял около 500 млн. человек. В этот момент по-настоящему независимыми и лидерами крупных межстрановых объединений могли быть лишь два государства, не более. Так и произошло – остались только СССР и США. Китай и Индию можно было не принимать во внимание – они не являлись потребительскими рынками в современном понимании этого слова, их экономики во многом носили натуральный характер. Однако мировая экономика продолжала развиваться, и к концу третьей четверти XX в. объемы рынков, необходимые для нормального развития самодостаточной экономики, достигли величины порядка 1 млрд. человек... И стало понятно, что в мире может остаться только одно независимое государство.

Вопреки распространенному мнению, шансы стать победителем склонялись на сторону Советского Союза. Кризиса было не миновать обеим сверхдержавам. Но поскольку объем рынков у советской зоны был существенно меньше, чем у американской, у нас кризис начался раньше, а именно – в самом начале 60-х годов. Однако диспропорции благодаря плановой советской экономике компенсировались, так что кризис развивался медленно. К концу 70-х мы только вышли на нулевые темпы развития экономики. А вот в США все началось хотя и позже, но быстро и жестко. 1971 г. – дефолт, отказ от обмена долларов на золото, затем

поражение в войне во Вьетнаме. 1973–1974 гг. – нефтяной кризис, резкий рост цен на нефть и, соответственно, издержек, затем – стагфляция (инфляция, сопровождаемая застоем или падением производства, высоким уровнем безработицы). Это был натуральный кризис падения эффективности капитала, реинкарнация кризиса конца XIX – начала XX в. Маркс мог бы улыбнуться: капитализму грозило поражение в полном соответствии с его теорией, но не потому, что социализм рос быстрее, а потому, что он падал медленнее.

Сознавали ли члены Политбюро ЦК КПСС после катастрофического «нефтяного» кризиса 1973 г., что Советский Союз выиграл «холодную войну» и что перед ними встал вопрос – нужно ли добивать противника и форсировать разрушение «западной» экономики и США? Я достаточно много сил потратил на то, чтобы разобраться, был ли этот вопрос сформулирован в явном виде и какой на него был дан ответ. Мое расследование (которое состояло в беседах с бывшими высокопоставленными функционерами ЦК КПСС и КГБ СССР) показало следующее.

Во-первых, вопрос был поставлен.

Во-вторых, ответ был сведен к двум значительно более простым, а главное, технологическим проблемам.

Одна из них касалась возможностей СССР контролировать территории, входившие на тот период в зону влияния США. После распада «суверена» там неминуемо должны были начаться неконтролируемые, во многом разрушительные и опасные для всего мира процессы. Вторая касалась готовности СССР оказаться один на один с Китаем, который к тому времени уже начал технологическую революцию.

Ответы на оба эти вопроса оказались отрицательными – руководители страны пришли к выводу, что СССР не имеет возможности контролировать почти половину мира, скатывающуюся к тоталитаризму, разгулу терроризма и анархии, и одновременно ограничивать растущие возможности Китая. СССР начал процесс, который позже получил название «разрядка».

По сути дела это была длинная цепь уступок противнику. Советский Союз вступил в переговоры с Соединенными Штатами по стратегическим вооружениям, которые понизили остроту бюджетных проблем Америки. Запад находился в остром нефтяном кризисе, а СССР начал поставлять туда нефть и газ. Идеологи капитализма не знали, как бороться с советским идеологическим и политическим давлением (достаточно почитать тексты, которые

писали в то время Киссинджер и Бжезинский), а СССР пошел на переговоры по гуманитарным вопросам, которые завершились подписанием в 1975 г. знаменитого акта в Хельсинки, включившего в себя так называемую «гуманитарную корзину» – она и легла потом в основу тотальной критики СССР / России в части нарушений «прав человека». Иными словами, руководство СССР решило сохранить status quo – не расширяться за счет разрушения конкурента, а попытаться закрепиться в более или менее фиксированных границах проектных территорий. Это было принципиальнейшей ошибкой – как если бы ребенок не просто отказался расти, но и принял бы меры для реального осуществления этой идеи (например, вместо школы продолжал бы ходить много лет в детский сад).

Тем временем руководство США нашло выход из положения. Было необходимо запустить новую «технологическую волну», что невозможно сделать на спаде и без войны. А поскольку расширить рынки нельзя, необходимо это расширение имитировать. Денежные власти США начали стимулирование конечного спроса, что и составляло суть политики «рейганомики».

Цель была достигнута: новая «технологическая волна» запущена, СССР распался – и как технологическая зона, и как отдельная страна. Теоретически в этот момент следовало остановиться. Нужно было активами (в том числе рынками), полученными на распаде противника, «закрыть» долги, образовавшиеся за десятилетие «рейганомики». Однако к власти в то время уже пришла администрация Клинтона – ставленники Уолл-стрит, для которых эмиссия и создание новых долгов были главными источниками доходов. Вместо того чтобы «закрыть краник», они использовали полученные активы как залоги под новые долги. Как следствие, пришел «золотой век» Клинтона, который сменился перманентными кризисами 2000-х годов. И сегодня можно смело сказать, что современный кризис – это реинкарнация кризиса 70-х годов. Очередной кризис падения эффективности капитала. Только раньше падение происходило в рамках конкуренции нескольких технологических зон, а сегодня – в рамках одной. Суть дела это не меняет.

Есть и еще одна тонкость. Предыдущие два кризиса происходили в ситуации более или менее естественного накопления долгов. Исключением стало начало 30-х годов. Тогда ужас «Великой» депрессии был во многом вызван падением частного спроса после 20-х годов, когда он несколько стимулировался кредитным механизмом. Сейчас заканчивается период массового стимулиро-

вания спроса за счет механизма «рейганомики», поэтому всех ждет не медленное загнивание (как это было в 80-е годы в СССР), а предшествующее весьма и весьма глубокое падение.

Но это еще полбеды. Главное же – отказывает механизм научно-технического прогресса, который несколько веков определял развитие человечества. Он исчерпан. Целиком и полностью. У него нет больше ресурса. Поэтому Россию ждут серьезные проблемы, связанные со списанием неподъемных долгов и, соответственно, разрушением всей мировой финансовой системы. Это значит, что искать новую модель развития нам придется не в тиши кабинетов, имея впереди как минимум несколько десятилетий, а в крайне жестких социально-политических условиях. Можно сколько угодно объяснять, что проблемы Египта нам не грозят, но давайте рассуждать здраво: наше отличие только в одном: что большая часть населения Египта тратит на еду 80% своих доходов, а мы – только 40. Но при том росте цен, который сегодня наблюдается, долго ли нам ждать?

Именно в тот период отказа от победы в «холодной войне» фактически начался отказ от базовых принципов «Красного» проекта. Несколько позже, уже во второй половине 1980-х годов, Горбачёв объявил, что СССР больше не будет нести миру свои ценности, поскольку переходит к ценностям «общечеловеческим». Отказавшись от советской системы глобализации, Горбачёв неминуемо ввел нас в систему глобализации «Западного» проекта, поскольку другой попросту не было.

О концепции глобальных проектов я уже рассказывал читателям «Дружбы народов» в 6-м номере журнала за 2009 г. Сейчас лишь напомним основные положения. Основой любого глобального проекта является надмирная идея, выходящая далеко за пределы видимого и ощущаемого пространства. Мало того, изначально подобная надмирная идея должна быть заявлена как Истина для всех, на все времена и без альтернатив. Однако одного этого недостаточно. Для того чтобы массы людей, вдохновившись идеей, занялись ее воплощением во всемирном масштабе, необходимо эту идею перевести в политическое измерение, в котором, собственно, и реализуются любые идеи. Для успешного развертывания глобальный проект должен утвердиться в опорной стране. Она должна быть крупной, мощной в экономическом и военном отношении. Только сильная страна, являясь признанным лидером проекта, может удержать прочие государства от беспрерывных конфликтов между собой и обеспечить присоединение к проекту все новых и

новых участников. С этого момента глобальный проект становится иерархическим, управляемым из единого центра и откровенно экспансионистским. За историю человечества таких надмирных идей возникло не так уж много. В нашей стране более или менее известна история всего-навсего трех проектов: христианства (которое уже давно распалось на несколько проектов), ислама и коммунизма.

Остановимся более подробно на ситуации последних 500 лет в Европе. В XVI в., после катастрофического «золотого» кризиса, случившегося в результате резкого падения цены на золото, игравшего тогда (да и почти всю писаную историю) роль единой меры стоимости (ЕМС), и последующего разрушения системы натурального феодального хозяйства, в Европе начал развиваться новый, «капиталистический» проект. Его идейной базой стала Реформация. В доктринальном плане этот проект отошел от библейской системы ценностей и отказался от одного из догматов – запрета на ростовщичество, поскольку экономической базой капиталистического глобального проекта стал ссудный процент. Запрет, разумеется, не мог быть отменен в догматике. В тезисах Мартина Лютера, например, он присутствует в полном объеме, но был снят в мифе о так называемой «протестантской этике». В системе ценностей принципиально изменилась базовая цель. Если в «христианском» проекте, во всех его вариациях, основой является справедливость, то в капиталистическом – корысть, нажива.

Именно с капиталистическим проектом, с наличием ссудного процента, связан еще один феномен человечества – так называемое технологическое общество. Его не смогло создать ни одно государство или цивилизация, которое не одобряет ссудный процент. Единственное исключение – Советский Союз.

Капиталистического проекта «в явном виде» сегодня не существует. В XIX в. произошли серьезные изменения в его экономической основе, существенно преобразовавшие базовые ценности. Связано это с тем, что догматическая структура данного проекта была неустойчива и настоятельно требовала изменений. Либо дальнейшего отказа от библейских ценностей (новые капиталистические государства еще во многом были христианскими), либо же возврата к запрету на ростовщичество. Примечательно, что реализовались обе идеи.

Обе родились в конце XVIII в. Первой из них, положенной в основу «западного» проекта, стал обходной путь осуществления многовековой мечты алхимиков о синтезе золота в реторте. По-

нятно, почему стремились создать именно золото – на тот момент оно было для всего человечества единой мерой стоимости. Затем пришло простое решение: если невозможно синтезировать золото, то следует изменить меру стоимости – установить такую, которую можно создать в реторте. А потом контролировать этот сосуд, не допуская к нему никого постороннего. Именно из этой идеи (о второй я расскажу ниже) вырос механизм финансового капитализма, а затем и новый глобальный проект.

Не вдаваясь в детали, можно сказать, что сегодня единая мера стоимости – это американский доллар. А единственная «реторта», где он рождается, – Федеральная резервная система США, частная контора, владельцами которой являются крупнейшие инвестиционные банки Уолл-стрит. Вся мировая финансовая система с ее институтами, такими как МВФ, Мировой банк и многие другие, своей главной задачей видят именно сохранение монополии ФРС на денежную эмиссию. Разумеется, этот проект, который активно развивался в XIX–XX вв., процветал исключительно благодаря ссудному проценту. Основными его стадиями стали: создание первого частного госбанка (с монопольным правом денежной эмиссии) в Англии в середине XIX в.; создание ФРС США в начале XX в.; Бреттон-Вудские соглашения 1944 г.; отмена привязки доллара к золоту в 1973 г.; распад «красного» проекта в 1991 г. А изменение названия с «капиталистического» на «западный» связано с тем, что укоренившееся в наших СМИ выражение «Запад» обычно упоминается именно для описания проектных организаций «западного» глобального проекта – таких стран, как США или Великобритания, и некоторых чисто проектных образований, вроде МВФ, НАТО и т.д.

Базовая система ценностей в «западном» проекте по сравнению с «капиталистическим» изменилась довольно серьезно. Именно «западному» проекту мы обязаны созданием новой «Нагорной проповеди» – «Протестантской этики», которая *de facto* отменила оставшиеся библейские ценности. Да и в экономике произошли серьезные изменения, поскольку основные богатства стали создаваться не в материальной сфере, не в производстве или за счет природной ренты, а путем безудержной мультипликации чисто финансовых активов. Такая модель привела к тому, что доля финансовых ценностей, которые в XIX в. составляли менее половины всех активов человечества, на сегодня составляют более 99%. Только объем финансовых фьючерсов, например на нефть,

превышает объем физической нефти (в ценовом выражении) в сотни и тысячи раз.

Такой способ создания активов «на печатном станке» в условиях уже существующей технологической цивилизации вызвал к жизни феномен «сверхпотребления». Развитие системы потребительского кредита на базе эмиссии доллара позволило резко увеличить уровень жизни немалой части населения в границах «западного» проекта. Вместе с тем это одновременно уменьшило желание бороться за реализацию проектных ценностей, поскольку борьба неминуемо снижает жизненный уровень. До распада мировой системы социализма рядовых последователей «западного» проекта спланивала внешняя угроза. После ее исчезновения они полностью расслабились. В результате одно из основных направлений межпроектной борьбы, демографическое, оказалось для «западного» проекта потерянным навсегда.

Кроме того, изменение основного способа производства не могло не только серьезно изменить психологию проектной элиты, но и резко сузило ее управленческую часть: на сегодня основные проектные решения в «западном» проекте принимает фактически узкая группа лиц, состоящая от силы из нескольких десятков человек.

А теперь вернемся к судьбе второй идеи – запрету на ростовщичество. В XVIII в., практически одновременно с появлением идеи финансового капитализма, в работах социалистов-утопистов появились идеи, которые стали основой для развития «красного» проекта. С точки зрения библейской догматики, он был попыткой вернуть запрет на ростовщичество (в форме обобществления средств производства). Однако его идеология имеет важную особенность – серьезный уклон в социальную сферу, мощное развитие социальных технологий. Слабое место «красного» проекта – полное отсутствие мистической составляющей, которое вначале было не слишком заметно из-за контраста с проектами капиталистическим и «западным». Однако когда противники начали перенимать у «красного» проекта социальные технологии, этот недостаток стал играть все большую роль. Не исключено, что именно стремлением восполнить пробел объясняются попытки Сталина «реанимировать» православие в 40-е годы, но его смерть остановила эти начинания.

«Красный» проект, который в СССР развивался, если так можно выразиться, в достаточно резкой «коммунистической» форме, проиграл, но не исчез окончательно, а перешел в латент-

ную форму. Резкое падение уровня жизни в странах «Западного» проекта после неизбежного и скорого глобального экономического кризиса неминуемо вызовет мощный ренессанс социалистических идей.

Кроме того, скорее всего в силу проблем с долларом в качестве единой меры стоимости, человечество (по крайней мере, на время) объективно будет вынуждено всерьез рассмотреть возможность возвращения в житейскую практику библейского догмата о запрете на ростовщичество. Подобный вариант подкрепляется еще одним обстоятельством. Дело в том, что в VII в. за пределами Европы возник еще один проект на библейской системе ценностей – исламский. Он активно развивался почти 1000 лет, но переход к имперской стадии в рамках Османской империи практически привел к его замораживанию. И только в XX в. попытки «западного» и «красного» проектов разыграть в своих интересах «исламскую карту» привели к возрождению исламского глобального проекта в новой редакции. Немаловажным фактором его оживления стала также демографическая динамика, в результате которой стремительно выросло население мусульманских стран.

Основная черта исламского проекта – очень сильная идеологическая составляющая. Связано это с тем, что включенные непосредственно в догматику Корана нормы и правила общежития делают его активными проповедниками практически любого носителя проекта. Это существенно отличает его от всех остальных глобальных проектов, которым такая активность бывает присуща только на самых ранних стадиях развития.

Однако следует вспомнить о феномене «технологической цивилизации». Основной проблемой исламского проекта, который явно рвется к контролю над Европой и ищет базовую страну для перехода к иерархической стадии, – это полная невозможность отстроить на собственной базе современную технологическую структуру. Использовать опыт капиталистического и «западного» проектов он не может – ссудный процент в исламе запрещен категорически. По этой причине не исключено, что проникновение ислама в Европу начнет принимать социалистический оттенок, что неминуемо будет коррелировать с подъемом аналогичных настроений в условиях острого экономического кризиса.

И в заключение несколько слов о Китае, который сегодня стоит на распутье. Пока еще не понятно, какой путь развития он выберет: поднимет ли упавшее знамя «красного» проекта, т.е. пойдет по интернациональному проектному пути, либо же оста-

нется в рамках чисто национальной империи, которую в принципе не будут волновать мировые процессы, напрямую не затрагивающие национальные интересы этнических китайцев и их вассалитет. Многое говорит за то, что коммунизм в его классической форме не является целью Поднебесной. Китай в полной мере адаптирует капиталистический инструментарий, в то время как коммунистическая атрибутика сохраняется только затем, чтобы смягчить преобразования. Пока создается впечатление, что Китай не заинтересован в создании собственного глобального проекта ни на «красной», ни на какой-либо другой (например, буддистско-конфуцианской) основе, чем существенно ограничивает собственные возможности по контролю над миром.

В начале 1990-х годов США вели себя в полном соответствии с базовыми проектными принципами. Они активно пропагандировали свои ценности как «единственно верные и универсальные в мире» и заявляли, что «огнём и мечом» вменяют их всему человечеству. Не будем сейчас говорить о том, как такая позиция сочетается с библейскими принципами (хотя одна из интерпретаций притчи о «Вавилонском столпотворении» утверждает, что «башня» американской экономики должна рухнуть также и по той причине, что и Вавилонская). Однако факт остается фактом – попытка построить глобальную «Вавилонскую башню» по американским чертежам, навязать миру господство ценностей «западного» проекта, в общем, не очень удалась. И какова же оказалась реакция американских властей?

На мой взгляд, они начали движение назад. Если вспомнить политику президента Буша, то можно отчетливо увидеть попытки изменить экономическую модель. Грубо говоря, он (явно или неявно) рассматривал вопрос о возврате к капиталистическому проекту, о выходе из экономического кризиса за счет возврата к исходно христианским ценностям (в противовес либерализму и политкорректности), об изоляционизме и сбросе с американского бюджета тяжести поддержки мировой финансовой системы. Иными словами, речь шла о выходе США из «западного» проекта.

Курс продолжил и преемник Буша. В своем выступлении на открытии 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2009 г. президент США Барак Обама сказал примерно следующее: по его мнению, в том году больше, чем когда-либо прежде, не просто в современной, а в человеческой истории вообще, «интересы государств и народов являются общими». «Настало время для того, чтобы мир двинулся в новом направлении, – подчеркнул глава

Белого дома. — Мы должны начать новую эру сотрудничества, основанную на взаимных интересах и взаимном уважении, и наша работа должна начаться прямо сейчас». (Удивительным образом этот пассаж почти дословно воспроизводит тезис Михаила Горбачёва о новой доктрине «баланса интересов», которая-де должна была прийти на смену «балансу сил».) Обама признал, что «многие в мире стали смотреть на Америку со скептицизмом и недоверием» и что политика прежней администрации США, привыкшей действовать в одностороннем порядке, породила в мире «рефлексивный антиамериканизм».

Какой же должна быть, по Обама, грядущая «эра мирового милосердия»? «Демократия не может быть привнесена в какую-либо страну извне. Каждая страна будет следовать по пути, который коренится в культуре ее народа, и в прошлом Америка слишком часто была избирательна в своей пропаганде демократии». Иными словами, США фактически отказываются от своей позиции лидера «Западного» проекта и более не намерены силой вменять всему миру его принципы (что не помешало Соединенным Штатам пару лет участвовать в военной агрессии против Ливии или, наверное, точнее будет сказать — инициировать эту агрессию).

Выводы просты. Во-первых, если США отказываются от своей роли лидера «западного» проекта (независимо от того, есть у них ресурсы продолжать эту политику или уже нет), то последнему пришел конец. А значит, рано или поздно (с учетом начавшегося мирового экономического кризиса — скорее, рано) начнется распад и технологической зоны США, т.е. всей системы мирового разделения труда, построенной на американском спросе, выраженном в долларе. Можно долго рассуждать, каковы будут последствия, но самое простое — это вспомнить Россию 1990-х годов, в которой жесточайшая технологическая деградация была следствием не только откровенно антигосударственной политики «либерал-реформаторов», но и сугубо объективного фактора — разрушения собственной системы разделения труда с утратой большей части рынков сбыта. И такая же перспектива ждет завтра США и весь мир.

Во-вторых, отказ США от жесткого насаждения своей ценностной базы оставляет весь мир в глубоком идеологическом вакууме. На протяжении уже пары десятилетий народу говорилось о том, что социалистические идеи — это заведомый вред (что сопровождалось колоссальным иллюстративным материалом, специально для этого изготавливаемым). Про то, что сделали с религиоз-

ными идеями сторонники «прав человека» и «политкорректности», и говорить нечего. И если в СССР / России еще можно было отказываться от базовых идей, кивая на то, что альтернатива («западная») есть, то сегодня ситуация совсем другая: альтернативы как раз нет. Что само по себе крайне опасно и чревато серьезными проблемами. В первую очередь распадом мира на многочисленные и весьма враждебно относящиеся друг к другу кластеры.

В-третьих, не нужно забывать, что США — это довольно сложно устроенное общество, в которое входят носители самых разных идеологий. Да, сегодня они все находятся под жестким контролем, что, в общем, естественно, поскольку высокий уровень жизни обеспечивается именно за счет доминирования идеологии «западного» глобального проекта. Но, как мы знаем на примере СССР, сказавши «а» (т.е. отказавшись от доминирования в мире своей идеологии), придется говорить и «б» (отказаться от этого же и во внутренней жизни). А это значит, что в среднесрочной перспективе США предстоит ввергнуться в пучину жесточайших идеологических споров и баталий, которые вряд ли будут способствовать быстрому выходу из экономического кризиса.

Собственно, баталии уже идут. И в США, и в Евросоюзе, и в России продолжаются митинги, с которыми власти борются теми или иными способами. При этом они вполне отдают себе отчет в том, в каком направлении разворачивается ситуация: в США, как пишут в Интернете, полицейских и армию тренируют на макетах американских городов (почти в натуральную величину), в России всерьез обсуждают варианты повышения налогов, в том числе на недвижимость и на роскошь. Все это говорит о том, что общий негатив ближайшего будущего власть понимает. Но вот как она это понимает? Обращаю внимание на митинги. Несмотря на активные попытки (у нас — так точно) придать им антивластную направленность, на самом деле они обращены не против власти, а апеллируют к ней. Общество, точнее, его наиболее деятельная часть (а выступает, в основном, «средний» класс), пытается объяснить власти, что нужно что-то менять в политике. А та реагирует достаточно своеобразно — придумывает разные способы, как бы сохранить существующую систему любой ценой.

Дело в том, что на памяти человечества не было еще ситуации, когда бы элита получала такой колоссальный (и по объему, и по относительной доле) кусок общественного пирога, при этом практически не неся никакой ответственности за свою деятельность. И дело даже не в том, что никто не хочет отказываться от

такого счастья – это понятно. Проблема еще и в том, что какая бы ни была новая общественно-политическая система, она неминуемо будет предусматривать куда бóльшую личную ответственность.

А вот это уже просто страшно! Работать эти люди не умеют – просто потому, что их статус и их доходы никак не зависели от качества их деятельности как администраторов и политиков, причем многие десятилетия. В отличие, скажем, от 60–70-х годов прошлого века, не говоря уже о более ранних временах. Разумеется, под работой я имею в виду осуществление некоторых общественных функций, которые почти автоматически предполагаются у представителей элиты, даже не обязательно государственной. Сама мысль о такой ответственности была начисто вычищена в рамках «либеральной революции», начиная с конца 60-х годов. Последствия мы сегодня и ощущаем.

Эти люди, наши (и российская, и мировая) элиты, не могут себе позволить ни взять ответственность на себя, хотя бы потому, что не понимают, что это такое, ни позвать во власть людей, которые это понимают. Опасаются, что на их фоне будут выглядеть как-то не очень убедительно. А то, что негатив будет множиться и множиться, элиты понимают. Отказываясь от конструктивного диалога с обществом, они неминуемо готовят меры борьбы с диалогом деструктивным. До которого, рано или поздно, дело дойдет по мере ухудшения экономического состояния.

У нас в этом смысле еще не самый плохой вариант. В России, в общем, нет «среднего класса» как инструмента стабилизации социально-политической жизни. Ну, вернемся мы в 90-е годы с узким классом олигархии и нищим, как и в то время, прочим населением. Власть такого поворота не боится, она уже «проходила» подобную ситуацию. Без бунта. Правда, тогда почти у всех имелись бесплатные квартиры, полученные от советской власти, а сегодня с жильем уже появились проблемы. Завтра, если поднимут налоги на недвижимость, их станет еще больше.

Разумеется, налог можно ввести так, чтобы у бедных проблем не было, но кто поверит, что наши власти не сделают все максимально глупо? Уж сколько раз наступали на одни и те же грабли, наступят и еще раз, тем более что депутаты никакой ответственности не несут. Богатые смогут пролоббировать для себя лазейки, а бедные (т.е. люди без значимых текущих доходов), но владеющие полученными еще в СССР квартирами, станут платить «по полной», чтобы обеспечить элите бюджет, достаточный для поддержания привычного уровня «откатов» и «распилов».

На Западе тоже все «не слава Богу». Там сохранить «средний» класс не получится по той простой причине, что последние десятилетия он, в основном, существовал за счет роста долговой нагрузки. Напомним – рост долга домохозяйств перед кризисом (т.е. до осени 2008 г.) составлял около 10%, или 1,5 трлн. долл. в год.

Сегодня Обама резко увеличил дефицит бюджета с той же целью – стимулировать частный спрос. Однако долго это продолжаться не может, а значит, неизбежно должен установиться уровень спроса, соответствующий реальным доходам домохозяйств. А доходы эти, в общем, известны. Если реально оценить сегодняшнюю инфляцию и покупательную способность доллара, то получится, что средние зарплаты такие же, как в конце 50-х, а доходы домохозяйств – такие же, как в первой половине 60-х годов (разница образовалась из-за увеличения среднего количества работающих в одной семье).

Но по современным меркам, жизнь в стиле начала 60-х – это отнюдь не уровень жизни «среднего» класса! Опять же, эти расчеты справедливы только для нынешних доходов, а по мере сокращения спроса начнут падать и они. Так что ситуация будет только ухудшаться. И вот тут нужно вспомнить, что одно из определений «среднего» класса – люди с типовым потребительским поведением (обеспеченным соответствующими доходами, разумеется). Но потребляют они не только товары или услуги, но и поведение власти. Нынешней власти, которая формируется современной элитой. Если культура потребления у большей части населения изменится, власть станет крайне непопулярной.

Вот и получается, что у элит практически всех стран возникли серьезные проблемы. Они еще пытаются объяснить, каждая – своему обществу, что все вернется «на круги своя», но никто этому не верит. Ни сама элита, ни общество, которое выходит на митинги. А вариантов развития ситуации всего три. Точнее, два, но с переходным периодом, который может затянуться.

Первый вариант – элита выдвигает из своих рядов лидера, который меняет ситуацию, «правила игры», социально-политическую модель, сохранив при этом часть элиты. Не всю, конечно.

Второй – общество «сносит» элиты, и к власти приходит антиэлита (как это было в России в октябре 1917 г.).

И есть промежуточный вариант, при котором элита тщательно ликвидирует в своих рядах потенциальных «наполеонов» и при этом активно умиряет общество. Подобная ситуация неус-

тойчива, мы это хорошо знаем из нашей истории в период с февраля по октябрь 1917 г. (вспомним Корниловский мятеж!), но, по всей видимости, именно с ней предстоит столкнуться, например, США.

Удержать ситуацию по прежним «правилам игры» невозможно, необходимо жестко централизовать управление экономикой и государством. А резкое изменение правил требует серьезных поводов. И намеренно создавая их, элиты не станут гнушаться и уже не гнушаются ничем. В общем, целенаправленная работа по созданию «подушки безопасности» для элит идет уже давно. Главный вектор, определяющий направление развития современного либерального общества, – это упор на «средний» класс. Представителям этого класса постоянно внушают убеждение, что разные традиционные ценности гроша ломаного не стоят, коль они компенсируются ростом доходов. Зачем это делается, понятно. Это один из способов сохранения власти. Элита, таким образом, объясняет народу, что самая главная и, в общем, единственная ценность на свете – это деньги. А деньги дает она, любимая. Стало быть, за нее, элиту, и надо держаться изо всех сил...

Именно отсюда идет разрушение семьи (которая, если сильна, всегда «забывает» государство, что хорошо было видно на примере СССР) через ювенальные технологии и постоянную пропаганду гомосексуализма, разрушение религии и церкви, уничтожение образования, национальной культуры (именно культуры, а не ее имитации для поддержания туризма) и развитие так называемого мультикультурализма. Разумеется, людям это все не нравится, однако постоянный рост уровня жизни и усиление контроля спецслужб за счет развития информационных технологий до последнего времени позволяли держать ситуацию под контролем. И вот здесь, совершенно некстати, случилось страшное – начало «острой» стадии кризиса вызвало падение уровня жизни «среднего» класса. Разумеется, процесс только начался, но уже и то, что произошло, показало современной «западной» элите – ее положение под угрозой. Все наработанные технологии управления обществом стали давать сбои. Одно дело – контролировать небольшой процент недовольных, другое – массовые выступления. И здесь, естественно, элиты сплотились. Объединило их понимание того, что допускать неконтролируемое развитие событий нельзя. Недолго и власть потерять. А значит, нужно любой ценой заставить пока еще существующий «средний» класс сплотиться вокруг элиты. Точнее, вокруг государства, которое эта элита пока контролирует.

Необходимо, чтобы народ испугался чего-то большего, чем потеря денег. А поскольку страх перед грозящей бедностью весьма силен, то обычным страхом его не перешибешь. Необходим ужас.

По этой причине я был уверен: в скором времени следует ждать чего-то, что повергнет людей в ужас. И такое событие действительно произошло. Я говорю о бойне в Норвегии, устроенной Брейвиком. Массовое убийство настолько всех ошеломило, что большинство не заметило немалого количества странностей и натяжек, сопровождающих официальную версию событий. Тем не менее террористический акт идеально отвечает целям элиты. Пресса всячески подчеркивает традиционалистские убеждения массового убийцы. Ужас должен был исходить непременно от традиционного общества – «средний» класс нужно толкать в объятия либерального государства и либеральных элит, а не в сторону традиционных ценностей. Поэтому СМИ, контролируемые элитой, молчат о групповых изнасилованиях школьниц в Норвегии выходцами из южных стран, хотя они случаются все чаще. Поэтому СМИ не говорят о росте наркомании и падении рождаемости – перед ними поставлены другие задачи. А вот массовое убийство, совершенное человеком, который якобы (правды мы все равно уже сегодня не узнаем) поддерживает традиционные ценности, – это именно то, что нужно элите и власти.

Трудно сказать, будут ли в будущем предприняты аналогичные акции, но в любом случае достигнуть цели современной «западной» элите не удастся – падение экономики окажется слишком сильным. Впрочем, элита в это пока не верит. Но вот что она сумеет сделать – это устроить массовый межнациональный конфликт, который резко усилит традиционные ценности в обществе. К сожалению, это произойдет через очень сильное обострение ситуации, сравнимое с нашей Гражданской войной. И основной вопрос, который сегодня стоит задать: сможет ли общество в европейских странах понять, кто был реальным заказчиком кровопролития на острове Утойя? Или уже никогда не поймет? В конце концов, образование и культура уничтожаются не просто так, а с глубоким смыслом.

Как пойдет ситуация дальше? Новых пророков пока не видно, так что выбирать приходится из существующих проектов. Поскольку предстоящий экономический кризис резко опустит уровень жизни во всех западных странах (который сейчас существенно завышен за счет феномена сверхпотребления, связанного с эмиссией доллара), то концепции «наживы» во многом сменятся

на «справедливость». И это означает ренессанс «красного» проекта и еще большее усиление исламского проекта. Что произойдет в США, автор предсказывать не берется, а в Европе вопрос будет только один: сможет ли социалистическая идея ассимилировать исламское население или Европа вольется в исламский мир? Отметим, что до сих пор ассимилировать ислам удавалось только в рамках развития социалистических идей, в связи с чем я считаю, что именно в Европе «красный» проект ожидает мощная экспансия.

Ренессанса чисто христианских проектов («византийского» в форме православия и «католического») в ближайшем будущем ждать не приходится. Дело в том, что такой мощный кризис, как распад мировой системы разделения труда, распад единого долларового пространства, будет требовать от всех участников активных, если не агрессивных, действий. Политика же «христианских» проектов существенно определяется их догматикой, которая в качестве одного из главных достоинств называет смирение. Иными словами, возрождение этих проектов возможно, но не в среднесрочной, а тем более не в краткосрочной перспективе. Это требует весьма длительного времени.

Есть и еще одна причина, по которой именно «красный» проект должен приобрести в ближайшем будущем особое значение. Я уже говорил о том, что ссудный процент, разрешенный в XVI в., создал новый феномен в истории человечества – «технологическое общество». Ускоренный технический прогресс последних столетий, который, в частности, резко уменьшил смертность и позволил существенно нарастить численность человечества, вызван именно этим явлением. Не исключено, что обязательным условием для этого феномена является одновременное наличие ссудного процента и библейской системы ценностей. Даже Япония и Китай, в общем, развивают свои технологии только за счет западных стран – инвесторов и потребителей произведенной ими продукции. Про ислам и говорить нечего – все попытки создания технологической цивилизации на внутренней базе исламских народов оказались неудачными.

В то же время отказаться от технологических достижений человечество на сегодня не готово. И тем более важно то, что было одно исключение из этого довольно жесткого правила. О нем я уже говорил выше, но стоит повторить. Технологическая цивилизация была построена в СССР – стране, в которой ссудный процент был запрещен не менее, если не более жестко, чем в исламских странах. Этот уникальный опыт «красного» проекта не может

не быть востребован, поскольку, скорее всего, предстоящий кризис единой меры стоимости вызовет по крайней мере временный отказ от использования ссудного процента. Связано это с тем, что разрушение единого эмиссионного долларového пространства будет, вернее всего, происходить постепенно. На первом этапе, с большой вероятностью, мир разделится на несколько эмиссионных валютных зон: доллара США (выпускать который, видимо, рано или поздно станет не частная контора, а федеральное казначейство), евро и юаня.

Не исключено, что возникнут еще две зоны: так называемого «золотого динара» и российского рубля. Собственно говоря, последнее абсолютно обязательно для сохранения России как единого государства. Правда, при нынешнем руководстве нашей экономикой это достаточно маловероятно. Если учесть, что рынки должны быть глобальными, такая система окажется заведомо менее рентабельной и, скорее всего, продолжит свой распад. В результате отдельные государства, чтобы защитить свои суверенитеты, начнут все жестче и жестче ограничивать права отдельных частных субъектов на присвоение прибыли. Это в конце концов почти неминуемо приведет к законодательному или даже идеологическому запрету на частное использование ссудного процента.

Возвращаясь к основной теме, можно отметить, что в Европе ближайших десятилетий мощная экспансия «исламского» проекта встретит серьезное сопротивление:

- со стороны умирающего «западного» проекта. Схватка будет безжалостной и бескомпромиссной;

- со стороны национальных государств, объединенных в рамках Евросоюза. Здесь давление «исламского» глобального проекта окажется слабее, поскольку национальные проекты, по определению, не в силах долго противостоять проекту глобальному;

- третьим субъектом сопротивления станет возрождающийся «красный» проект, и здесь отношения будут очень сложными. С одной стороны, «красный» проект может ассимилировать исламское население Европы (как это было сделано в СССР), и в этом смысле он представляет для «исламского» проекта главную опасность. С другой – некоторые его черты необходимо максимально поддерживать, поскольку именно они должны будут обеспечить сохранение технологической цивилизации в Европе.

В результате этих процессов, скорее всего, в Европе возникнет новый глобальный проект, некий симбиоз ислама и социализма, который можно условно назвать «исламским социализмом».

Ситуация в России будет отличаться от европейской только одним: куда более развитыми принципами и механизмами «красного» проекта. И это несет огромную угрозу «западному» проекту, поскольку описанные выше варианты развития событий в Европе могут существенно быстрее реализоваться в России и тем самым серьезно ускорить окончательный распад «западного» глобального проекта. Неслучайно «западный» проект бросил значительные силы на срочное разрушение в России реликтов «красного» проекта: его наемные менеджеры начали агрессивно проталкивать немедленное вступление России в ВТО, разрушать государственную систему пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования. Смысл этих действий понятен. Россия на протяжении тысячелетия была исключительно проектной страной и попросту не может существовать без великой идеи. Разрушение «красного» проекта впервые в истории оставило ее в идейном вакууме: никаких проектных ценностей для России пока не видно. Вменить нашим народам ценности «западного» проекта, прямо скажем, не удалось. Однако у России все еще остался некоторый оборонно-технический и образовательный потенциал, и «западные» проектанты не желают допустить, чтобы какой-либо другой глобальный проект захватил эту территорию. Следовательно, надо превратить ее в пустыню, населенную агрессивными и неконструктивными племенами. До тех пор пока «западный» проект был «единым и неделимым», с Россией можно было бороться на технологическом уровне. Но теперь, когда он зашатался, требуются более жесткие и решительные меры. Что мы и наблюдаем на практике.

Теоретически после распада «западного» проекта возможен и другой путь развития. Это отказ и от оставшихся библейских догматов. Однако в этом случае придется формулировать новую догматику проектного масштаба. Как бы то ни было, неизбежный распад «западного» проекта приведет к сложному процессу борьбы уже существующих глобальных проектов в попытках усилить свое влияние или просто возродиться. Главными из них, по всей видимости, на первом этапе станут два: исламский и «красный». Первый – в силу своей очевидной на сегодня мощи, второй – как гарант сохранения «технологической цивилизации». И если Россия хочет играть в ближайшие десятилетия хоть какую-нибудь роль в мире, а то и просто сохраниться как государство, нам жизненно необходимо с предельной активностью реанимировать оставшиеся от времен социализма механизмы и технологии и попытаться создать новую российскую проектную идеологию.

Таким образом, современная ситуация предоставляет нам совершенно уникальные возможности. Почему именно нам? Дело в том, что западное общество жестко тоталитарно. Любые попытки заниматься чем-то, не одобренным официальной идеологией, неуклонно преследуются. Наказания, правда, помягче, чем те, что применялись в СССР. Людям всего лишь закрывают возможности карьерного роста. Даже если школьник начинает в своих рассуждениях и высказываниях противоречить основополагающим догмам, то можно смело сказать – хорошего образования он уже не сможет получить никогда. Вместе с тем существуют разного рода институты и механизмы, предназначенные контролировать положение так, чтобы не завести его в тупик, – при критическом развитии ситуации снимаются запреты на вольную мысль. Этот механизм действовал неоднократно на протяжении нескольких веков.

В последний раз он был пущен в ход совсем недавно, когда Фрэнсис Фукуяма, известный тем, что 20 лет тому назад написал книжку «Конец истории», опубликовал в первом номере журнала «Foreign Affairs» за 2012 г. статью под названием «Будущее истории». Коротко перескажу своими словами этот знаменательный текст. «Мы уткнулись в идейный тупик, – пишет Фукуяма. – Современный капитализм умирает у нас на глазах, и по этой причине нам нужна новая идеология. Сочинить ее на старом фундаменте мы не можем потому, что нас сдерживает слишком много запретов. Однако давайте отдадим себе отчет в том, что эти запреты появились в результате противоборства с СССР и вообще с “красным” проектом. Этого проекта теперь нет, и потому мы можем снять все запреты и дать свободу творчеству, народу. Пусть, дескать, народ сочинит нам новую капиталистическую идеологию». Он даже рисует забавную картинку: «Представьте на мгновение неизвестного сочинителя, который, ютясь где-нибудь на чердаке, пытается сформулировать идеологию будущего, способную обеспечить реалистичный путь к миру со здоровым обществом среднего класса и прочной демократией». Однако Фукуяма тут же предупреждает: есть четыре пункта, от которых ни в коем случае нельзя отказаться. Это частная собственность, свобода, демократия и «средний» класс. Понятно, почему в этот перечень затесался «средний» класс, который вообще-то не имеет никакого отношения к философским понятиям. Именно он, «средний» класс, собственно, и требует наличия частной собственности, свободы и демократии. Бедным эти блага ни к чему – им от них ни жарко, ни холодно. А богатым свобода и демократия не нужны,

потому что свою собственность они могут защитить самостоятельно. Таким образом, «средний» класс становится очень важным связующим звеном.

Итак, Запад открыто заявил, что объявляет конкурс на новую идеологию. И здесь мы сталкиваемся с совершенно любопытной вещью. Мировоззрение, философия, тщательно проработанная и многократно переписанная история Запада создавались в последние 100 лет в ходе борьбы с коммунистической идеологией, одним из ключевых элементов которой является тезис о конце капитализма. Соответственно, в западной модели, в либеральной философии и прочих построениях капитализм принципиально бесконечен. По этой причине новая философия, которую предлагает разрабатывать Фукуяма, если и будет разработана, станет всего лишь обновлением капитализма.

Возможно ли такое обновление?

Давайте разберемся, откуда в коммунистической идеологии взялся тезис о конце капитализма? Мы привыкли считать, что его придумал Карл Маркс и что он естественно вытекает из марксовской теории смены формаций. Но тогда возникает другой вопрос: почему Маркс решил заниматься теорией смены формаций? А дело вот в чем. Маркс как ученый – не как идеолог и пропагандист, а именно как ученый – политэконом. Политэкономия как наука появилась в конце XVIII в., и разработал ее Адам Смит, потом подхватил Давид Рикардо, и Маркс, в некотором смысле, был продолжателем их традиции. Так вот тезис о конце капитализма появился у Адама Смита, и не исключено, что Маркс и занялся-то концепцией смены формаций, потому что понимал, что капитализм конечен. Ему было интересно разобраться, каким будет посткапиталистическое общество.

Согласно Адаму Смиту, уровень разделения труда в конкретном обществе определяется масштабами этого общества, т.е. рынком. Чем больше рынок, тем глубже может быть разделение труда. (Объясню этот тезис, что называется, «на пальцах». Предположим, есть некая деревня, в которой 100 дворов. Так вот, хоть умри, но строить паровозы там невозможно. Не тот масштаб.) Со времен Смита этот тезис получил массу подтверждений и из него вытекает довольно простое следствие – с какого-то момента, с какого-то уровня разделения труда дальнейшее разделение может происходить только путем расширения рынка.

И вот в наши дни мир зашел в ситуацию, которую Адам Смит и даже Маркс описывали как абстрактную, чисто гипотети-

ческую. Сегодня она стала вполне конкретной. Расширение рынков более невозможно. Следовательно, невозможно и дальнейшее углубление разделения труда в рамках существующей модели экономики. Конечно, можно попытаться сделать это в какой-то отдельной отрасли, но никак не во всей экономике в целом. Не получится. Отсюда следует вывод – современный капитализм закончился. Нынешний кризис – это кризис конца капитализма. У него больше нет ресурса развития. Развиваться далее в тисках капиталистической идеологии мир не может.

С точки зрения человечества, это не самая большая беда. Только в Европе и только за последние 2 тыс. лет сменились по крайней мере две базовые модели экономического развития, о чем я уже говорил выше. Ничто не мешает произойти еще одной смене.

Поэтому мне представляется, что сегодня ключевым моментом является поиск нового механизма развития и нового языка, на котором это развитие можно описать. Тот, кто это сделает, станет цивилизационным чемпионом на ближайшие лет 200–300. Из всего сказанного выше ясно, что сделать это можно только за пределами западного мира. И я не могу отыскать на карте страну, кроме России, где могла бы родиться новая идея.

«Дружба народов», М., 2012 г., № 7, с. 149–165.

ВАЖНЫЕ СОБЫТИЯ ПОСЛЕДНЕГО 20-ЛЕТИЯ В ОЦЕНКАХ РОССИЯН

Минувшее 20-летие, особенно его первая половина, было богато на исторические события, многие из которых носили и продолжают носить «знаковый» характер. Они воспринимаются не только эмоционально, но и в какой-то степени отражают систему ценностей граждан, современников данных событий. В первую очередь это относится к периоду конца перестройки – начала «ельцинских реформ». Некоторые из событий носили эпохальный характер и еще долгое время будут будоражить умы людей, а некоторые начинают уже забываться. Рассмотрим их оценку россиянами более подробно¹.

¹ 20 лет реформ глазами россиян. Опыт многочисленных социологических замеров: Аналитич. докл. / Институт социологии РАН. Подготовлен в сотрудничестве с фондом им. Ф. Эберта в РФ. – М., 2011. С. 38–54. В апреле 2011 г.

Победа Б. Ельцина над ГКЧП в августе 1991 г. Она является собой достаточно неоднозначное событие нашей новейшей истории, сыгравшее огромную роль в дальнейшем развитии страны, сделавшее необратимыми как распад СССР, так и смену общественного строя в России. Обстоятельства тех трех дней до сих пор вызывают дискуссии, а в массовом сознании окружены мифами, имеющими лишь косвенное отношение к исторической правде. Несмотря на отрицательные оценки дальнейшей деятельности Б. Ельцина, отношение к ликвидации им ГКЧП можно охарактеризовать «как скорее позитивное» (41 против 35%) во многом потому, что оппоненты Б. Ельцина вызывают еще меньше симпатий, как люди, пытавшиеся «повернуть время вспять». Иначе говоря, события августа 1991 г. воспринимаются сегодня скорее как выбор между бóльшим и мёньшим злом. К тому же современники этих событий вспоминают не только Б. Ельцина, но и атмосферу политического подъема, энтузиазма тех дней. Хотя нельзя не видеть и того, что они оцениваются сегодня уже не так однозначно, как десять лет назад. Наиболее позитивно победу Б. Ельцина над ГКЧП воспринимают сторонники либералов (56%), наименее – сторонники коммунистов (24%).

Запрет КПСС. Хотя этот запрет произошел непосредственно после завершения «путча ГКЧП» и был вызван обстоятельствами августа 1991 г., отношение в обществе к этому событию значительно отличается от восприятия самой победы Б. Ельцина над ГКЧП. 32% опрошенных продолжают считать подобное событие позитивным, в то время как 39% – нет. Десять лет назад доля сторонников была заметно больше. Наиболее позитивно запрет воспринимается в группе респондентов, придерживающихся, по их собственным словам, либеральных взглядов (58% одобряют), а наиболее негативно, как и следовало ожидать, – среди сторонни-

Институт социологии РАН провел общероссийское социологическое исследование с одноименным названием. Его целью было выявление восприятия россиянами опыта реформирования экономической, социальной и политической жизни общества за последние 20 лет, тех сдвигов, которые произошли в самом обществе за эти годы. Вместе с тем эмпирической базой настоящего исследования послужили результаты исследования, проведенного ИС РАН в 2001 г., «Новая Россия: Десять лет реформ». Это дало возможность проведения сопоставительного анализа, раскрывающего не только нынешнее состояние массового сознания, но и тенденции его развития, особенности проявления на различных этапах реформ. Исследование и аналитический доклад выполнены рабочей группой ИС РАН. Руководители исследования: член-корр. РАН М.К. Горшков и В.В. Петухов.

ков коммунистов (80% относятся отрицательно). Что же касается остальных групп общества, их отношение к данному событию носит противоречивый характер. Это связано, по всей видимости, с тем, что запрет и ликвидация КПСС, а также последующая ликвидация системы Советов, привели на какой-то период к параличу многих государственных структур.

Распад СССР в декабре 1991 г. Само событие носит во многом мифологический характер, так как распад СССР фактически произошел на рубеже августа и сентября 1991 г., а в декабре был лишь политически оформлен. Негативное отношение к этому событию является практически консенсусным (осуждают 73%, одобряют 14%), не сильно зависящим от взглядов и социальной принадлежности опрашиваемых, поскольку в восприятии большинства из них распад СССР означал уничтожение не столько социального строя, сколько великого и могущественного государства.

Резкая либерализация цен и переход к рыночной экономике в 1991–1992 гг. Отношение к либерализации цен, проведенной одномоментно в январе 1992 г., сложилось в обществе сугубо отрицательное (19% «за», «против» 66%). Даже в группе либералов поддержка носит достаточно условный характер – 43 на 42%. За последнее десятилетие отношение общества к этой акции стало еще более негативным (уровень поддержки упал с 38 до 19%). Это связано, прежде всего, с тем, что рост цен сопровождает жизнь россиян на протяжении всего последнего 20-летия. Но если в начале 2000-х появилась надежда, что высокую инфляцию в самое ближайшее время властям удастся обуздать, то в последние два года все вернулось на круги своя, и рост цен вновь прочно входит в тройку проблем, в наибольшей степени беспокоящих россиян.

Проведение приватизации (передача в частную собственность) государственной собственности в 1992–1993 гг. Так же как и либерализация цен, подобная акция входит в «пакет» наиболее непопулярных мер, предпринятых реформаторами в 90-е годы. Соотношение тех, кто отзывался положительно, и тех, кто – отрицательно, составляет 27 против 60%. В то же время в отличие от либерализации цен динамика изменения мнений носит более позитивный характер – десять лет назад лишь 7% опрошенных относились к приватизации государственной собственности позитивно. Видимо, имеет место «эффект привыкания». Тем не менее эта мера пользуется основной поддержкой лишь в либеральном сегменте общественного мнения (48 против 38%).

Разгон Верховного Совета России в 1993 г. Отношение к этому событию в обществе сформировалось скорее негативное, чем позитивное (23% одобряют, 37% – нет), при «рекордной» – более 40% – доле тех, кто относится безразлично или плохо помнит. За минувшие десять лет отношение к разгону Верховного Совета РФ серьезных изменений не претерпело. Лишь среди либералов наблюдается перевес в сторону положительных оценок: 37% против 30. Наиболее негативное отношение среди сторонников коммунистов: 10% против 69.

Принятие в декабре 1993 г. новой Конституции России. Несмотря на то что многие политические силы высказывают свои претензии действующей Конституции России, наспех принятой вскоре после событий октября 1993 г., сам акт ее принятия воспринимается скорее со знаком «плюс» – 44% против 17. Примерно так же общество отзывалось об этом акте и в 2001 г. Наиболее позитивно к принятию Конституции относятся либералы (62% против 10), очевидно, полагая, что именно ныне действующая Конституция закрепляет основные завоевания демократических перемен в России. Здесь также большой процент тех, кто не смог или не захотел выразить свое отношение (39%).

Первая чеченская война (1994–1996). Исключительно непопулярное событие, к которому позитивно относятся 4% опрошенных россиян, а негативно – 90%. Следует отметить то обстоятельство, что хотя эта война никогда не была популярной в обществе, еще десять лет назад 33% опрошенных (против 58%) ее поддерживали. В крайне негативной оценке Первой чеченской войны едины все опрошенные, независимо от своих взглядов и убеждений.

Избрание на второй срок Б. Ельцина в 1996 г. президентом России сегодня воспринимается обществом в целом негативно (24% «за», «против» 59%). Действительно, второй срок Б. Ельцина, который достался ему ценой беспримерных усилий и пропагандистских ухищрений, оказался во всех отношениях неудачным, завершившись экономическим дефолтом. Время менялось, вместе с ним менялся запрос общества к власти, и бывший «лидер революции», передоверивший большую часть власти собственной «челяди», этому запросу уже не соответствовал. Выше всего доля сторонников второго срока Б. Ельцина в группе респондентов с либеральными взглядами, но и там они не преобладают (39% против 45%).

Финансовый кризис (дефолт) в августе 1998 г. Событие, которое во многом подвело черту под эпохой 90-х. Хотя многие эконо-

номисты уверены в долгосрочных позитивных последствиях дефолта, избавившего экономику от «пузыря», лишь 2% опрошенных против 91% склонны оценивать это событие положительно. В такой оценке едины все группы опрошенных. Именно дефолт привел к власти сначала правительство Е. Примакова, а потом и правительство В. Путина, которые были восприняты обществом как конструктивная альтернатива реформам 90-х.

Вторая чеченская война (1999–2001). Считается, что именно она принесла популярность В. Путину и способствовала его приходу на пост Президента РФ. Действительно, согласно данным исследования 2001 г., 56% опрошенных одобряли эту войну. Но по прошествии десяти лет отношение к ней радикально изменилось и ничем не отличается от отношения к Первой чеченской войне (4% «за», «против» 91%). По всей видимости, конкретные обстоятельства похода банды Ш. Басаева в Дагестан и последующая жесткая реакция федеральных властей просто выветрились из массового сознания. Пересмотр же в сторону ужесточения первоначальных оценок как Первой, так и Второй чеченских войн, связан скорее всего с сегодняшним состоянием Северо-Кавказского региона в целом, и особенно Чечни, в которой, хоть и удалось консолидировать власть вокруг Р. Кадырова, угроза терроризма по-прежнему велика. Соответственно, жертвы, понесенные федеральными силами в этих войнах, во многом оказались, по мнению большинства опрошенных, напрасными. Лишь в группе сторонников «особого русского пути» набралось 10% относящихся к этой войне позитивно.

Уход Б. Ельцина в отставку до истечения срока его президентских полномочий в декабре 1999 г. 77% опрошенных россиян против 11% одобряют это решение Б. Ельцина (в 2001 г. одобряли еще активнее – 86%). Б. Ельцин покидал свой пост в условиях резко негативного настроения общества по отношению к его деятельности, он явно «пересидел» у власти, оказавшись в новой политической эпохе, которой требовались новые лидеры и новая политика. В одобрении данного поступка первого Президента РФ едины все опрошенные группы (табл. 1).

Таким образом, большинство событий 90-х оставило о себе в сознании большинства россиян недобрую память. Символично, что лишь приход Б. Ельцина к власти в 1991 г. и его уход десять лет спустя воспринимаются современным поколением россиян со знаком «плюс». В то же время негативное отношение к «эпохе»

Таблица 1

**Отношение россиян к наиболее важным событиям
90-х годов. 2001 и 2011 гг., %**

События	2001			2011		
	Скорее положительное	Скорее отрицательное	Безразличное, не помнят	Скорее положительное	Скорее отрицательное	Безразличное, не помнят
Победа Б. Ельцина над ГКЧП в августе 1991 г.	47	35	18	41	35	24
Запрет КПСС	39	38	23	32	39	29
Распад СССР в декабре 1991 г.	14	73	13	14	73	13
Резкая либерализация цен и переход к рыночной экономике в 1991–1992 гг.	38	54	8	19	66	15
Проведение приватизации (передача в частную собственность) государственной собственности в 1992–1993 гг.	7	85	8	27	60	13
Разгон Верховного Совета России в 1993 г.	26	38	36	23	37	40
Принятие в декабре 1993 г. новой Конституции России	46	20	34	44	17	39
Первая чеченская война (1994–1996)	33	58	9	4	90	6
Избрание на второй срок Б. Ельцина в 1996 г. президентом России	25	63	12	24	59	17
Финансовый кризис (дефолт) в августе 1998 г.	3	89	8	2	91	7
Вторая чеченская война (1999–2001)	56	39	5	4	91	5
Уход Б. Ельцина в отставку до истечения срока его президентских полномочий в декабре 1999 г.	86	5	9	77	11	12
Избрание В. Путина в 2000 г. Президентом РФ	73	11	16	82	10	8

Б. Ельцина постепенно ослабевает, трансформируясь в сожаление по поводу упущенных в 90-е годы возможностей. То есть россияне по-прежнему полагают, что реформы были необходимы, но могли проводиться с меньшими издержками для страны и ее граждан. Имеется в виду, прежде всего, «шоковый» переход к рыночной

экономике. Россияне помнят и дефолт 1998 г., две чеченские войны и их влияние на развитие ситуации на Северном Кавказе.

На этом фоне «эпоха» В. Путина воспринимается населением страны как более успешная, чем предшествующая. И это несмотря на то, что многие начинания В. Путина так и не были доведены до конца, а то, что пришло на смену 90-м годам, частично сохранило преемственность с предшествующим периодом, частично стало его противоположностью. «Равноудалив» наиболее одиозных олигархов, В. Путин сохранил крупный олигархический по своей природе бизнес, встроив в него систему мощных госкорпораций, руководители которых стали своего рода «новыми олигархами». Начав наводить порядок на Северном Кавказе и в других беспокойных регионах, В. Путин фактически создал «асимметричную федерацию», в которой исполнение некоторыми республиками федеральных законов в полном объеме де-факто перестало быть обязательным. «Наведение порядка» в системе государственного управления обернулось невиданной вольницей для бюрократических кланов и групп. Государство то «монетизировало» льготы населения, то раздавало преференции, часто обременительные для бюджета, особенно в условиях кризиса. Многие другие реформы в области экономики и социальной сферы (ЖКХ, пенсионная, образовательная) или зависали, или давали явно не те результаты, которые ожидались.

Отсюда весьма неоднозначные оценки итогов деятельности В. Путина на посту президента России по ключевым, стратегическим направлениям развития страны. Пожалуй, лишь в сфере укрепления международных позиций России имеются очевидные положительные сдвиги по сравнению с 90-ми годами (77% оценивают как успех, в том числе 23% – как большой успех). Общественное мнение также признает, что В. Путину удалось «навести порядок в стране» (63 против 31%), хотя это наведение сопровождалось рядом серьезных издержек, связанных с ростом коррупции, произволом бюрократии, особенно на местах.

По всем остальным направлениям достижения, хотя и оцениваемые со знаком «плюс», гораздо скромнее. Это в первую очередь относится к подъему экономики и росту благосостояния граждан, а также развитию демократии и политических свобод граждан, урегулированию ситуации на Северном Кавказе (табл. 2).

**Успешность решения В. Путиным основных проблем страны
в период его президентства в оценках россиян, %**

	Очень успешно	Скорее успешно	Скорее не успешно	Совершенно безуспешно	Затруднились ответить
Укрепление международных позиций России	23	54	11	4	8
Наведение порядка в стране	9	54	21	10	6
Подъем экономики, рост благосостояния граждан	8	46	27	13	6
Защита демократии и политических свобод граждан	8	38	25	13	16
Урегулирование ситуации на Северном Кавказе	8	37	28	15	12

Та же самая картина неопределенности, неоднозначности просматривается в оценках, которые давали респонденты ключевым событиям или конкретным действиям властей в 2000-е годы. Безусловную поддержку получило лишь избрание В. Путина президентом России. 82% опрошенных оценили это событие со знаком «плюс».

Контртеррористические операции в Москве и на Северном Кавказе. Общество признает их скорее успешными, чем не успешными – 47% против 36. Действительно, «пик» террористической деятельности пришелся на 2002–2004 гг., с печально известными «Норд-остом» и Бесланом, однако полностью нейтрализовать террористическое подполье так и не удалось, несмотря на построение «административной вертикали» и выделяемые на антитеррористическую деятельность значительные средства. Так что успех, если он и есть, носит частичный характер. В этой сдержанно-позитивной оценке едины все группы общества.

Монетизация льгот в 2005 г. (замена натуральных льгот денежными выплатами). Эта акция, проведенная в январе 2005 г., стала серьезным испытанием для «режима Путина». Инициированная правительством, она вызвала массовые акции протеста, вынудившие власти значительно скорректировать процесс монетизации. Тем не менее и сегодня проведенная монетизация льгот не встречает массовой поддержки, налицо умеренно негативное от-

ношение: 34% опрошенных «за», а 42% – скорее против. Лишь в составе либералов доля ее сторонников несколько превышает долю противников (38% против 36).

Любопытно, что из коллективной памяти, судя по опросам, уходят многие политические события не только 80–90-х годов, привлекавшие в свое время огромное общественное внимание (борьба вокруг отмены 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС, разгон Съезда народных депутатов России с последующим расстрелом здания парламента в 1993 г. и др.), но и события, казалось бы, совсем недавнего прошлого. Например, ликвидация ЮКОСа с последующим арестом М. Ходорковского, закрытие «старого» канала НТВ. Около 40% опрошенных и в том, и в другом случае заявили, что не помнят об этом, либо относятся индифферентно. Это связано, по всей видимости, с тем, что события, о которых шла речь выше, с течением времени начинают восприниматься значительной частью общества как эпизоды внутри-элитной борьбы за власть и влияние.

С 2008 г. «эпоха» В. Путина, формально закончившись, в реальности была продолжена уже в формате «тандема». Как показал опрос, подобная новая конструкция власти была воспринята россиянами в целом благожелательно.

Это видно из того, как реагировали россияне на избрание президентом России Д. Медведева в 2008 г. Несмотря на всевозможные претензии к властям, россияне в массе своей остаются лояльными верховной власти, неважно – В. Путину, Д. Медведеву или им обоим одновременно. Пока эта тенденция сохраняется. 69% опрошенных против 19% полагают, что избрание Д. Медведева сыграло положительную роль в жизни страны. Наиболее высок уровень позитивного отношения к избранию Д. Медведева у либерально ориентированной части общества (73%), наименее высок – среди сторонников особого русского пути (59%).

Война с Грузией в 2008 г. Отношение россиян к событиям августа 2008 г., как показало исследование, сегодня носит неоднозначный характер. Лишь четверть опрошенных оценивает войну с Грузией со знаком «плюс», в то время как 68% – со знаком «минус», что выглядит несколько неожиданным на фоне высокого уровня поддержки обществом действий российских властей на Кавказе. Это касается и признания независимости Абхазии и Южной Осетии. Именно по итогам «пятидневной войны» рейтинг верховной власти РФ достиг наивысших значений. Однако всплеск

патриотических настроений носил краткосрочный характер, сменившись привычным для последних десятилетий настроением на максимально возможное дистанцирование России от острых международных конфликтов и концентрацию внимания ее властей на внутривнутриполитических и экономических проблемах.

Меры по преодолению экономического кризиса 2008–2009 гг. Хотя экономические последствия кризиса оказались для большей части россиян не столь тяжелыми, как это предполагалось вначале, действия властей оцениваются как далеко не идеальные, хотя и не провальные. 40% опрошенных россиян оценивают их скорее позитивно, а 46% – скорее негативно. К подобной оценке привела резко выросшая безработица, всплеск инфляции, приоритетное «спасение» состояний банкиров-олигархов и т.п. Лишь в среде либералов 60% опрошенных одобряют антикризисные действия властей.

Определение Президентом РФ курса на модернизацию российского общества. Объявленный президентом Д. Медведевым в 2009 г. курс на модернизацию российского общества находит достаточно высокую поддержку населения России (60% против 18), особенно среди наиболее молодой и активной его части. В то же время многие из тех, кто готов поддержать этот курс, пока не видят в нем реального политического содержания, опасаются, что все опять ограничится благими пожеланиями. Наиболее высокий уровень поддержки курса на модернизацию среди либералов (72%), наименее высок среди коммунистов (51%).

В целом со знаком «плюс» оцениваются большинством россиян действия властей по преодолению техногенных и экологических катастроф, а также получение Россией права на проведение зимней Олимпиады 2014 г. в Сочи и чемпионата мира по футболу в 2018 г. Безусловно, наши сограждане понимают, что реализация столь масштабных проектов будет сопровождаться (и уже сопровождается) коррупцией при освоении огромных средств, экологическими проблемами и т.п., однако соображения престижа страны, возможности создать во многих регионах России современную инфраструктуру, причем не только спортивную (дороги, аэропорты, связь и т.п.), превалируют (табл. 3).

Итак, результаты исследования свидетельствуют, что «эпохи» Б. Ельцина и В. Путина в истории нашей страны оцениваются россиянами по-разному. Глубокие различия в оценках двух эпох отчетливо проявляются и в отношении к лидерам страны. Если личности и деятельность лидеров революционного периода,

М. Горбачёва и Б. Ельцина, воспринимаются в целом негативно, то деятельность их преемников – В. Путина и Д. Медведева, напротив, в целом позитивно (табл. 4.).

Таблица 3

**Отношение россиян к наиболее важным событиям
периода 2000-х годов, %**

	Скорее положительное	Скорее отрицательное	Безразличное, не помнят тако- го события
Ликвидация ЮКОСа, арест М. Ходорковского	41	20	39
Закрытие «старого» телеканала НТВ, ужесточение контроля государства над телевидением	21	42	37
Контртеррористические операции в Москве и на Северном Кавказе	47	36	17
Монетизация льгот в 2005 г. (замена натуральных льгот денежными выплатами)	34	42	24
Избрание президентом России Д. Медведева в 2008 г.	69	19	12
Война с Грузией в 2008 г.	23	71	6
Действия властей в условиях экономического кризиса 2008–2009 гг.	40	46	14
Определение президентом России курса на модернизацию российского общества	60	18	22
Действия властей по преодолению техногенных и экологических катастроф (взрыв на Братской ГЭС, ликвидация лесных пожаров 2010 г. и т.п.)	58	31	11
Выигрыш Россией права на проведение зимней Олимпиады 2014 г. в Сочи	71	20	9
Выигрыш Россией права на проведение чемпионата мира по футболу в 2018 г.	66	19	15

Это объясняется в первую очередь направленностью современного массового запроса на ценности порядка, сильного государства, стабильности. Общество переживает период передышки после быстрых перемен, общественной смуты, нестабильности и еще из этого состояния не вышло. Данный запрос сформировался в середине 90-х, и уже тогда недавний вождь перемен Б. Ельцин, кумир миллионов россиян, стал превращаться в общественном мнении в виновника всех бед, постигших страну, а с М. Горбачёв-

вым аналогичная эволюция произошла еще раньше. И сегодня, спустя значительное время после ухода из власти и того, и другого, отношение к ним, лично и политически конфликтующим во времена нахождения в гуще политики, совершенно совпадает. И того, и другого позитивно / скорее позитивно оценивают по 26–28%, негативно / скорее негативно – по 54–58% опрошенных.

Таблица 4

**Оценка россиянами деятельности М. Горбачёва,
Б. Ельцина, В. Путина, Д. Медведева
на посту Президента СССР и РФ, %**

	Безусловно положительная	Скорее поло- житель	Скорее отрицательная	Безусловно отрицательная	Затруднились ответить
М. Горбачёв	4	ная22	33	21	20
Б. Ельцин	4	24	33	25	14
В. Путин	31	50	8	4	7
Д. Медведев	24	46	12	4	14

Для молодежи, выросшей после отхода М. Горбачёва и Б. Ельцина от большой политики, – это уже исторические фигуры, частично забытые и не вызывающие особых эмоций. В отличие от старшего поколения, которое до сих пор их помнит и большинство которого (свыше 65%) оценивает их деятельность негативно.

Что же касается В. Путина и Д. Медведева, то они воспринимаются большей частью общества как «политические близнецы», как носители иной парадигмы развития. 81% опрошенных позитивно оценивает деятельность В. Путина (в том числе 31% – безусловно положительно), 12% – отрицательно; деятельность Д. Медведева положительно оценивают 70% опрошенных, отрицательно – 24%. Последний является как бы «политическим младшим братом» своего партнера по тандему, и, соответственно, его рейтинг немного ниже. Можно уверенно сказать, что, несмотря на постоянные разговоры о расколе элит, в которых либеральная часть делает ставку на Д. Медведева, а консервативная – на В. Путина, массовое сознание подобным противопоставлением еще не прониклось. Во всех без исключения идейных группах общества, включая либералов, рейтинг В. Путина несколько выше, хотя разрыв в отношении к лидерам на протяжении последних трех лет неуклонно сокращался. То же касается и возрастных раз-

личий в «профилях поддержки» В. Путина и Д. Медведева, которые выявлены чрезвычайно слабо, а распространенная точка зрения об «особых» симпатиях к Д. Медведеву молодежи, а к В. Путину пожилых россиян – ничем не подтверждается. Напротив, основная часть тех, кто относится к нашей верховной власти резко отрицательно, в основном сосредоточена как раз в старших возрастных группах (табл. 5).

Таблица 5

**Оценка деятельности В. Путина и Д. Медведева
на посту Президента России среди представителей
различных возрастных групп населения, %**

Президенты	Оценка	18–25 лет	16–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет
В. Путин	Безусловно / скорее положительная	80	84	82	82	82	73
	Безусловно / скорее отрицательная	8	9	10	12	13	16
	Затруднились ответить	12	7	8	6	5	11
Д. Медведев	Безусловно / скорее положительная	75	69	69	73	66	70
	Безусловно / скорее отрицательная	17	16	17	15	16	16
	Затруднились ответить	8	15	14	12	18	14

Устойчивость высокого уровня поддержки обществом В. Путина является феноменом, объяснить который пытались многие аналитики. В отличие от своих предшественников, он не только не растерял высокий уровень доверия, но и даже сумел его приумножить. Так, в 2001 г., через год после избрания, его деятельность на посту президента страны положительно оценивали 69% опрошенных, к настоящему же времени эта поддержка выросла до 81%, а доля тех, кто относится к нему безусловно позитивно, увеличилась с 14 до 31% (табл. 6).

Это связано, прежде всего, с тем, что В. Путину удалось остановить «бегство» государства из большинства сфер жизни общества, хотя оно сопровождалось рядом серьезных издержек, связанных с выстраиванием «президентской вертикали».

Таблица 6

**Оценка деятельности В. Путина
на посту Президента России в 2001 и 2011 гг., %**

	2001 г.	2011 г.
Безусловно положительная	14	31
Скорее положительная	55	50
Скорее отрицательная	7	8
Безусловно отрицательная	2	4
Затруднились ответить	22	8

Таблица 7

**Оценка степени преемственности курса Д. Медведева
политике В. Путина среди всех опрошенных и респондентов
разных имущественно-материальных групп,
выигравших / проигравших от реформ, %**

	Курс Медведева – продолжение поли- тики Путина	Некоторая корректировка политики Путина	Выработка нового курса	Другое мнение
Все опрошенные	54	29	6	2
<i>Выигравшие / проигравшие от ре- форм 1992 г.</i>				
Скорее проиграли	58	26	7	3
Не выиграли и не проиграли	54	31	5	2
Скорее выиграли	46	34	10	1
<i>Оценка своего материального поло- жения</i>				
Хорошее	51	32	7	2
Удовлетворительное	52	31	6	2
Плохое	58	23	5	2

Другое достижение, возможно, не столько самого В. Путина и его команды, сколько благоприятной экономической конъюнктуры – это выход России в начале 2000-х годов на траекторию устойчивого экономического развития, пусть медленный, но ощутимый рост, даже несмотря на кризис 2008–2009 гг., доходов насе-

ления и улучшение качества жизни, если не всех, то значительных слоев населения.

Кроме того, его феномен состоял в том, что ему на протяжении длительного времени удавалось соединять образ «покровителя, защитника», близкий традиционалистскому большинству населения, и образ «менеджера», нанятого обществом для решения насущных проблем, импонирующий активистскому, либерально-ориентированному меньшинству.

Что же касается Д. Медведева, то большинство россиян (54%) полагают, что его политика являет собой продолжение политики В. Путина. Лишь 6% считают, что Д. Медведев реализует новый курс, отличный от политики В. Путина, а еще 29% видят лишь некоторые новые нюансы, которые тем не менее не меняют общей направленности преобразований, осуществляемых в стране (табл. 7).

«Мир перемен», М., 2011 г., № 4, с. 70–83.

Рашид Эмиров,

политолог

ИСЛАМСКИЙ УЗЕЛ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Как показывает исторический опыт, религия несет мощный идейный потенциал, способный стимулировать социальные, экономические, политические, этнонациональные, социокультурные и иные противоречия и конфликты. При определенных условиях религия может довольно легко принимать радикальные и экстремистские формы. Значимость этого факта для Северного Кавказа определяется тем, что одним из важнейших факторов, определяющих контуры региона в качестве внутреннего геополитического пространства Российской Федерации, является конфессиональное разнообразие.

Здесь в течение многих веков бок о бок сосуществуют различные ответвления христианства – православие, католицизм, протестантизм и монофизитство – ислам суннитского и шиитского направлений, иудаизм, буддизм. В регионе в процессе религиозного возрождения, начавшегося в период перестройки, «построены сотни православных храмов, мечетей, армяно-григорианских церквей, хурулов, синагог, костелов, зарегистрированы тысячи религиозных первичных организаций (приходов и общин), возро-

ждены многие религиозные традиции, православные и исламские праздники, крестные ходы, открыты сотни воскресных школ, православных гимназий, примечетских школ, десятки исламских вузов, несколько православных семинарий. Кроме того, появились периодические издания религиозной направленности, определенная часть населения стала регулярно соблюдать религиозные обряды, священнослужители активно участвуют в общественной жизни, оказывая значительное влияние на политические процессы».

В контексте рассматриваемой темы важное значение на Северном Кавказе имеет ислам. Эта тема вдоль и поперек освещена не только в отечественном и зарубежном исламоведении, но и в политологических, исторических, социологических, философских и иных работах, посвященных различным проблемам современного мира – от социально-экономического развития до экстремизма и терроризма. Здесь рассматриваются лишь те аспекты данного вопроса, которые проливают свет на особенности Северного Кавказа как внутреннего геополитического пространства России.

Место и роль ислама в определении характера и контуров северокавказского геополитического пространства. На протяжении эпох Средневековья и Нового времени ислам выступал в качестве важного фактора духовного развития народов региона. Он играл и продолжает играть ключевую роль в формировании социокультурного и цивилизационного облика народов Кавказа. Ислам, как и любая другая религия, приобретает особую актуальность в переломные периоды исторического развития тех или иных стран и народов. К тому же, как показывает исторический опыт, в такие периоды религия может довольно легко принимать радикальные и экстремистские формы. С данной точки зрения немаловажное значение имеет тот факт, что Северный Кавказ является частью так называемого мусульманского Севера, который в свою очередь составляет часть более обширного мусульманского мира.

По имеющимся данным, в настоящее время в Российской Федерации от 12 до 15 млн. человек, или примерно 10–15% населения, – граждане мусульманского вероисповедания. Значительная их часть приходится на Северный Кавказ. Подавляющее большинство населения Азербайджана является мусульманским. Ислам исповедуют около 30% населения Абхазии, часть осетин, большинство населения Аджарии, а также около 500 тыс. азербайджанцев Грузии. Все это свидетельствует в пользу тезиса о том,

что вероисповедные границы Северного Кавказа простираются на Юге далеко за пределы Российской Федерации в Закавказье и дальше на Ближний и Средний Восток.

Возрождение ислама, его активизация в идеологическом, политическом, общественном аспектах носят глобальный характер, охватывая многие страны мира. Естественно, центральное место в этом плане занимают страны Большого Ближнего Востока, что прямо или косвенно отражается на положении дел на Кавказе. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что после распада СССР многие представители народов новых постсоветских мусульманских государств, да и мусульманских республик самой России стали проявлять растущую чувствительность к веяниям, исходящим из исламского мира.

Имела место тенденция к расширению влияния стран Ближнего и Среднего Востока на ситуацию в мусульманских республиках Северного Кавказа и Азербайджане, а также на отношения Российской Федерации с Кавказом и остальным исламским миром. Следовательно, здесь в единый узел переплетаются внутренние и внешние угрозы национальной безопасности. Поэтому можно согласиться с теми исследователями, которые рассматривают ислам как один из важнейших факторов, определяющих геополитическое положение в южном направлении обеспечения национальной безопасности России.

Для внешнеполитической стратегии России эта тенденция приобретала все бóльшую актуальность на фоне дальнейшего осложнения социальной, экономической, политической и, соответственно, геополитической ситуаций в регионе. Естественно, камнем преткновения в этом направлении стали две чеченские войны. «Исламская составляющая» внешнеполитического курса ряда мусульманских стран в отношении России стала вызывать определенную обеспокоенность у некоторых исследователей, политических кругов и властных структур Российской Федерации. Естественно, процессы, происходившие как в российском исламе, так и в мусульманской общине Азербайджана и Закавказья, в целом находились в поле зрения не только внешнеполитических ведомств мусульманских государств, но и представителей религиозных кругов, видных религиозных деятелей и теологов мусульманского Востока, которые были заинтересованы в распространении своего влияния на российскую исламскую общину.

Иначе говоря, российский ислам не избежал общемировых тенденций. Вторая половина прошлого века – это устойчивый рост

политизации ислама, появление и оформление идеологии исламского фундаментализма. Впервые рост радикальных идей в недрах ислама советского периода начал прослеживаться в период войны в Афганистане. Крах коммунизма и распад СССР породили всплеск исламского радикализма практически на всем постсоветском пространстве мусульманского Севера. Как и в остальном исламском мире, радикализм на Северном Кавказе утвердился в форме различных вариантов политизированного фундаментализма. Причем его приверженцы нашли широкую финансовую и интеллектуальную поддержку со стороны многочисленных зарубежных исламских организаций, за которыми просматривались геополитические интересы государств исламского мира и западных держав. В условиях политической нестабильности в некоторых районах Северного Кавказа последователи радикального ислама сами превратились в фактор нестабильности, агрессии в отношении других народов. Как справедливо отмечал А. Малащенко, «в условиях нарастания общей конфликтности, напряженности в отношениях между Москвой и Северным Кавказом радикализация исламской идеологии, политизация ислама, целенаправленная апелляция к нему местных радикалов, безусловно, делают его дестабилизирующим фактором. На исламе паразитирует этнический сепаратизм. И последнее: северокавказский ислам может стать пусть и ограниченным, но тем не менее рычагом давления на Россию со стороны зарубежных сообществ – как мусульманского, так и западного».

Можно выделить несколько направлений или каналов внешнего влияния мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока на социально-политическую и духовную ситуацию на Кавказе в целом и Северном Кавказе в особенности. Это, прежде всего, расширение связей служителей ислама регионов по линии духовного, просветительского, культурного обмена. На протяжении всего постсоветского периода наблюдался постоянный рост числа контактов в указанных областях. Здесь большого внимания заслуживают подготовка священнослужителей из числа российских граждан в учебных заведениях мусульманских стран, участие преподавателей из этих стран в учебном процессе в Азербайджане и на Северном Кавказе. В 1990-е годы исламские учебные заведения, основанные при непосредственном участии или при материальной помощи представителей мусульманских стран дальнего зарубежья, включая ведущие исламские университеты Аль-Азхар (Египет), Каравийн (Марокко), Аз-Зейтуна (Тунис), играли важную роль в

подготовке служителей веры из числа граждан России и Азербайджана. Многие российские священнослужители, получившие исламское образование в странах мусульманского Востока, заняли влиятельные позиции в религиозных структурах региона.

Важную роль в этом направлении играют международные мусульманские организации, действующие как на правительственном, так и на неправительственном уровнях. При их содействии на Северном Кавказе, равно как и в мусульманских национальных республиках других регионов Российской Федерации и постсоветских государствах, было создано множество благотворительных, просветительских, культурных и иных организаций.

Официально заявленной их целью является распространение среди населения региона идей и принципов ислама. Немаловажную роль в этом направлении играли действовавшие в первое десятилетие постсоветского периода на Кавказе филиалы международных исламских гуманитарных организаций. Всемирная исламская благотворительная организация со штаб-квартирой в Кувейте занимается оказанием материальной и моральной помощи мусульманам и их организациям, издательской деятельностью, финансированием строительства мечетей, организацией международных исламских форумов и т.д.; Московское отделение благотворительной организации «Международный гуманитарный призыв» оказывает гуманитарную помощь людям, страдающим от нищеты, болезней, стихийных бедствий, социальных конфликтов и т.п.

В 90-х годах минувшего века на Кавказе были созданы мусульманские благотворительные, просветительские, культурные, политические организации. За эти же годы активизировалась деятельность таких исламских организаций, как Международная исламская организация «Спасение» (МИОС), «Беневоленс Интернешнл Фаундейшн» (БИФ), «Джамаат Ихья Ат-Турас Аль-Ислами», «Лашкар Тайба», «Аль-Хайрия», «Аль-Харамейн», «Катар», «Икраа», «Ибрагим бен Ибрагим» и других, финансируемых и направляемых Саудовской Аравией, Пакистаном, Кувейтом. Для них была характерна практически открытая пропаганда панисламистских идей объединения всех мусульман региона для вытеснения России с Северного Кавказа, создания в регионе исламского государства, установления тесных связей Азербайджана и Северного Кавказа с такими мусульманскими странами, как Саудовская Аравия, Турция, Иран, Иордания, Пакистан и др.

Все же масштабы и характер влияния внешних факторов на радикализацию ислама в мусульманских регионах России в ряде случаев представляются преувеличенными, поскольку определяющее значение в этом отношении играют внутренние факторы социально-экономического, политического, духовного и идеологического характера. В этом плане вера является не главным, а одним из этих факторов. Тем не менее нельзя не признать очевидность того факта, что в условиях новой геополитической ситуации в мире в целом и Кавказско-Ближневосточном регионе в особенности серьезную угрозу национальной безопасности России на южных рубежах несет политизированный, или политический, ислам, который многими отечественными и зарубежными исследователями и аналитиками рассматривается как чуть ли не главный конфликтогенный фактор на Северном Кавказе. Здесь особую опасность представляет практика слияния этнизма и религиозного фундаментализма.

Ислам – вторая по численности последователей мировая религия. По разным расчетам, численность исповедующих ислам в настоящее время составляет от 1,2 до 1,5 млрд. человек. Ислам, как отмечал Г. Мирский, «можно назвать самой сильной и жизнеспособной религией современности... Ни в одной другой религии нет такого количества верующих, страстно и самозабвенно преданных своей вере. Ислам ощущается ими как основа жизни и мерило всех вещей. Он привлекает все больше сторонников, многочисленные случаи перехода в ислам контрастируют с практически ничтожным числом перехода из него в другие конфессии... Простота и непротиворечивость устоев этой религии, ее способность дать верующим целостную и понятную картину мира, общества и устройства Вселенной – все это делает ислам притягательным для новых приверженцев».

Правильное понимание места и роли ислама как на глобальном, так и на национальном уровнях невозможно без отказа от получивших в последние несколько десятилетий негативных его трактовок и оценок как на Западе, так и в определенных кругах российского общества. Центральное место среди них занимают рассуждения о надвигающейся глобальной исламской революции и «исламской угрозе» всему остальному «цивилизованному миру». Если для мусульман толерантность, духовность, нравственность, гуманизм ислама являются само собой разумеющейся истиной, не требующей доказательств, то для противников он характеризуется

такими эпитетами, как «ограниченность», «фанатизм», «радикализм», «экстремизм», «терроризм» и др.

В данном случае, как отмечал К.С. Гаджиев, прослеживается склонность «воспринимать ислам не в качестве глубокой духовной традиции, а в качестве идеологического оформления притязаний тех или иных группировок на власть и влияние в соответствующей стране и даже в мире. Здесь у определенной части западной, да и отечественной политической и интеллектуальной элиты наблюдается тенденция отождествлять по сути дела одно из множества направлений фундаментализма в исламе с самим исламом в целом, с идеологией войны, политическим фундаментализмом и терроризмом. Вырабатываются стереотипы в оценке ислама, которые у простого обывателя вызывают страх и недоверие к исламскому миру как миру, одержимому ненавистью ко всему западному, особенно американскому, наполненному террористами и фанатиками. По сути дела, имеет место довольно распространенный феномен исламофобии. Это свидетельствует об отсутствии адекватного понимания как на Западе, так и у нас в стране той роли, которую призвана сыграть исламская традиция в процессе идейной и ценностной модернизации мусульманского мира.

Особенно широкие масштабы исламофобия приняла после событий 11 сентября 2001 г. К сожалению, Россия не осталась в стороне от этой кампании. В некоторых российских политических кругах, определенной части научного сообщества и особенно среди публицистов и представителей средств массовой информации принадлежность северокавказских народов к мусульманскому вероисповеданию используется для обоснования идей об обособленности Северного Кавказа от России, его принадлежности к иному цивилизационному ареалу. Существует убеждение в том, что на Юге России радикальный ислам превратился в ведущую идеологическую форму антироссийского сепаратизма и терроризма. Рассматривая ислам как угрозу национальной безопасности России, о нем в целом складывается негативное впечатление. При этом забывается тот факт, что ислам представляет собой отнюдь не чужеродный элемент российской духовной культуры, а мусульманское население в подавляющем своем большинстве в течение всей истории России проявляло к ней лояльность и преданность, более того, не мыслит себя вне Российской Федерации. Обоснованность этого тезиса подтвердилась в ходе пятидневной войны августа 2008 г., в которой мусульманское население Северного Кавказа в подавляющем большинстве поддержало и одобрило военную ак-

цию России против агрессора и признание ею независимости Абхазии и Южной Осетии. Необходимо признать, что в России помимо официальной российской полиэтничности существует еще и поликонфессиональность, которая также сопряжена с весьма серьезными проблемами, от решения которых зависят жизнеспособность и перспективы российской государственности.

Разумеется, в данной главе отнюдь не ставится цель обелить и во всем оправдать ислам. В Коране, впрочем как и в Библии, по желанию читателя можно найти защиту как войны, так и мира, как милосердия, так и жестокости. В этой связи уместно напомнить, что ислам является авраамической религией, в тех или иных аспектах связанной с иудео-христианской традицией. На самом деле опасность коренится не в исламе и не в Коране, а в их превратных трактовках теми или иными радикальными течениями, преследующими свои специфические интересы. Важно учесть, что в основе множества этнонациональных, территориальных и политических противоречий, пертурбаций и конфликтов, потрясающих за последние полтора-два десятилетия общественно-политическую жизнь Кавказско-Ближневосточного региона, лежат не те или иные религии, а прежде всего, как уже отмечалось, внутренние факторы социально-экономического, политического, духовного, идеологического и иного характера.

Поэтому при оценке реального места и роли ислама на Кавказе и в России в целом необходимо отказаться от ряда бытующих у нас крайне идеологизированных точек зрения на эту проблему.

Во-первых, ислам нельзя рассматривать как исключительно негативный фактор в жизни кавказских народов, якобы способствующий дестабилизации и стимулированию радикалистских, сепаратистских настроений и движений в регионе. Хотя следует признать, что некоторые фундаменталистские идеи действительно используются отдельными радикальными и экстремистскими группировками в своих сугубо политических целях. Многочисленные акции проявления религиозной нетерпимости, оправдания терроризма лозунгами джихада требуют анализа природы современного радикализма, его причин и характера связи с религией вообще и с исламом в частности.

Во-вторых, не совсем корректно характеризовать ислам как исключительно культурно-конфессиональный, духовный феномен, не связанный с политикой и ориентированный исключительно на мир, благосостояние и стабильность в обществе. В исламе, в отличие от христианства, нет жесткого деления на духовное и светское

начала, ему присуща большая социальная и политическая ориентированность.

С рассматриваемой в данной работе точки зрения значение исследуемой темы определяется тем фактором, что в некоторых источниках речь идет даже о так называемой «исламской дуге нестабильности», охватывающей огромный район Ближнего Востока, Азербайджана, Афганистана, Ирака, Кашмира и бывших советских республик Центральной Азии. Кавказ в целом, составляя часть этой дуги, располагается на южной окраине России, по границе исламского и неисламского миров. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что большинство наиболее экстремистски проявляющихся конфликтов возникает на территории традиционного распространения ислама. Особенно существенную угрозу для государственного единства представляет слияние исламского фундаментализма ваххабитского толка с этносепаратизмом.

Ислам – сверхнациональная по своей сущности религия. Классический ислам в принципе не признает нации, поскольку все верующие, к какой бы нации они ни принадлежали, считаются членами единой мусульманской уммы, или общины. Аналогично тому, как в христианстве нет ни грека, ни иудея, ни римлянина, а есть верующие христиане, так и в исламе нет ни араба, ни перса, ни турка, а есть верующие мусульмане. При всем том ислам, как известно, не един. Прежде всего речь идет о расколе ислама на две крупные ветви – шиитов и суннитов, противоречия между которыми зачастую не менее остры, чем между собственно мусульманами и приверженцами различных деноминаций христианства. В каждом из крупных направлений ислама существует множество течений, сект, тенденций, ответвлений и т.д.

В этом вопросе можно согласиться с К.С. Гаджиевым, который писал: «Ислам – это отнюдь не монолитное и застывшее явление, он меняется, чтобы адаптироваться к требованиям современного мирового развития... Для него характерно отсутствие института официальной церкви и собственно духовенства в западном понимании этого слова, а следовательно, и общеобязательной догматизированной регламентации, как это имеет место в важнейших деноминациях христианства. Лица, получившие религиозное образование и знание, или улемы, вправе лишь толковать и комментировать Коран и хадисы. Ислам демократичен в том смысле, что допускает правомерность существования различных позиций и оценок, хотя весьма подозрительно относится к концеп-

ции политической демократии, усматривая в ней попытку превознести власть человека в ущерб авторитету Бога».

Хотя, как известно, мировые религии в силу своей универсальности призваны стирать этнические, языковые, политические и иные различия между людьми и народами, в наши дни ислам нередко используется как важнейший элемент национального самосознания. Он играл и продолжает играть ключевую роль в жизни многих народов региона, в формировании их социокультурного и цивилизационного облика. Как отмечал американский исследователь А. Смит, в современном мире древняя религиозная идея избранности была универсализирована в соответствии со специфическими доктринами национализма, провозглашающими, что каждый народ имеет свою подлинную идентичность, собственную оригинальную этническую культуру, язык и т.д.

В данной связи интерес представляет тот факт, что в феврале 2008 г. о необходимости изучать исламские законы и даже неизбежности принятия законов шариата для мусульманского населения Великобритании выступил глава англиканской церкви архиепископ Кентерберийский Р. Уильямс. Как утверждал архиепископ, мусульмане Англии должны иметь возможность решать свои семейные или финансовые вопросы в суде, который признает принципы шариата. По его мнению, «легализация» законов шариата позволит избежать ситуации, когда представители исламской диаспоры решают спорные вопросы в частном порядке, руководствуясь своими представлениями о законе. За свои заявления Р. Уильямс подвергся резкой критике со стороны многих политиков и религиозных деятелей.

Однако он нашел поддержку премьер-министра Великобритании Г. Брауна, который, в частности, говорил, что частичное введение законов шариата в Соединенном Королевстве является неизбежным. По данным информационных агентств, британские полицейские будут изучать Коран и законы шариата, чтобы более эффективно бороться с проявлениями экстремизма и терроризма.

Сказанное не означает, что в мусульманских республиках Российской Федерации нужно ввести нормы и принципы шариата. Но огульное охаивание и тотальный отказ от них в регионах, в которых веками проживают этносы, для которых ислам является одной из ключевых составляющих национального сознания, также можно поставить под сомнение.

Необходимо учесть сложность и неоднозначность статуса, роли и значения ислама на Кавказе. Он служит в качестве некоей

интегральной духовной составляющей этнических культур местных народов. Более того, многие аналитики не без оснований считают, что в новых условиях ислам может оказаться влиятельной силой, объединяющей граждан России мусульманского вероисповедания. Можно утверждать, что в ряде национальных республик Северного Кавказа, прежде всего в Республике Дагестан, Ингушетии, Чечне, ислам служил одним из немаловажных факторов, удерживавших наиболее горячие головы у той черты, переход через которую был бы чреват непредсказуемыми негативными последствиями.

Ценности ислама в принципе способны внести немаловажный вклад в оздоровление нравственного климата в обществе. Как отмечал на совещании с муфтиями и главами республик Северного Кавказа Д.А. Медведев, Северный Кавказ – «уникальный с точки зрения национального и культурного многообразия регион России», в котором именно традиционный ислам способствует формированию у молодежи «мировоззрения, основанного на нравственных ценностях». Можно с полным на то основанием утверждать, что традиционный ислам выступает в качестве своеобразного сдерживающего фактора от распространения узкого национализма, этнизма, различных форм исламского фундаментализма.

Вместе с тем нельзя отрицать и тот очевидный факт, что при определенных условиях религия может стимулировать противоречия и конфликты. К примеру, понятие «джихад» в исламе имеет несколько значений, в том числе и призыв к совершенствованию общества не только путем вооруженной борьбы, но и проповедью, увещаниями, подачей примера своим поведением, основанным на высоких моральных принципах. Об обоснованности этого тезиса свидетельствует, например, вторая сура Корана («Корова»), где говорится: «И убивайте ради дела Аллаха тех, кто убивает вас, но не преступайте пределов дозволенного, ибо Аллах не любит преступающих» (Коран, 2:190). Впрочем, такое отношение к борьбе за веру характерно и для христианства. В этой связи наряду с множеством увещаний о необходимости мирного решения противоречий, возникающих как между отдельными людьми, так и между народами, достаточно напомнить слова Иисуса Христа, приводимые в Евангелии: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; Не мир пришел Я принести, но меч» (Евангелие от Матфея, 10:34).

Противоречия, конфликты и войны возникают не только между приверженцами различных вероисповеданий, но и представителями различных течений в рамках одной и той же религии. Об

этом, в частности, свидетельствует тот факт, что некоторые течения ислама, в том числе радикальное крыло ваххабизма, считают тех мусульман, которые придерживаются иных, чем сами ваххабиты, взглядов, вероотступниками и ведут с ними не менее жесткую, чем с христианами, борьбу. Ислам выступает одним из важных элементов национализма, инструментом борьбы за власть. Об этом свидетельствует тот факт, что на постсоветском пространстве исламские идеи использовались в борьбе за собственность и власть между различными этническими группами, региональными кланами, политическими партиями.

При всех возможных в данном вопросе оговорках они участвуют в создании институтов гражданского общества в исламском мире. Более того, сторонники исламизма, выступающие за модернизацию, признают своеобразно трактуемые ценности демократии, прав человека, плюрализма и гражданского общества как в полной мере совместимые с исламом. Главная их задача состоит в приведении трактовок священного текста к современным реалиям. Как писал Дж. Фуллер, «ключевым инструментом в достижении такой цели является “иджитхад” как средство применения базовых исламских принципов к новым неведомым ранее ситуациям».

Однако необходимо признать и то, что политический ислам фундаменталистского толка одновременно используется в интересах наиболее радикальных и экстремистских сил как в самих мусульманских странах, так и в остальном мире, включая Россию, и в первую очередь Северный Кавказ. Его представители стали одними из инициаторов внутриэлитной и межклановой борьбы, фактором, серьезно дестабилизировавшим социальную и политическую ситуацию в национальных республиках Северного Кавказа. Поддерживая тесные связи с религиозными деятелями многих государств Ближнего и Среднего Востока, руководители некоторых ваххабитских организаций внесли существенный вклад в религиозно-теоретическое обоснование чеченского конфликта.

В этом контексте нельзя не отметить также попытки отдельных фундаменталистских групп разработать и реализовать свою версию экспорта исламской революции. Объектами такого экспорта стали все без исключения постсоветские мусульманские страны, в том числе национальные республики Северного Кавказа и Азербайджан. В этом русле можно оценить по сути своей фантастические проекты вытеснения России с Кавказа, создания на территории национальных республик единого исламского государства, его расширения за счет других российских территорий. В интервью

газете «Аль-Каф» в апреле 1998 г. небезызвестный Хаттаб не без хвастовства говорил: «С помощью Аллаха мы вергнем Россию в такое же состояние, в каком находится нынешняя Чечня... Мы не успокоимся до тех пор, пока на пике Кремля не взовется черное победное знамя джихада».

Сущностные характеристики и основные течения политического ислама. Часто при оценке ислама подчеркивается якобы консервативный характер его учения, ставится под сомнение его способность развиваться в новых социально-экономических, политических и культурных условиях. Здесь правы те исследователи, по мнению которых необходимо определить содержание самих терминов «ислам», «салафизм», «исламитизм», «политический ислам», «исламский фундаментализм», «ваххабизм» и др. Зачастую эти понятия используются как синонимы. При этом очевиден тот факт, что идеологизированный подход преобладает над научным. К примеру, некоторые публицисты называют ваххабизм «формой религиозного экстремизма – идеологией зла, насилия и убийства», а «Российская газета» назвала его «не просто злом, но смертоносным злом». Институциональное духовенство стремится убедить местные и особенно центральные московские власти, что салафиты не являются мусульманами. Со своей стороны, салафиты также занимают непримиримые позиции, отказываясь обсуждать с традиционалистами доктринальные проблемы, видя в них вероотступников, предлагающих извращенное толкование ислама.

Нельзя не обратить внимание и на неопределенность и многозначность этих понятий. Зачастую под исламитизм и фундаментализм можно подвести практически любые политические течения, апеллирующие к исламу. Ислам действительно наиболее политизированная религия, которая претендует на идеальную организацию общества. Поэтому естественно, что теми или иными силами он активно используется для достижения своих политических целей. Как раз эта установка нашла свое реальное воплощение в политическом исламе, или исламитизме, который служит собирательным названием для обозначения разного рода социально-политических течений, рассматривающих ислам как стержень своей идеологии или же как собственно идеологию.

Фундаменталистами, если исходить из смысла, вкладываемого в это понятие, следовало бы назвать последователей любой идеологии или религии, апеллирующих к ее первоначальным базовым или фундаментальным основам. В этом смысле фундаментализм не чужд многим идейно-политическим течениям, где часть

наиболее идеологизированных представителей выступают за «чистоту» принципов и ценностей, за возврат к «истокам». Особенность современной ситуации заключается в том, что радикализм и радикальные меньшинства играют все более возрастающую роль в общественно-политических процессах.

Ислам – это отнюдь не монолитная и застывшая вероисповедная система. Он трансформируется в соответствии с изменениями как на глобальном, так и на региональном и национальном уровнях. В течение всей своей истории он динамично развивался, демонстрируя способность более или менее успешно приспосабливаться к изменяющимся социально-экономическим, социокультурным, политическим, геополитическим и иным условиям. При всем разнообразии методов и программ их объединяет установка на понимание ислама в качестве главного или единственного источника власти (ал-хакимийя ал-исламиийя). Руководящий лозунг исламистов: «Бог – наша цель, Пророк – наш руководитель, Коран – наша Конституция, джихад – наш путь, смерть во имя Бога – наше высшее стремление». Здесь ислам выступает в качестве средства достижения конкретных политических целей, в результате чего он приобретает статус своеобразной политической идеологии. Как отмечал, например, вождь исламской революции в Иране аятолла Хомейни, «ислам является политико-религиозным учением, в котором политику дополняет богослужение, а богослужение дополняет политику». Такой тезис он обосновывал тем, что «в исламе больше политических предписаний, чем религиозных».

Сам по себе термин «политический ислам» нейтрален, поскольку исламистские движения могут рассматриваться одновременно и как «консервативные», и как «прогрессивные». Он представляет собой собирательное название для обозначения разнородных исламских группировок, придерживающихся самых разных позиций, но выступающих с той или иной степенью критики официального духовенства, представители которого в одних вопросах оказываются «консервативными», а в других – «прогрессивными».

Некоторые исследователи характеризуют исламский фундаментализм как традиционализм, другие же противопоставляют традиционализм и фундаментализм. В целом исламизм, политический ислам, фундаментализм объясняются как установки на восстановление первоначального ислама путем обращения к опыту ас-салаф ас-салихун, отчего он получил название «салафия» – «салафизм». Его приверженцы предлагают собственные пути, формы

и средства решения проблем, порожденных модернизацией, преодоления ее недостатков и негативных последствий, естественно, используя в качестве лозунга идеи, принципы и установки первоначального ислама.

В этом вопросе можно согласиться с Р.Г. Ландой, который считает, что «фундаменталисты – одновременно модернизаторы и охранители ислама. Они желали бы... достижений западной технологии, но без культуры и социальных норм Запада». Правы также и те авторы, по мнению которых «каждый исламист – мусульманин, но не каждый мусульманин – исламист».

Анализ реального положения вещей показывает, что в современном исламском фундаментализме имеются умеренные и радикальные течения левого и правого толка. В ряде исламистских организаций могут сосуществовать как группировки, использующие мирные, легальные методы работы, так и группировки законспирированные, прибегающие к насильственным методам борьбы и террору.

Среди течений политического ислама одно из ключевых мест занимает ваххабизм. Верно, что в учениях ваххабизма, салафизма и других течений фундаментализма джихад большей частью трактуется как священная война против неверных, в том числе и мусульман, которых его приверженцы считают отступниками от истинной веры. При всем том ваххабизм в целом с точки зрения степени агрессивности или неагрессивности также нельзя трактовать однозначно негативно. Ведь он является государственной религией Саудовской Аравии, которая, как известно, никому не угрожает агрессией. В этой связи примечателен такой эпизод. Во время визита президента Путина в Саудовскую Аравию в феврале 2007 г. губернатор провинции Эр-Рияд, брат саудовского короля принц Салман бен Абдель Азиз отметил, что истинный ислам и ваххабизм не имеют ничего общего с терроризмом и тем ваххабизмом, который представляют себе на Западе. Принц позвонил к себе одного из членов свиты и сказал, что это один из потомков Абдель Ваххаба, который в настоящее время возглавляет департамент реконструкции саудовской столицы. «Если ваххабизм – это терроризм, то рядом с вами стоит террорист», – пошутил принц. В.В. Путин поддержал шутку: «Он хороший террорист. Он не разрушает, а строит». «Террористы – это те, которые извращают принципы ислама. И мы это прекрасно понимаем», – отметил президент России. К слову, руководство Саудовской Аравии выступа-

ет одним из инициаторов ужесточения борьбы против терроризма в арабском мире.

Очевидно, что противоречия в политическом исламе вызваны целым комплексом проблем, в основе которых лежат глубокие изменения в современном обществе, стимулировавшие обострение противоборства между традиционным и современным началами. Здесь ислам используется как средство достижения политических целей, определяемых конкретными интересами политической борьбы. В данном смысле ислам обретает признаки своеобразной политической идеологии, ключевыми ценностями которой провозглашены социальная справедливость, укрепление морали, сохранение исламской культуры, эффективное и некоррупцированное управление обществом.

*«Приоритеты национальной безопасности
Российской Федерации на Северном Кавказе»,
М., 2011 г., с. 86–106.*

Юлай Шамилоглу,
профессор (Висконсинский университет, США)
**«ДЖАГФАР ТАРИХЫ»: КАК ИЗОБРЕТАЛОСЬ
БУЛГАРСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ**

Во время моего визита в Казань в июне 1998 г. произошел забавный случай. Я прибыл в Казань на конференцию, посвященную источниковедению истории Золотой Орды. Последнее обстоятельство ясно характеризовало меня как специалиста в области татарской истории. Во время конференции ко мне подошли местные жители (не из числа ученых, принимавших участие в конференции), которые рассказали мне, ничего не подозревающему гостю, о неизвестной истории болгар Поволжья. Первым делом они заявили, что считают себя булгарами, а не татарами. Пожилой господин вообще большую часть времени называл себя членом клана Дуло. Утверждение это меня поразило. И к нему я еще вернусь позже.

Самая волнующая подробность, которой он со мной поделился, заключалась в том, что существует свод источников болгарской истории, сохраненный на протяжении XX в., но впоследствии скрытый органами КГБ. По словам моего собеседника, эти материалы появились вновь лишь недавно и были неофициально опубликованы в трехтомном издании под названием «Джагфар тарихы»

(или «История Джагфара»). Написал их Бахши Иман в 1680 г. Один экземпляр этого сборника мне посчастливилось купить. Другой источник, опубликованный под заголовком «Шан кызы дестани», остался мне недоступен. Эти материалы, претендующие на роль подлинных исторических источников IX–XVII / XVIII вв., рассматриваются в роли первостепенного, скрытого от общественности, исторического наследия булгарского народа, который сегодня, по мнению некоторых, получил ошибочные названия «казанские татары», «волжские татары» или просто «татары».

Эта совокупность источников рождает несколько важных вопросов, которые я и постараюсь кратко рассмотреть. Кто такие казанские татары? Кем были булгары? Каково было самосознание волжских булгар в прошлом? Является ли публикация этого сборника источников важной вехой в изучении истории волжских булгар и их потомков или же это сконструированная подделка? Каково соотношение между современным самосознанием казанских татар и современной же булгарской самоидентификацией?

Кто такие казанские татары? Как я неоднократно замечал, история казанских татар, современной мусульманско-тюркской народности Средневолжского региона, обычно рассматривается в виде сложной и порой противоречивой цепи самосознания: волжские булгары, мусульмане, татары и казанские татары. Первым звеном в этой цепи казанские татары считают волжских булгар, средневековую тюркскую народность. Тем не менее тексты эпитафий волжских булгар указывают на более близкое сходство их языка с языком современных чувашей, а не казанских татар.

Второе звено в этой цепи – ислам. Из описания путешествий Ибн Фадлана явно следует, что волжские булгары приняли ислам к 922 г. В то время как все татары – мусульмане (исключением являются лишь татары-кряшены, т.е. татары, насильно обращенные в христианство после завоевания Казанского ханства русскими в 1552 г.), современные чуваше не имеют никаких доказательств того, что когда-либо в своей истории они были мусульманами. Современные татары считают, что имеют непрерывную исламскую традицию с X в.

Следующее звено в этой цепи – историческое использование этнонима *татары*. Несмотря на то что этноним *татары* встречается в древнетюркских рунических надписях (расшифрованных только в конце XIX в.), обычно казанские татары связывают раннее использование этого названия с государством, известным как Золотая Орда. Его население в источниках XIII–XIV вв. называ-

лось как монголами, так и татарами. В XV–XVI вв. это название также ассоциировалось с населением Казанского ханства и других государств позднего золотоордынского периода. Последнее звено в этой цепи самосознания – современные казанские татары, которые рассматривают свое прошлое в данной последовательности определений и которые живут на территориях, имеющих отношение к Волжской Булгарии, Золотой Орде и Казанскому ханству.

В статье, опубликованной в 1990 г., я предположил, что эта широко известная цепочка самоопределений была канонизирована в качестве национальной исторической традиции или национального мифа казанских татар в XIX в. Шигабутдином Марджани (1818–1889), отцом национальной истории казанских татар. Я утверждал, что, поскольку Марджани был первым, кто представил татарской общественности эту цепочку идентичностей на ее родном языке в качестве хорошо сформулированной теории о территориальной нации современных казанских татар, он должен считаться отцом современного национального самоопределения казанских татар. После появления в Татарстане русского перевода моей статьи на эту тему произошел настоящий взрыв интереса среди татарских ученых, последователей Марджани – первого национального историка. И действительно, трудно найти более ранний пример такого национального историка где-либо еще в тюркском мире.

Другими словами, сегодня мы можем представить себе самосознание казанских татар в форме современного конструкта точно так же, как и национальное сознание любой другой народности в Европе, Азии, Африке и обеих Америках. Для того чтобы находить объяснения огромному количеству противоречий, составляющих любой подобный конструкт, необходима убежденность. С течением времени любое самосознание развивается. Это видно на примере эволюции идеи территориальной нации современных казанских татар вплоть до формализации татарской национальности в ТАССР в составе СССР и до попыток переосмыслить роль Татарстана в Российской Федерации сегодня. В конце концов, как и любой подобный конструкт, он неминуемо оспаривается и подвергается сомнению.

Кем были булгары? Происхождение различных булгарских государств связано с государством Кубрата (Qobrat / Qubrat), располагавшимся на реке Кубань в Причерноморских степях в первой половине VII в. Потомки Кубрата разделились на несколько групп. Первая мигрировала в Камско-Волжское междуречье, чтобы обра-

зовать там Булгарское государство, подвластное Хазарскому государству. Другая группа осталась на Северном Кавказе (возможно, это были предки сегодняшних северокавказских балкарцев). Наконец, третья группа в VII в. переселилась на Балканы. Последняя образовала Дунайское Болгарское государство в союзе с местными славянскими племенами под властью хана Аспаруха (приблизительно в 681–700 гг.). Придунайские болгары сохранили лишь некоторые следы своего первоначального тюркского языка и культуры, так как они вскоре славянизировались.

Многие основополагающие аспекты ранней истории дунайских болгар (так же, как и их язык!) известны только по значительно более поздним данным. В то время как ученые уверены, что правящим кланом дунайских болгар был клан Дуло, на самом деле этот род известен только из знаменитого болгарского «Именника болгарских ханов». По Бешевлиеву, его реконструкция такова: «1. Авитохол правил 300 лет, клан его Дуло, его год [т.е. год начала его правления] дилом твирем. 2. Ирник жил 150 лет, клан его Дуло, его год дилом твирем. 3. Гостун, заместитель, он один правил два года, его клан Эрми, его год дохс твирем. 4. Курт правил 60 лет, клан его Дуло, его год шегор вечем. 5. Безмер, три года и его клан Дуло, его год шегор вечем. 6. Эти пять князей с бритыми головами правили на другом берегу Дуная 515 лет. Затем пришел князь Эсперих на этот берег Дуная. И так это до сих пор. 7. Князь Эсперих, 61 год, клан его Дуло, его год верени алем. 8. Тервел, 21 год, клан его Дуло, его год теку читем. 9. ...28 лет, клан его Дуло, его год дван шентем. 10. Севар, 15 лет, клан его Дуло, его год тох алтом. 11. Кормисош, 17 лет, его клан Вокиль, его год шегор твирим. Этот князь поменял клан Дуло на Вихтун. 12. Винех, семь лет, его клан Укиль, их год [обоих] шегор алем. 13. Телец, три года, его клан Угайн, его год сомор алтем. И этот [был] из-за остальных. 14. Умор, 40 дней, его клан был Укиль, его [год] дилом тутом».

Предполагается, что этот список основан на более ранних булгарских источниках и датируется, возможно, XIII–XIV столетиями, однако сохранился он только в списках XV–XVI столетий и более поздних. Поскольку этот «Именник», очевидно, включает данные полуполюгендарного характера, его точность в отношении лиц и событий, которые по большей части происходили на тысячелетие ранее, естественно, открыта для критики. С другой стороны, булгарские тюркские слова в списке (*дилом твирем*, *дохс твирем*, *шегор вечем*, *верени алем*, *теку читем*, *дван шентем*, *тох*

алтом, шегор твирим, шегор алем, сомор алтем, дилом тутом) сопоставимы с тем, что известно относительно средневекового болгарского тюркского языка из других источников. Можно было бы предположить, что действительно существовал источник VII–VIII вв. или более поздний, который мог послужить основой для «Именника».

Насколько я знаю, у нас нет иных свидетельств в ранних, современных событиям источниках, для того чтобы утверждать, что правящим кланом Дунайской Болгарии был клан Дуло. Оставляя в стороне проницательный анализ Прицака, трудно нарисовать всеобъемлющую картину клана Дуло без имен его членоправителей. Дьюла Немет высказал мнение, согласно которому и с исторической, и с лингвистической точек зрения Дуло соответствует венгерскому титулу дьюла в силу тесных связей между ранними венграми и булгарами. Другими словами, у нас слишком мало исторических оснований для того, чтобы обсуждать в деталях расхожее мнение, связывающее клан Дуло у дунайских болгар с названиями других выдающихся племен и племенных союзов, известных из истории древней и средневековой Внутренней Азии.

Как сказал бы профессор А. Рона-Таш, опасно строить гипотезу на вершине другой гипотезы. В силу полуполюгендарного характера сведений, содержащихся в «Именнике» и имеющих отношение к Дуло как правящему клану у дунайских болгар, а также в силу отсутствия дополнительных источников было бы преждевременно делать на основании только этого единственного источника вывод о том, что Дуло были правящим кланом в Волжской Булгарии, поскольку нет данных из других источников, которые это бы подтверждали.

Каково было самосознание волжских болгар в прошлом?

Трудно проследить независимое существование волжских болгар после завоевания и интеграции Волжской Булгарии в состав Золотой Орды. Появление кипчакоязычного населения, монгольское иго, а затем чума к концу XIV в. полностью изменили и этническую, и лингвистическую карту Поволжья. После этого трудно даже пытаться описать, кем могли быть волжские болгары. Тем не менее имя *булгар* продолжало занимать особое место в истории народов Поволжья. Обратимся, например, к классическому анализу наиболее важных татарских исторических источников, который предложил М.А. Усманов. В своей книге он анализирует «Джами ат-теварих» Кадыр Али Джелаира (1602), анонимное сочинение «Дафтар-и Чингиз-наме» (конец XVII в.), «Теварих-и Булгарийе»

Хисамиддина б. Шерефеддина Булгари-Муслими и «Теварих-и Булгарийя» Таджаддина Ялчигула. Только из этого простого перечисления понятно, что истории Волжской Булгарии занимали заметное место в татарской литературе последних 500 лет, а один из этих авторов даже называл себя «булгарином».

Один из упомянутых трудов – «Теварих-и Булгарийе» Хисамиддина б. Шерефеддина Булгари-Муслими, недавно заново опубликованный в Казани, не был известен ученым до 1846 г., когда его описал И.Н. Березин. Некоторые относят этот труд к XVI в., другие (начиная с Марджани и заканчивая М. Усмановым) считают его гораздо более поздним произведением или же сильно критикуют текст. Я должен однозначно подтвердить вторую точку зрения. В этом источнике не только искажено изложение основных фактов, относящихся к эпохе Чингиз-хана и даже Тамерлана, но он ясно упоминает Надир-шаха Афшара, который родился в 1688 г. и был правителем Ирана с 1736 г. до своей смерти в 1747 г. Таким образом, речь должна идти о сочинении второй половины XVIII или даже XIX в., хотя, безусловно, некоторые его фрагменты могут основываться на более ранних источниках. Другой упомянутый труд – «Теварих-и Булгарийя», или «Тарих-нама-и булгар», написанный Таджаждином Ялчигулом в 1220/1805 гг. и недавно заново изданный в Уфе, характеризуется М. Усмановым как наивный и не очень убедительный. Эту точку зрения я также должен однозначно подтвердить.

Как мы можем объяснить устойчивое употребление термина «Булгар» в этих «досовременных» источниках? Известно, что традиционные формы «досовременной» идентичности включали идентичность, основанную на религии, местных связях и племенной принадлежности. Таким образом, традиционная «досовременная» идентичность должна была бы быть такова (приведем несколько примеров): мусульманин, христианин или иудей; «происходящий из Казани», «происходящий из Самарканда» или «происходящий из Туркестана»; джелаир, кунграт или найман. К Новому времени знания о племенной принадлежности у казанских татар были утеряны. Важный вопрос: насколько вписываются истории булгар, созданные на Средней Волге, в эти рамки и в какой связи они состоят (и состоят ли?) с государством Волжская Булгария? Я бы предположил, что булгарские истории этого времени не могут отражать современное им булгарское национальное самосознание, поскольку идея «территориальной нации» к тому времени в Российской империи известна не была.

Рассмотрим небольшой отрывок из «Теварих-и Булгарийе» Хисамиддина б. Шерефеддина Булгари-Муслими, а именно: историю обращения волжских булгар в ислам. Согласно этому источнику, в 9 г.х. (630) Пророк Мухаммад послал Абд ар-Рахмана б. Зубайра, Зубайра б. Джада и Тальху б. Усмана к булгарам проповедовать ислам. Согласно тому же источнику, правителем булгар в то время был Айдар-хан, а его визирем – Барадж. Этот отрывок текста выглядит весьма спорным по многим причинам: при жизни Мухаммада Исламский халифат только начал свое распространение за пределы Аравийского полуострова, а булгары во время Мухаммада и Кубрата, вполне возможно, еще не переселились к месту слияния Волги и Камы. Те же сведения (с небольшой разницей в именах) повторяются и Ялчигулом. Учитывая эти данные, я бы утверждал, что труд Хисамиддина б. Шерефеддина Булгари-Муслими – отчасти попытка написать (или подделать, или воспроизвести подделку) исламскую историю народов Поволжья, которая восходит к принятию ислама в эпоху государства волжских булгар.

Недавно Аллен Франк, также основываясь на подобных историях булгар, пришел к выводу, что ранее существовало болгарское общинное самосознание. Франк сравнил его с идентичностью современных казанских татар, о котором я писал выше. Однако, как я уже отмечал, Франк путает различные ранние формы донациональной общинной идентификации с современными идеологическими конструктами территориальной нации. Вопрос о существовании общинного самосознания волжских булгар в XVI–XIX вв. требует дальнейшего детального рассмотрения. Я не убежден, что оно когда-либо существовало. Попытки же отдельных мыслителей XVIII–XIX вв. защитить его во взаимосвязи с мусульманским прошлым представляют собой обратный пример нарушения связи с прошлым.

Подлинные летописи или сконструированная подделка?

Еще один важный вопрос, который я хотел бы затронуть в этом эссе, – является ли издание сборника материалов, известное под названием «Джагфар тарихы», важной вехой в изучении волжских булгар и их потомков или же это продуманная фальсификация, предпринятая с целью подкрепления аргументов современных защитников болгарского национализма? Я утверждаю, что данная работа является несомненной сплошной фальсификацией, возможно, продолжающей традиции более ранних фальсификаций истории булгар.

Фальсификация документов, исторических источников и других памятников материальной культуры – распространенный феномен. В досовременный период подделка документов могла служить для обоснования юридических требований. В более поздние же периоды особую популярность получили подделки знаменитых произведений искусства. Как я уже упоминал выше, скорее всего, «булгарская» история XVIII–XIX вв. являет собой лишь попытки отобразить фиктивную связь с исламским прошлым. Но в XX в. фабрикация исторических источников (в том числе и археологических) могла производиться с иными целями, прежде всего для того, чтобы подкрепить претензии представителей современных наций на древнее историческое прошлое. Таким образом, данный феномен часто является продуктом роста числа национальных идеологий, современного процесса, появление которого часто связывается с периодом Французской революции. В Европе множество источников было сфабриковано сторонниками той или иной территориальной нации. Некоторые из них даже становились частью национального исторического мифа страны (как в случае со знаменитым источником по истории Ирландии). Источники, сфабрикованные сторонниками территориальных наций, настолько вплетаются в национальные мифы страны, что становится трудно установить реальный ход истории. Еще один интересный пример представлен в работе Шоры Ногмова «История адыгейского народа». Очевидно, что это произведение, написанное до периода подъема на Кавказе национальных идеологий, во многом повторяет исторические работы Карамзина с целью создать местную историческую традицию своего северокавказского народа.

Не так давно разгорелась международная дискуссия, посвященная сочинению Якоба Анконского, опубликованному под названием «Город света». Это сочинение выдавалось за дневник путешествия в Китай еврейского купца Якова, уроженца города Анкона в Северной Италии. Подразумевалось, что Яков выехал из Венеции в апреле 1271 г., достиг Зайтуна (современный Гуанчжоу, провинция Фуцзянь) и вернулся в Венецию в мае 1273 г., таким образом, опередив на четыре года Марко Поло. По словам переводчика, это сочинение написано на простонародном итальянском языке с большим количеством еврейских слов. К сожалению, владелец этой уникальной рукописи не согласился показать оригинал переводчику и даже раскрыть свое имя. Однако из-за сенсационного характера этого текста, спорной природы исторических данных, которые он содержит, а также невозможности для ученых ознако-

миться с его оригиналом многие выражали скептицизм относительно аутентичности этого труда. Конечно же, это напоминает нам споры, которые все еще сопровождают вопрос о подлинности описания самого Марко Поло!

«Таинственное» исчезновение «древних» исторических работ идет рука об руку с подделкой исторических источников. Продолжается долгий спор о том, было ли написано «Слово о полку Игореве» (уникальная рукопись которого пропала во время пожара в Москве в 1812 г.) вскоре после событий 1185 г., описанных в произведении, или позднее, в средневековый период, или даже в XIX в. в качестве научной фальсификации. Ф. Нурутдинов в своем введении к публикации «Джагфар тарихы» (у меня также вызывает недоверие отнесение данной работы к волжско-булгарскому периоду), чтобы подкрепить свое утверждение о подлинности потерянных материалов, явившихся первоосновой для «Джагфар тарихы», также заявляет о загадочном исчезновении в 1920 г. рукописи «Кыссаи-Юсуф», написанной Мухаммадом Гали.

«Джагфар тарихы» – это явная попытка объединения ссылок на путешественников, известных из других источников. Например, глава 8 «Гази Барадж тарихы» под названием «Прибытие великих послов» содержит информацию о прибытии из Халифа послов Ахмеда Ибн Фадлана (около 922 г.). Глава 18 этого произведения «Булгары и правление Колына и Анбала» содержит информацию о прибытии Абу Хамида аль-Гарнати (1153). Это частичное совпадение с известными источниками было использовано в качестве аргумента в доказательство подлинности «Джагфар тарихы».

В «Джагфар тарихы» также содержится информация из других неоднозначных источников. Глава 3 «Период булгарского балтавара» упоминает Дуло, известного еще только по дунайско-болгарскому «Именнику болгарских ханов». Кроме того, «Джагфар тарихы» повествует о сомнительных исторических личностях, встречавшихся в ранних вариантах «булгарской» истории, например у Муслими в «Теварих-и Булгарийе». Еще один пример: имя Барадж, которое можно встретить в ранних «булгарских» источниках и более поздних генеалогиях (шаджара), в «Джагфар тарихы» принадлежит важной фигуре – Гази Бараджу. В то же время М.А. Усманов считает появление необычного имени Барадж в «Теварих-и Булгарийе» уникальным для средневековой татарской литературы.

Материалы «Джагфар тарихы» выявляют и другие исторические проблемы, включая анахронизмы, слишком многочисленные

для освещения в данном эссе. Как можно объяснить столь раннее появление этнонимов «татары», «куман» и др. в болгарской истории VII–X вв., как это представлено в данном произведении? Были ли первые хроники, о которых здесь упоминается, написаны на арабском, персидском или тюркском языках? Так как в VII–X вв. не было исламско-тюркской литературы, то и другие использованные в документе средневековые «болгарские» источники с хронологической точки зрения представлены здесь слишком рано относительно остальной мусульманско-тюркской литературы.

Также вызывает любопытство, как «изобретательный» переводчик этого произведения, судя по всему, любитель, смог автоматически преобразовать все даты хиджры досовременных исламских текстов в григорианское летоисчисление в процессе перевода на русский язык? Нет необходимости замечать, что один год хиджры часто соотносится с двумя григорианскими годами. Этот аспект перевода одного летоисчисления в другое никак не отражен в работе.

Связь с уже существующими историческими материалами представляет для автора данного собрания сочинений филологические ловушки. Например, в главе 3 «Период болгарского балтава» и главе 4 «Правление черных болгарских беков» форма *балтава* означает официальный болгарский титул. Несмотря на то что дефектная форма *балтавар* была известна из источников, в последнее время тюркологи сходятся во мнении, что данная форма, по сути, является восстановленной от *el täbär* > болгарского *yiltever*. Источник, претендующий называться внутренним болгарским документом, скорее всего, дал бы верную форму. В то время как некоторые ученые убеждены, что «Булгар» и «Биляр» являются в источниках названиями одного и того же города (основываясь на том факте, что «Биляр» – это среднеболгарская форма слова «Булгар»), в главе 18 «Булгар» и «Биляр» – названия двух разных городов. Также можно составить длинный список предположительно болгарских имен из этого источника и с удивлением обнаружить, что такие классические болгарские лингвистические черты, как ротацизм (з > р) и ламбдацизм (ш > л), в них не присутствуют. Кроме того, я думаю, не следует даже упоминать о примерах народной этимологии, присутствующих во всем тексте.

После краткого анализа основных проблем представленного текста вне всякого сомнения можно сказать, что данная работа является вымышленным документом XX в., «изобретением традиции». Полное опровержение его потребует комментария, равного

по размеру произведению-оригиналу. Но я не могу даже представить себе, что кто-либо из историков или тюркологов потратит на это свое время. Тем не менее я нашел занятной параллель между более ранними «булгарскими» источниками XVIII–XIX вв. и этой работой XX столетия.

Современное самосознание казанских татар vs современная булгарская самоидентификация. Несмотря на то что существовали предложения по использованию слова «булгар» для определения нового национального самосознания казанских татар, это так и не стало альтернативной идеологией в досоветское время. К примеру, даже последователь Шигабутдина Марджани Ризаеддин Фахреддин использует в некоторых своих работах термины «булгарские тюрки» и «казанские тюрки». Мне кажется, что это отражает разногласия в использовании терминов «татары» и «тюрки», существовавшие в то время из-за теории Исмаила Гаспринского о великом пантюркистском самосознании. Конечно же, позднее понятия «булгарские тюрки» и «казанские тюрки» перестали бы существовать, уступив место официальным национальным вариантам «татары» или «казанские татары», формально утвержденным и узаконенным в СССР.

В советское время в адрес казанских татар звучали негативные высказывания за их связь с монголами и так называемым татарским игом Золотой Орды: в интерпретации российской национальной истории, а впоследствии и в советской интерпретации монголов (и, следовательно, казанских татар) обвиняли за все вообразимое зло, пережитое Россией в тот период. И хотя обзор перемен и поворотов в истории XX в. не входит в задачу данной работы, я просто хотел бы заметить, что такое отношение полностью зависит от идеологии и не имеет ничего общего с профессиональным изучением средневековой истории. Но к нашей теме имеет отношение тот факт, что для некоторых казанских татар их самосознание стало слишком противоречивым в годы советской власти.

Я полагаю, что принятая в СССР в официальной версии советской истории практика очернения имени татар и монголов, последовавшая отчасти из-за негативной интерпретации роли «татарского ига» в русской национальной истории, привела к реакции отторжения в татарском самосознании, оставила на нем своего рода клеймо. Это стало весомым основанием для отрицания татарского самосознания и для предоставления вместо него более привлекательной альтернативы: «Мы не татары, мы – булгары!»

(которая также имеет подтекстом: «Мы не монголы, мы – болгары!»). Это были небольшие, но красноречивые дополнительные элементы в защиту болгарского самосознания в поздний советский период. Даже сегодня некоторые группы проводят активную работу, обращаясь к внутренним и международным организациям с просьбой изменить официальное название данной современной этнической группы с «казанских татар» на «булгар».

С какой целью была написана «Джагфар тарихы»? Я думаю, ответ ясен – с целью создать историческую основу для того, чтобы казанские татары (самосознание которых стало результатом современного конструкта под авторством Шигабутдина Марджани) сегодня могли называть себя «булгарами», а не «татарами». Это согласуется с идеологией и целями современных булгаристов. Более ранние попытки подделать «булгарское» прошлое были связаны с исламской легитимностью (законностью), а не национализмом. И только в начале XIX в., в период появления среди мусульман-тюрок Российской империи новых категорий национального самосознания, понятие «булгарские тюрки» стало допустимой альтернативой понятию «казанские татары». Но в свое время эта идея не получила широкого распространения.

По моему мнению, в ответ на обвинения и неправильное отношение к самосознанию татар в XX в., особенно в советский период, идея «булгарского» самосознания приобрела новый импульс. Это отличает ее от вариантов «булгарской» истории XVIII–XIX вв., созданных с целью укрепления взаимосвязи с исламским прошлым. Оспорив название современной территориальной нации, известной с XIX в. как «татары», взамен предлагается точное название народа – «булгары». Конечно, такая «булгарская» идеология – это тот же конструкт, только конструкт XX в. По этой причине современные заявления о «булгарском» самосознании и удивительные притязания на свое происхождение от клана Дуло должны считаться современным «изобретением традиции».

*«Фальсификации исторических источников
и конструирование этнократических мифов»,
М., 2011 г., с. 275–284.*

Ю. Клычников,
доктор исторических наук
(ПГЛУ, г. Пятигорск)
**СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ**

Среди основных факторов, дестабилизирующих ситуацию на Северном Кавказе, безусловно выделяется «чеченский вопрос». К 15 апреля 2000 г. было заявлено о завершении армейской части контртеррористической операции в Чечне. Но это не означало, что в республике наступил порядок. По-прежнему бандиты совершали вылазки, подрывы техники, минирование гражданских объектов и т.д. В сентябре 2001 г. боевики провели довольно крупные операции в Шалинском, Курчалоевском, Грозненском районах, в Аргуне и Гудермесе. Учитывая диверсионную тактику, выбранную врагом, российское командование посчитало целесообразным сделать ставку на спецоперации, более эффективные в сложившейся обстановке. Это позволило не только сократить потери среди российских военнослужащих, но и нанести существенные удары по бандитскому подполью. Только за девять месяцев 2001 г. были задержаны около 1,2 тыс. пособников террористов, уничтожены 250 участников незаконных вооруженных формирований, проведены 12 успешных операций по освобождению заложников. В 2005 г. в Чечне были уничтожены 290 боевиков, в том числе 72 главаря бандформирований, среди которых такие одиозные фигуры, как А. Масхадов, арабский наемник Абу-Дзейт и др. В июле 2006 г. настал черед Ш. Басаева, ликвидация которого стала результатом скоординированных усилий нескольких российских спецслужб, в очередной раз продемонстрировавших свой возросший профессиональный уровень.

С началом контртеррористической операции на Северном Кавказе было возбуждено 1931 уголовное дело о похищении 2708 человек. Но, как признавались представители правоохранительных органов, раскрываемость такого рода преступлений оставалась очень низкой, не превышая 12%. В дальнейшем ситуация несколько улучшилась, но полностью проблему решить так и не удалось. По данным Генпрокуратуры, «несмотря на снижение количества зарегистрированных в 2010 г. преступлений, связанных с похищением человека, – на 39,1% (с 111 до 67), по-прежнему остается значительным число нераскрытых преступлений прошлых

лет – 2107 преступлений. Их основная доля приходится на Чечню, где нераскрытыми остаются почти 1,5 тыс. подобных преступлений».

Зато наметилась тенденция по привлечению к уголовной ответственности российских военнослужащих, которые, действуя в экстремальных боевых условиях, по мнению следствия, шли на нарушение законности. Широкий общественный резонанс получили процессы над группой капитана ГРУ Э.А. Ульмана, лейтенантом С.В. Аракчеевым, суд над полковником Ю.Д. Будановым и т.п. Отсидев срок в заключении, Ю.Д. Буданов стал жертвой несудебной расправы. Участились запросы Следственного управления по Чеченской Республике в архивы Министерства обороны РФ с требованием предоставить материал о военнослужащих, принимавших участие в контртеррористической операции на территории Чечни (18.08.2010. № 396-201/2-70-02; 11.04.2011. № 396-201/3-54-02 и др.). Можно только предполагать, как отразится подобная практика на желании военнослужащих, рискуя жизнью и здоровьем, выполнять приказы командования в «горячих точках».

К 2001 г. число русских на территории Чечни не превышало 10 тыс. человек. Это были преимущественно одинокие, беспомощные старики, которые не могли и не хотели покинуть республику, и с каждым годом их число уменьшается. Таким образом, замысел чеченских экстремистов по превращению Республики Ичкерия в этнически однородное образование можно считать успешно осуществленным. Отсутствие русского населения делает Чечню одним из наиболее уязвимых субъектов российской государственности. В случае ухудшения геополитического положения России это может закончиться очередным вооруженным выступлением и выходом Чеченской Республики из состава государства.

К сожалению, такая тенденция имеет место и в других республиках региона. Между тем «славянские народы, проживающие на территории северокавказских республик, традиционно являлись основой консолидации и катализатором совершенствования гражданского общества в национальных образованиях. Они способствовали становлению их экономики, готовили национальные руководящие кадры, обеспечивали безопасность и правопорядок. Происходящее в последние годы сокращение русского населения нарушило демографическое, религиозное и социально-экономическое равновесие, привело к усилению межнациональной напряженности и ухудшению экономической ситуации».

До сих пор не удается преодолеть последствия осетино-ингушского конфликта 1992 г. По данным МВД, с октября 1992 по январь 1998 г. здесь погибло свыше 750 человек. Непростые межэтнические отношения сохраняются в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Адыгее, Ставропольском и Краснодарском краях. Существует около десятка спорных территорий, на которые претендуют разные народы. Узел социально-экономических проблем не могут разрешить только дотации со стороны федерального центра, поддерживающие неэффективную местную авторитарно-клановую власть, или особые привилегии, предоставляемые национальным республикам и чреватые созданием очередной синекуры. Нищенское существование значительной части населения служит питательной средой для разного рода экстремистских организаций. Не приходится удивляться тому, что многие, преимущественно молодые люди, оказываются в рядах боевиков.

Случилось так, что «волею судеб Северный Кавказ стал с начала 90-х годов XX в. одной из несущих этногеополитических опор федерализма в России. Слом этой опоры произведет «эффект домино» на всем протяжении южной периферии страны с последующим обвалом здания российской государственности. Хаос, который не заставит себя ждать при таком обороте дел, создаст прямую угрозу общепланетарной безопасности, а лихорадочные поиски выхода из положения принесут острую головную боль и Западу, и Востоку. При этом успех на попрание спасения человечества вовсе не гарантирован. Когда-то один выстрел спровоцировал мировую войну. В случае с Северным Кавказом речь идет о возможности мощного геополитического взрыва, ставящего под сомнение само существование огромной державы. Иначе говоря, есть над чем поразмыслить политикам, грезящим о раздроблении России, как о вселенском благе».

Необходимо четко осознать тот факт, что рецидивы чеченского сепаратизма еще долго будут играть дестабилизирующую роль в российской жизни. Гарантировать безопасность граждан от террористических актов, подобных захвату театрального комплекса на Дубровке в Москве в октябре 2002 г., школы в Беслане в сентябре 2004 г., нападению на Назрань в июне 2004 г. и Нальчик в октябре 2005 г. и т.п., власть не сумеет. Но гипотетические призывы уйти или отгородиться от Кавказа не иначе как опасным популизмом назвать нельзя. Лишившись этого естественного рубежа, Российское государство все равно должно будет решать те же са-

мые проблемы по обеспечению собственной безопасности, но уже в куда более сложных условиях.

В то же время представляется, что нынешняя политика, проводимая федеральным центром в отношении своей южной периферии, истощает свой потенциал. «Игры в государственность», не подкрепленные соответствующими экономическими, политическими, да и ментальными возможностями населения российских окраин, видятся неоправданными и тупиковыми. Есть мнение, что «акт передачи властных полномочий Центра в регионы кавказским элитам не был интерпретирован населением республик в коннотациях демократизации жизни, а был расценен как слабость».

В этой связи высказанная Н.Ф. Бугаев идея о том, что «статус всех составляющих Российскую Федерацию должен быть единым, как более приемлемый, – края, области», видится перспективной и оправданной. Схожие мысли высказывают и другие авторы. Затратная и обременительная роль «старшего брата», навязываемая какому-либо народу, неминуемо будет вызывать ксенофобию и защитный этнический экстремизм. На сегодняшний день имеет место обострение так называемого кавказского вопроса, в основе которого «лежит порочная практика подавления русского национального самосознания и, с другой стороны, ублажение всевозможных этнических элит за счет интересов русского народа, по сути, лишенного в РФ субъектности». В случае продолжения нынешнего политического курса его последствия могут иметь достаточно пессимистическое завершение. Есть сценарии, рисующие распад России и потерю ею своего суверенитета.

В условиях Северного Кавказа попытка создания государственности на этнической основе выливается в дискриминацию «титulary» нации всех других этносов. Наиболее уязвимыми здесь оказались русские. За их счет происходило самоутверждение титульных народов, рассчитывавших решить свои проблемы вытеснением славянских конкурентов. Отмечается, что в настоящее время «задача по сокращению по разным причинам численности русских, надо признать, решена “успешно” в Республике Дагестан, Чеченской, Ингушской республиках, частично в Карачаево-Черкесской Республике. Однако трудно сделать вывод об улучшении жизни народов этих республик, да и общего состояния самой государственности. Следует иной вывод: эта отрицательная практика не оправдала себя, да и не могла она себя оправдать».

Обращает на себя внимание тот факт, что меры по приращению титульных наций осуществляются за счет федерального бюд-

жета. Так, например, происходила социальная адаптация черкесских переселенцев из Косова, прибывших в Адыгею из охваченной войной Югославии. Но закончилась эта акция, инициированная местными властями, тем, что «многие из прибывших соотечественников отбыли обратно. В то же время под натиском изгонялись представители других национальностей, прежде всего русские». Причины того, почему «земля предков» показалась для них менее привлекательной, чем их балканская родина, требуют отдельного исследования. Расширенные квоты на «возвращенцев» не используются за отсутствием желающих. Впрочем, Адыгея здесь не исключение. У потомков осетинских «мухаджиров идеализированный ореол исторической родины был разрушен после того, как участились их контакты с Осетией в 1990-е годы».

Неоднозначную оценку заслуживает принятый 26 апреля 1991 г. Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Как уже говорилось выше, меры по экономической, политической и культурной реабилитации предпринимались непосредственно во время возвращения депортированных этносов на их «малую Родину». Теперь же «принятие этого закона способствовало усилению конфронтационной ситуации на местах, породило неразрешимые проблемы, вызвало к жизни муслинизацию общества вокруг надуманных разных идеологических посылок». И как следствие – раздача «откупных» и межэтнические конфликты.

Не сразу прошла эйфория, связанная с надеждами на гуманистический потенциал, заложенный в религии, которая, как казалось, может нормализовать отношения между народами Северного Кавказа. На практике религиозные лозунги стали использоваться в террористической борьбе куда более успешно, нежели в миротворческой практике. Проходя обучение в арабских странах, многие богословы с Кавказа возвращаются домой с антирусскими и антихристианскими убеждениями, считают своих земляков недостаточно верующими людьми, с которыми следует бороться с помощью насилия.

Обращает на себя внимание увлеченность части этнической интеллигенции проблемами своего исторического и культурного наследия. При этом «самоутверждение личности происходит не в реализации собственного потенциала, а в манифестации своей этнической группы. Но если сегодняшние достижения культуры народа не блестящи, о чем свидетельствуют стагнация экономики и низкий уровень жизни значительной части населения, то компенсировать это можно, актуализируя архетипический комплекс мас-

кулинности. Его и поддерживают идеологи-почвенники. Для них самих эта деятельность имеет огромный компенсаторно-практический смысл утвердить свою значимость в этнической культуре, затушевывая профессиональную неконкурентоспособность.

Та часть интеллектуальной элиты народов, которая занята созидательным трудом (образованием, медициной, наукой и др.), не нуждается в такого рода компенсации и поэтому ориентирована на центральную зону российской культуры, к которой сама и принадлежит. Для ее представителей этничность – личностный выбор, свои собственные частные характеристики, «внутренний мир». Представляется, что реализовать свой личный потенциал выходцы из Кавказа, как правило, могут, лишь выехав за пределы региона, где от них требуется не столько демонстрировать приверженность «заветам предков», сколько доказывать свои деловые и профессиональные качества. Отсюда и усилившаяся «колонизация» традиционно русских районов страны выходцами из северокавказских республик. Противоречивость этого закономерного процесса видится в том, что, стремясь вырваться из подавляющего их образа жизни, они зачастую стремятся сохранить его в иноэтнической среде, прибегая к агрессивной демонстрации своей «особости» и тем самым провоцируя ксенофобию со стороны этнического большинства.

Что касается увлеченности «презентивной историей», которую ряд современных исследователей считают второстепенным занятием, забирающим непропорциональные ресурсы, то польза от нее в нынешней ситуации видится гораздо большей, чем кажется на первый взгляд. Мобилизуя этнос вокруг идеи «славного прошлого» и «былых обид», нанесенных «враждебными соседями», можно успешно шантажировать федеральные власти перспективой разрастающегося конфликта, добиваясь все новых преференций.

В преддверии Олимпиады в Сочи активизировался процесс исторического мифотворчества вокруг черкесской проблематики. Среди наиболее часто муссируемых тем – вопрос о геноциде, якобы имевшем место в XIX столетии. Имеющиеся доводы сводятся к тому, что адыгов переселяли насильственно на земли, не пригодные для жизни, Сочи – место, где уничтожили убыхов, а их малочисленные остатки умерли на чужбине, да и вообще у адыгов не было никакой возможности остаться на земле предков и т.п. При ближайшем рассмотрении оказывается, что все эти факты не соответствуют действительности и написаны скорее «по мотивам» событий. Со стороны самых высоких российских инстанций (импе-

ратора!) звучали призывы прекратить вооруженное сопротивление и переселиться на равнины, в места, где по соседству уже живут русские поселенцы, своим примером доказывая преимущества жизни на равнине. Альтернативой могла быть только продолжающаяся война. Аргументом в пользу тех, кто внял доводам рассудка, служат аулы Уляп, Хатукай, Кошехабль и т.д. Убыхи в полном составе организовано переехали в Османскую империю, но, будучи носителями пограничной (между абхазами и адыгами) идентичности, ассимилировались в новых условиях. На месте проведения будущей Олимпиады никаких кровопролитных сражений не происходило, а знаменитая Красная поляна названа так по растущему здесь в изобилии папоротнику, имеющему в сумерках красноватый оттенок. Говоря о невзгодах и гибели в пути части так называемых мухаджиров, необходимо помнить, что это было вызвано не злым умыслом российской администрации, а тем, что исход адыгского населения, сагитированного вождями, приобрел массовый, неконтролируемый характер. Обеспечить переселенцев всем необходимым оказалось невозможно, хотя государство и выделяло для этого значительные финансовые средства (289 678 руб. 17 коп., т.е. 10 руб. на семью).

В настоящий момент «черкесский вопрос» активно используют как элемент политического давления на Российскую Федерацию. В качестве примера можно привести проекты по созданию Великой Черкесии, прозвучавшие на Чрезвычайном съезде черкесского народа в ноябре 2008 г., конференцию, прошедшую в Грузии в ноябре 2010 г., и т.п. За всеми этими демаршами стоят не только амбиции части региональной элиты, но и геополитические интересы соперников России, не упускающих возможности расшатать ситуацию на южных рубежах своего конкурента.

Созданный 19 января 2010 г. Северо-Кавказский федеральный округ стал одним из наиболее проблемных в Российской Федерации. Для него характерна самая высокая дотационность, при этом государственный бюджет получает от округа лишь около 1,2% от всех налоговых поступлений. Регион отличается значительным конфликтогенным потенциалом, прежде всего межэтнической напряженностью и исламским экстремизмом.

Между тем эксперименты с экономическими преференциями, предоставляемыми республикам Северного Кавказа, имели далеко не те последствия, которые ожидал федеральный центр. Так, создание экономической зоны «Ингушетия» привело к тому, что сюда стали стекаться огромные деньги, а уровень безработицы

при этом оставался высоким. Республика превратилась в криминальную дыру, в которой скрывались от налогов огромные средства, часть из которых шла на подпитку бандформирований.

Среди позитивных моментов современной российской политики в регионе, пожалуй, можно назвать осознание властями того факта, что дискуссии вокруг темы этнических территорий неминуемо приведут к дестабилизации Кавказа. Любой шантаж по этому вопросу должен пресекаться властями всеми доступными средствами.

«Вестник Пятигорского государственного университета», Пятигорск, 2011 г., № 4, с. 439–442.

Ю. Азикова,

политолог

(Социально-гуманитарный институт
Кабардино-Балкарского государственного
университета)

СТРАТЕГИИ ДЕПОЛИТИЗАЦИИ «ЧЕРКЕССКОГО ВОПРОСА»

В изучении вопроса о стратегиях деполитизации «черкесского вопроса» можно выделить два подхода.

Первый подход представлен в выступлениях и публикациях представителей оппозиционных адыгских общественных организаций и солидаризирующихся с их точкой зрения экспертов. По их мнению, черкесский вопрос изначально был поднят как вопрос политический, поэтому попытки его деполитизировать абсолютно невозможны.

Второй подход отражает реакцию официальных российских структур, проправительственных аналитиков и экспертов, заключающуюся в стремлении деполитизировать этот вопрос, исключив непредсказуемость дальнейшего развития ситуации и риски, связанные с общественной и государственной безопасностью. По их мнению, проблемы, связанные с «черкесским вопросом», могут быть представлены с точки зрения гуманитарных аспектов без обязательной политизации.

Именно в русле второго подхода правомерна постановка вопроса о «стратегиях деполитизации черкесского вопроса». При всем многообразии подходов к адыгскому вопросу и разнообразии акцентов, расставляемых в определении его сущности для всех

черкесских организаций, особенно злободневными и проблемными являются такие аспекты:

1) официальное признание характера и последствий военных действий Российской империи в ходе Кавказской войны (КВ) XIX в., как геноцида адыгов (черкесов);

2) вопросы, связанные с репатриацией адыгов с предоставлением им преференций, отвечающих их моральному и материальному ущербу в годы вынужденно «добровольного» переселения;

3) образование на территории РФ единого «адыгского» субъекта.

Все обозначенные выше вопросы приобрели в настоящий момент политическое звучание, связанное с радикализацией и эскалацией напряженности общественно-политической ситуации Кавказского региона (КР) при усилении факторов внешнего воздействия, идущих вразрез со стратегическими интересами России.

Кавказская война и ее итоги послужили идеологическим каркасом современного «черкесского вопроса», историю которого нужно начинать описывать с 80–90-х годов XX в. Кризис, поразивший советскую государственность и идеологические основы ее существования, постепенная демократизация, перестройка, «парад суверенитетов», исчезновение общности «советский народ», дальнейшая необходимость определения собственной идентичности и ее места в мире, – вот где, по нашему мнению, следует искать «начала» черкесской проблемы.

В конце 80-х – начале 90-х годов XX в. адыгские движения начинают активно заявлять о своем существовании. Их появление на исторической арене было связано с осознанием адыгами, жившими в разных странах, своего этнического, культурного и языкового единства. Мысль о репатриации и объединении нации на исторической родине становится для многих адыгов привлекательной национальной идеей. Выразителями этой идеи становятся Международная черкесская ассоциация (МЧА) и входящие в нее «хасэ» (общественные организации). Свои главные задачи МЧА видела в изучении и решении общих проблем адыго-черкесских народов разных стран мира; сохранении родного языка и культуры; восстановлении подлинной истории адыгов; обеспечении свободы вероисповедания; сбережении национальной самобытности, установлении дружественных связей между адыгами разных стран мира; оказании помощи черкесам, желающим вернуться на свою историческую родину и т.д. Первый президент МЧА Ю. Калмыков

в своем докладе указал на то, что ассоциация «не занимается политическими проблемами», и ее усилия направлены только на возрождение адыгского народа. Не ставились вопросы образования исключительно «адыгского» субъекта России. Он также говорил о невозможности ущемления чьих-либо национальных интересов в угоду чаяниям исключительно адыгов в многонациональных Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее.

В свете описанных установок ключевой пункт «черкесского вопроса» – необходимость официального признания геноцида – был поставлен на повестку дня в связи с необходимостью подведения санкционирующей базы под принятие законов о гражданстве и репатриации. В 90-х годах органы власти Кабардино-Балкарской Республики и Республики Адыгея признали факт геноцида черкесского народа. Своеобразным толчком в активизации деятельности адыгских общественных организаций в данном направлении стало часто цитируемое «Обращение Президента РФ Б. Ельцина к народам Кавказа в связи со 130-летием окончания Кавказской войны» (1994), в котором дается моральная оценка итогам КВ и признается трагичность ее последствий. Последовали многочисленные обращения к центральным властным структурам, в органы управления на местах, в европейские организации с предложением дать свою оценку последствиям КВ и признать геноцид. Между тем открытый разговор на тему в духе демократических принципов, поддержанный Б. Ельциным, стал сворачиваться по мере эскалации чеченского конфликта.

На Западе также проявляют интерес к «черкесскому вопросу». На 53-й сессии Комиссии ООН по правам человека выступил генеральный секретарь МЧА А. Охтов. В 1998 г. представитель МЧА Т. Казанок поставил вопрос геноцида черкесов и проблему репатриации черкесской диаспоры на 4-й сессии Комиссии ООН по правам человека.

Организация наций и народов, не имеющих представительства (Unrepresented Nations and Peoples Organization (UNPO)), в 1997 г. приняла специальную «Резолюцию по положению черкесского народа», в которой признавался факт геноцида черкесского народа. Резолюция также призывала Россию признать это и удовлетворить требования адыгов. 6 октября 2010 г. был объявлен в ООН «национальным черкесским днем». В заявлении Генерального секретаря по данному поводу указывается на якобы существовавшую в XIX в. общечеркесскую государственность и на справедливость требования современных черкесов возродить ее. В

2007–2008 гг. в США прошли три крупные конференции и ряд семинаров, посвященных теме «черкесского геноцида». Примечательно и признание грузинскими парламентариями геноцида адыгского народа, последовавшее после конференции по этому случаю. Результатом этих обсуждений в ряде случаев становятся признание справедливости претензий адыгских общественных организаций и прямое либо завуалированное обвинение России в невнимании к обоснованным требованиям малых народов, и в частности адыгов.

В этой «войне конференций», начатой Западом, Россия несколько уступает своим оппонентам. 24 марта 2011 г. в МГИМО прошла конференция «Черкесский вопрос: Историческая память, историографический дискурс, политические стратегии», на которой обсуждались исторические составляющие «черкесского вопроса» и современные реалии. В июне 2011 г. состоялись слушания в Общественной палате РФ по теме «Разделенные народы: Правовой статус и трансграничное сотрудничество». Тут уже речь шла о конкретных мерах помощи черкесскому народу. Диалог получился не слишком конструктивный, но есть надежда, что предложения представителей адыгских общественных объединений подвергнутся анализу соответствующими инстанциями. В октябре 2011 г. в Южном федеральном университете состоялся круглый стол на тему «Первоочередные меры по противодействию использованию так называемого “черкесского вопроса” в эскалации напряженности на Юге России в преддверии Олимпиады в Сочи в 2014 г.». Таким образом, федеральная власть через те или иные структуры демонстрирует свою заинтересованность в решении черкесской проблемы.

Спектр трактовок ключевых пунктов «черкесского вопроса», следовательно, и разных вариантов деполитизации можно классифицировать как минимум по четырем позициям. Радикально-националистическое крыло адыгских общественных организаций, представленное, например, «Черкесскими конгрессами» КБР, КЧР и Адыгеи, «Молодежным Адыгэ Хасэ» КЧР, выдвигает бескомпромиссные требования признания геноцида, полной свободы самоидентификации, воссоздания этнической черкесской государственности, отказа от проведения зимней Олимпиады 2014 г. в Сочи и т.д. Эта бескомпромиссная программа по сохранению адыгской идентичности и единства подразумевает при ее допущении с российской стороны полную деполитизацию «черкесского вопроса» для РФ, поскольку она будет реализовываться на путях сепара-

тизма, а следовательно, вне политического, социального, экономического и культурного поля России.

Существует и противоположная позиция, которая отрицает справедливость требований адыгских общественных организаций, основанных на надуманных проблемах. Всекие оппозиционные мнения воспринимаются в рамках данного подхода болезненно, инакомыслящие легко записываются в категорию отщепенцев, маргиналов и сепаратистов.

Между двумя крайними точками зрения, описанными выше, располагаются менее радикальные варианты развития ситуации. Речь идет о черкесской умеренно-националистической и официальной позиции. Существуют разные стили постановки политических проблем. В том случае, когда политические проблемы ставятся в качестве вопросов жизни и смерти, возносятся на недосягаемую моральную высоту, они становятся малопригодными для дискутирования.

Между тем продуктивный ответ на вызов, предъявляемый «черкесским вопросом», невозможен без компромисса. Диалог возможен только между умеренными силами, готовыми идти на уступки. К умеренному крылу адыгских общественных организаций можно отнести, например, МЧА и «Всемирное адыгское братство». Отдельные аналитики и эксперты считают МЧА правительственной организацией, финансируемой властными структурами. Действительно, вопрос о финансировании деятельности каждой отдельно взятой адыгской общественной организации может вызывать нарекания со стороны оппонентов. Но если оценивать деятельность Ассоциации и Братства с точки зрения программных установок, способности к диалогу, демонстрируемой гибкости, то эти две организации вполне сопоставимы. Они в выполнении своих задач руководствуются вполне прагматичными соображениями, не ставят невыполнимых целевых установок, постулирующих достижение искомого результата даже ценой дестабилизации общественно-политической ситуации на Кавказе.

В существующих условиях в разработке стратегий деполизации «черкесского вопроса» на основе представления обществу эффективного ответа на адыгский вызов федеральные властные структуры могут предпринять следующие шаги.

1. Признать и не замалчивать трагические последствия Кавказской войны XIX в. для адыгов, не вступая в полемику с радикализированной частью черкесского движения по поводу применимости дефиниции «геноцид» к итогам войны. Соображения

отдельных лидеров «Черкесского конгресса» о том, что РФ является правопреемницей Российской империи, а значит, обязана отвечать за ее «преступления», – не выдерживают критики.

2. Необходимо довести до общественного сознания, что современная Россия строилась усилиями, лишениями и победами всех национальностей, населяющих ее. Крайне важно воспитать в подрастающем поколении всех регионов страны уважительное отношение к иной (не чужой) культуре на основе преподавания соответствующих дисциплин; начать вести открытый диалог с адыгскими организациями умеренного направления, вовлекая их в общественные процессы государственного масштаба. В РФ забота об интересах граждан и о соблюдении их прав включает и соблюдение интересов сохранения национальной самобытности и культуры. Поэтому диалог возможен и предпочтителен в плоскости защиты прав граждан-адыгов, но не в плоскости предоставления кому-либо государством, мучимым комплексом вины, преференций. Борясь с искусственно созданными и обостренными аспектами «черкесского вопроса», важно не забыть, что черкесы имеют право на сохранение своей культурной идентичности, на право голоса в вопросах административных перестроек территорий проживания адыгов.

Необходимо реагировать на предложения адыгских общественных организаций по облегчению репатриантам возвращения на родину. Достаточно объективного разбора исторических событий и желания помочь людям, чтобы воплотить переселение любого количества черкесов на историческую родину. (Однако не так много черкесов, как это часто изображают, рвутся в Россию.)

Следует выступать «миротворцем», справедливым арбитром в деле урегулирования споров и разногласий кабардинцев и балкарцев, черкесов и карачаевцев, понимая, что большинство адыгского населения не имеет представления ни о «черкесском вопросе», ни о «Великой Черкесии».

Вбрасываемые в интернет-пространство, искусственно конструируемые, проблемы широко дискутируются на Западе в качестве проблем, актуальных для каждого члена черкесской этнической общности. И здесь Запад пытается занять место флагамена в деле «защиты прав и интересов» черкесов – граждан России и черкесов, не являющихся гражданами России, с общей родиной в России. Подобная неоднозначная ситуация исключает возможности для игнорирования черкесского вопроса: «реабилитироваться» в глазах адыгов за невнимательность (намеренную либо случайную),

проявленную в ходе представления истории Сочи перед МОК. В презентации было опущено всякое упоминание о черкесах, проживавших до КВ на побережье Черного моря. Для думающей адыгской общественности данный эпизод оказался довольно удручающим. Адыги, как и все россияне, интересующиеся историей и спортом, будут признательны своей стране за уважительное отношение к их истории и достойное представление черкесского культурного наследия на Олимпиаде-2014.

В заключение следует указать, что подлинная деполитизация подобного рода вопроса может быть осуществлена через демократическую политизацию, если все пункты «черкесского вопроса» будут звучать как точка зрения, которая свободно высказывается и дискутируется. Только подлинная демократизация позволит деполитизировать все это огромное разнообразие идентичностей, наблюдаемых на территории России.

*«Научная мысль Кавказа»,
Ростов н/Д., 2012 г., № 2, с. 109–113.*

Гебек Гебеков,
кандидат исторических наук (ИИАЭ ДНЦ РАН)
**ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В КУЛЬТУРЕ
ПОСТСОВЕТСКОГО ДАГЕСТАНА
(1992–2006)**

Реальная свобода совести в постсоветский период на пространстве бывшего союзного государства привела к возрождению религиозных традиций. Развернулось широкое строительство мечетей, медресе, появились исламские высшие учебные заведения, в городах и селах республики желающие получили возможность посещать религиозные курсы, изучать арабский язык. Значительным стало влияние ислама на искусство.

Возрождение исламских традиций, повышение интереса людей к изучению религии повлияли на развитие всех составляющих культурного процесса. Религиозные праздники стали отмечаться в клубах, библиотеках, музеях, а само религиозное мировоззрение стало объектом изучения ученых республики, которые теперь подходили к вопросу изучения религии объективно, а не с точки зрения марксистско-ленинской идеологии. Религиозные мотивы стали более отчетливыми и яркими в творчестве дагестанских писателей, художников и театральных деятелей. На радио и телевидении появ-

вились исламские передачи. Появились печатные издания религиозного характера.

В живописи дагестанских авангардистов влияние ислама было значительным. Так, творчеству Ибрагима Супьянова присущи народность и религиозность. Картина «Зикр», которая символизирует один из исламских ритуалов, выполнена согласно технике самого ритуала – краски втопты в холст босыми ногами. Творчество Апанди Магомедова 1990-х годов синтезирует опыт, достигнутый в росписях тканей (с характерной для доисламской и исламской культуры символикой), и новейшие эксперименты в живописи. Если оглянуться на более чем 15-летнюю практику художника, то перед нами встает последовательная, неторопливая, все углубляющаяся в постижении исламского ритма-ритуала творческая эволюция. Пиком ее можно считать новый цикл работ автора, условно названный «Мавлид». Филигранной и отточенной техникой отмечается графика молодого художника Гамида Балиева. В его работе «Судьба. Шамиль» перед нами предстает историческая личность, правдиво отображенная художником. Творчеству живописца свойственны глубокая нравственность и религиозность. Под влиянием происходящих в стране перемен изменилось, как и у большинства представителей творческой интеллигенции, отношение народного поэта Дагестана Расула Гамзатова к религии. В его стихах появились положительные религиозные мотивы. Новое отношение к действительности обнаружилось в стихах даргинского поэта Р. Рашидова, опубликованных в книгах «Песня и стон земли», «О, время ты мое». Поэт в соответствии с мировосприятием и мировоззрением читателя 1990-х годов, когда возрождалась религия, на основе принципов агитационной поэзии создал стихотворение «Балга» («Благопожелание»). В его стихах говорится о ренессансе «священной» религии, о социальной несправедливости в новом обществе, нищете и безнравственности поведения людей в условиях господства законов рыночной экономики.

Происходили изменения в деятельности культурно-просветительных учреждений. С целью реабилитации имени имама Шамиля в свете новых взглядов на Кавказскую войну первой половины XIX в. в перестроечные годы Дагестанским музеем изобразительных искусств (ДМИИ) начались работы по восстановлению панорамы Франца Рубо, посвященной штурму аула Ахульго. В 1997 г., в соответствии с программой мероприятий, приуроченных к юбилею имама Шамиля, дважды в Дагестанском государственном объединенном музее (ДГОМ) была проведена

резкспозиция в залах Кавказской войны. Сотрудники музея были награждены юбилейными медалями за участие в мероприятиях, посвященных 200-летию имама Шамиля. Выставки в честь имама, а также отображающие ход Кавказской войны, прошли в большинстве филиалов ДГОМ.

В связи с реисламизацией 48 клубов в республике были отданы под мечети, так как ранее, в первые годы советской власти, многие клубные учреждения размещались в бывших культовых сооружениях, которые были экспроприированы у исламских общин. Передача клубов под религиозную деятельность осуществлялась в большинстве случаев решением сельских сходов. В некоторых же районах передача осуществлялась решением суда, как, например, в Ахвахском районе, где мечети, отданные прежде под Дома культуры и другие общественные здания, возвращались их истинным владельцам. В целом по республике клубные учреждения получали комнаты в администрациях сел, жилых помещениях. В некоторых селах строили новые клубы. Передача домов культуры исламским общинам в основном происходила в период с 1992 по 1995 г.

В исследуемые годы все больше дагестанцев обращались к религии. Она стала играть важную роль, а потому появилась необходимость в новой структуре отношений между духовенством и культурно-просветительными учреждениями. В условиях, когда религиозные традиции обрели достаточно высокий авторитет среди населения, особенно важным стало не дать государственным учреждениям социокультурной сферы превратиться в формальные звенья, существующие сами для себя. Итоги произошедших в августе-сентябре 1999 г. событий определили особую актуальность обеспечения системного идеологического просвещения среди сельского населения.

Тема взаимоотношений сфер культуры и религии являлась одной из самых актуальных и проблемных в духовной жизни общества. Религия не должна противодействовать развитию светской культуры и тем мерам, которые обеспечивают полезный досуг населения. Вызывал тревогу факт политизации ислама, тенденции к установлению религиозного контроля в духовной сфере общественной жизни. Сложившаяся ситуация являлась следствием падающего престижа учреждений культуры, авторитета данной сферы деятельности в обществе. Это было тем более опасно на фоне растущего негативного влияния радикально настроенных служителей религии. Дома культуры зачастую были не способны конку-

ризовать с более активными формами религиозной культуры. На примере событий 1999 г. мы стали свидетелями последствий открытого насаждения чуждой идеологии. События последнего десятилетия убедительно показали, чем чревата недооценка духовно-просветительного фактора в жизни сельских сообществ. Вместе с тем и сейчас есть немало примеров, когда культурную политику на селе определяют даже не властные структуры, а лидеры духовенства.

Запреты, исходившие от некоторых представителей духовенства, негативно влияли на культурную деятельность, посещение спектаклей, клубов, библиотек и школ. Закрытие учреждений культуры, сокращение числа учащихся в общеобразовательных школах ряда сел стали реальностью. Зачастую это оставалось без внимания властных структур на местах. Происходило противостояние религиозных фанатиков культуре, что вело к срыву запланированных мероприятий (в наиболее отдаленных от райцентра малонаселенных пунктах).

Однако все это вовсе не означает, что государственные культурно-просветительные центры находились в состоянии жесткой конфронтации с официальным, традиционным духовенством. Наоборот, изыскивались средства сближения религии и культурных сфер общества. В связи с возрастающим влиянием религии на нравственное воспитание молодежи в учреждениях культуры проводились вечера-встречи со служителями церкви.

Если в советский период истории Дагестана праздники и мероприятия в клубах были направлены на «воспитание трудолюбия, коллективизма, взаимопомощи, активного творческого отношения к делу», то уже в постсоветский период наряду с этими целями ставились и иные. В частности, в связи с тем, что «в дагестанском обществе все более широкое распространение получили исконные мусульманские, религиозные традиции, активизировалась деятельность мусульманского духовенства», в клубных учреждениях Дагестана стали проводить и религиозные праздники «Ураза байрам», «Курбан байрам», «Рождество Христово» и др.

В годы реформ в республике были восстановлены и вновь построены сотни мечетей, возродилась и сеть мусульманских учебных заведений. Так, если до 1985 г. в Дагестане официально функционировало всего 27 мечетей, то в конце 1996 г. – 1600 мечетей, 600 примечетских школ (мектебов), 25 медресе и 11 исламских высших учебных заведений. В мечетях и мусульманских учебных заведениях служили 2200 имамов, мулл и алимов. Кроме

того, было организовано изучение арабского языка и арабоязычной литературы в некоторых высших, средних специальных и общеобразовательных учебных заведениях Дагестана. Более тысячи юношей обучались в различных мусульманских странах.

Система исламского образования республики в 2006 г. включала в себя уже 19 исламских вузов (около 2300 студентов), 14 филиалов высших учебных заведений (около 250 студентов), 113 медресе (около 3000 обучаемых), 94 мактаба (более 700 учащихся). Таким образом, всего было охвачено обучением 6250 человек. Многие из преподавателей исламских вузов наряду с религиозным получили высшее светское образование в вузах Дагестана и за его пределами. Среди преподавателей мусульманских учебных заведений были и лица с учеными степенями и званиями. Девять исламских вузов из 19 имели действующие лицензии от Министерства образования РФ. Ни один исламский вуз не имел государственной аккредитации.

По-прежнему значительным оставалось количество дагестанцев, обучавшихся в зарубежных исламских учебных заведениях. Всего, по разным оценкам, количество выехавших на учебу составляло более 1000 человек. Больше всего обучавшихся, по имеющимся сведениям, находилось в Сирии (256 человек), Египте (185 человек), Турции (140 человек), Пакистане (96 человек), Королевстве Саудовская Аравия (59 человек), Иране и др. странах. Несколько десятков человек обучались в таких странах, как Иордания, Тунис и др.

Особое место в истории развития периодики постсоветского Дагестана заняла религиозная печать. Появление нового типа изданий в системе печати республики объясняется объективными причинами, начавшимися в жизни еще советского общества в середине 80-х годов, и возможностью народов Дагестана впервые после многих десятилетий атеистического воспитания открыто вернуться к вере своих предков. В октябре 1990 г. были зарегистрированы первые религиозные газеты «Исламские новости» и «Зов ислама». В августе 1991 г. – газета «Путь ислама» и в феврале 1992 г. – «Хикмат» («Мудрость»). В 1994 г. – газеты «Прозрение», «Арратул исламия» («Знамя ислама»), «Моджахед» («Борец за веру») и журнал «Мусульманская цивилизация». В январе, феврале и ноябре 1995 г. – соответственно, газеты «Ислам», «Ассалам» («Мир и благополучие») и «Шариат». В августе 1996 г. – газета «Нурул ислам» («Свет ислама»). В августе 1997 г. начинает выходить газета «Халиф». Краеугольным камнем всей исламской прес-

сы являлось воспитание честного, добропорядочного, законопослушного члена общества. Одним из недостатков религиозных СМИ было то, что они отдавали предпочтение религиозной пропаганде, недостаточно обращая внимание на религиозное просвещение. Но, несмотря на это, значимость религии в жизни дагестанских народов позволяла религиозным газетам оставаться в центре внимания общества.

Религиозная печать внесла значительный вклад в дело противодействия религиозному экстремизму в республике, разоблачения агрессивной сущности ваххабизма, нацеленного на расчленение целостности России, хотя некоторые исламские газеты, пользуясь попустительством со стороны государственных органов, все же способствовали формированию идеологии ваххабизма и других экстремистских течений ислама в Дагестане. Почти все печатные средства массовой информации Дагестана на своих страницах выступили в августе-сентябре 1999 г. против вторжения боевиков со стороны Чечни, против ваххабизма и религиозного экстремизма. Волной патриотизма были охвачены журналистские коллективы газет и журналов Дагестана. В своих публикациях они поднимали патриотический дух дагестанского народа.

Параллельно с изучением арабского языка и вопросов вероучения ислама повысился интерес к произведениям духовной литературы, изданным до 1917 г. в типографиях Дагестана и других стран на арабском и дагестанских языках, на арабской графике. Ввиду того, что подавляющее большинство населения Дагестана не владеет арабским письмом, в последние годы транслитерированы с арабской графики на современные алфавиты дагестанских языков и переизданы в разных сборниках, журналах и газетах многие произведения, опубликованные до 1917 г. на языках народов Дагестана. Так, в 1993 г. был издан на кумыкском языке в объемном сборнике (376 с.) «Пайхамарны ёлу булан» (транслитерация и комментарии Г.М.-Р. Оразаева, он же составитель). Второй том был издан в 1997 г. Напечатаны многие произведения Абусуфьяна, сына Акая из Н. Казанища. 10-тысячным тиражом вышла из печати книга «Мавлиды» на аварском языке (транслитерация С. Хайбуллаева). Эта книга главным образом состояла из од о Пророке Мухаммеде и жизни некоторых религиозных деятелей. В 2005–2006 гг. дважды был издан «Сборник мавлидов на кумыкском языке» (транслитерация Г.М.-Р. Оразаева).

Реализацию миротворческого и воспитательного потенциала религии через институты культуры нужно проводить взвешенно,

чтобы не допустить распространения идей исламского экстремизма. В постсоветский период было очень много сделано для религиозной пропаганды в обществе. Серьезным недостатком, по нашему мнению, является то, что не ведется атеистическая пропаганда. Распространение религиозных идей необходимо сочетать с популяризацией атеистического мировоззрения, чтобы не допустить перекосов ни в одну, ни в другую сторону. Религия может и должна бороться с негативными проявлениями в жизни общества, но в то же время религиозным деятелям необходимо сотрудничать с научными, культурными и образовательными учреждениями республики, чтобы совместными усилиями повысить уровень культуры в дагестанском обществе.

*«Дагестанский востоковедческий сборник»,
Махачкала, 2011 г., с. 57–66.*

Георгий Цаголов,
политолог
ИСТОКИ «КАЗАХСКОГО ЧУДА»

В период развала СССР в Казахстане уже существовала сильная президентская власть во главе с Нурсултаном Назарбаевым. Недавний член Политбюро ЦК КПСС обладал большим опытом партийного и государственного управления, отличался незаурядным интеллектом и волевыми качествами. В отличие от белорусской экономики в Казахстане преобладали сырьевые отрасли, работавшие главным образом на нужды всего Союза. Назарбаев был против ликвидации СССР, но когда это случилось, не опустил руки. Его опорой стали не оппозиционные демократы, а те, которых он хорошо знал, – представители прежней государственной бюрократии и верхушка казахских кланов.

На первых порах Назарбаев перепробовал разные направления реформ. Советы ему давали и приглашенный в Алма-Ату Григорий Явлинский, и некоторые западные эксперты, в том числе из МВФ. Однако большая часть стартовых начинаний не приводила к лучшему, производство падало, а инфляция нарастала.

Желающих поучаствовать в приватизации предприятий, добывающих полезные ископаемые, было немало среди граждан самого Казахстана. Но откуда им взять необходимые для этого капиталы? Продавать сырьевые ресурсы по дешевке или проводить также не слишком обременительные для участников залоговые

аукционы с заранее определенным кругом фаворитов, как в России, не хотелось. Напрашивался вариант предоставления концессий западному капиталу. Назарбаев знал историю советского нэпа. Зарубежный опыт также свидетельствовал, что такой путь может оказаться успешным. Особо вдохновлял его сравнительно недавний пример премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю, человека твердой руки, не побоявшегося распахнуть двери для транснациональных корпораций, что позволило в короткий срок превратить третьестепенную колонию в одну из ведущих индустриальных стран мира.

Процесс передачи промышленных предприятий под управление иностранных фирм начался в 1993 г. Из разных стран были отобраны и допущены к приватизации те зарубежные компании, которые готовы были дать большие деньги и быстро наладить эффективную эксплуатацию приобретенных активов. Самый крупный в республике Карагандинский металлургический завод был продан международной группе Лакшми Миттала – «Миттал стил». Конечно, дело не обходилось без роптания по поводу «распродажи национальных богатств». Но Назарбаев и его пропагандистский аппарат убеждали, что в сложившейся обстановке других путей просто не существовало: подчеркивалось, что предприятия остаются в стране, иностранцы платят немалые налоги в казну, растет производство и создаются новые рабочие места.

К 1996 г. Казахстан сумел уже привлечь в экономику гораздо больше инвестиций, чем Россия. При этом Назарбаеву открылся и рынок международных кредитов под относительно небольшие проценты. При оформлении крупных сделок правительство страны получало солидное вознаграждение, но эти деньги не разворачивались, а увеличивали доходную часть государственного бюджета.

Сложнее обстояло дело с крупными предприятиями машиностроения и легкой промышленности, которые раньше работали на нужды всего Советского Союза и потому не представляли особого интереса для западных инвесторов. В этих отраслях правительство встало на путь постепенных преобразований и разукрупнения, что позволило бы развивать средний и малый бизнес, который мог работать на нужды казахстанского рынка. К 2000 г. частный сектор экономики страны давал 75% всей продукции. Национальное предпринимательство развивалось в сфере услуг, финансов, телекоммуникаций, инновационной технологии. К 2003 г. в республике образовалось 10 крупных частных холдингов.

Повышение мировых цен на нефть, а также почти на все другие виды сырья и металлы ускорило темпы экономического роста Казахстана, составлявшие с 1998 по 2005 г. в среднем более 10%. С введением национальной валюты – тенге – пошла на убыль инфляция. В мире заговорили о «маленьком казахском экономическом чуде».

Несмотря на большую долю частного капитала, как иностранного, так и национального, государство не ушло из экономики, а временами и наращивало свое присутствие. За счет доходов, идущих от реализации нефти, был создан Национальный фонд, размеры которого в настоящее время превышают 30 млрд. долл., а вместе с золотовалютными резервами составляют 63 млрд. долл. При этом с самого же начала в отличие от нашего Стабфонда часть его стала расходоваться на инвестиции в собственную экономику, в обрабатывающую промышленность и особенно в машиностроение (20% и более ежегодного прироста). Республика обрастала строительными лесами. Государство взяло на себя заботу о развитии транспортной инфраструктуры – авиации, железных дорог, нефти- и газопроводов.

Появление новой столицы – Астаны – стало стимулом для строительства дорог и воздушных трасс, а также современного аэропорта. В республике почти с нулевой отметки была создана вполне современная система банков, ставшая образцово-показательной для соседних стран. Некоторые из быстро выросших казахских банков в последние годы стали успешно осваивать просторы других стран СНГ, включая и Россию. За 20 лет уровень ВВП на душу населения возрос почти в 15 раз и составляет по итогам прошлого года 9 тыс. долл.

В начале 90-х годов в Казахстане наблюдался массовый исход граждан на постоянное место жительства в другие страны. Численность населения Казахстана тогда сократилась на 2 млн. человек. Сегодня среди гастарбайтеров в России или Европе казахов практически нет. Напротив, многие узбеки, киргизы и таджики едут работать в Казахстан. Численность населения в последние годы постоянно растет и достигает ныне 16 млн. Международным признанием возрастающего авторитета Казахстана стало его председательство в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Бывший член парламента Великобритании Джонатан Айкен написал книгу «Назарбаев и сотворение Казахстана: От коммунизма к капитализму» и хвалит президента за построение «эффек-

тивного капитализма». Известный российский историк Рой Медведев в статье «Казахстанская модель» (журнал «Евразия») придерживается иного мнения: «С учетом социальной составляющей, казахстанскую модель можно было бы определить как социал-демократическую». Сам Назарбаев считает, что «мы движемся по пути создания основ “народного капитализма”». Какое же из утверждений ближе к действительности?

Начнем с позиции Р. Медведева. О демократии в Казахстане можно говорить лишь с прилагательным «управляемая». Придерживаясь девиза «сначала экономика, а потом политика», Назарбаев полагает, что в демократизме лучше идти медленнее, следуя уровню казахстанской культуры. Он считает, что вначале надо сформировать экономически самодостаточных членов общества, способных делать осознанный выбор, а уж потом предоставлять им свободы в полном объеме. Для сторонника «просвещенного авторитаризма» незабываемым уроком стала ошибочная, по его мнению, торопливость в этом вопросе Горбачёва и Ельцина в России.

Назарбаев свыше 20 лет управляет республикой. В 2007 г. ее высший законодательный орган предоставил ему право баллотироваться в президенты неограниченное количество раз. Правящая партия «Нур Отан» и успехи ее политики систематически обеспечивают убедительную победу на выборах (95,5% голосов на состоявшихся в этом апреле президентских выборах). Парламент в стране практически однопартийный. В стране выстроена жесткая вертикаль государственного управления: представители правящей партии занимают все ключевые должности в правительстве, министерствах и местных органах власти. Даже ректоры крупнейших вузов назначаются и освобождаются президентом. На этот счет существуют разные мнения, в том числе и следующее: «Можно сколько угодно рассуждать о роли личности в истории, но значение Назарбаева для страны трудно переоценить. Достаточно сравнить его, например, с Горбачёвым и подумать о том, что СССР мог бы, как КНР сегодня, безболезненно перейти от жесткого социализма к рыночным отношениям, если бы бразды правления в стране оказались у другого лидера».

Не совсем верно и отождествлять казахскую экономическую модель с капитализмом. Все же это смешанная система с элементами социализма, выражающимися в наличии плановых макроэкономических регуляторов, в практике сохранения командных высот в экономике в руках государства. Не случайно в выступлениях На-

зарбаева содержится призыв к созданию «социально ориентированной смешанной рыночной экономики, основанной на сочетании конкурентной саморегуляции производства и регулирования основных параметров развития со стороны государства».

В 1994 г. правительство Казахстана составило первую экономическую антикризисную программу, включающую курс на диверсификацию и модернизацию. Но особую роль планированию стали отводить с 1997 г., когда Назарбаев обнародовал стратегию «Казахстан-2030», в рамках которой создаются пятилетние программы развития, десятилетний индикативный план, отраслевые программы развития.

Никакая политика и реформы не обходятся без коллизий, а всякая сильная власть вызывает оппозицию. Десять лет назад тогдашний премьер-министр Акежан Кажегельдин вознамерился занять президентское кресло. Завязалось острое противоборство. В итоге Кажегельдин подвергся судебным преследованиям и был вынужден ретироваться за рубеж. Протежируемые им в годы пребывания у власти бизнесмены быстро обогащались и предъявляли претензии на нефть и другие наиболее лакомые куски пирога. Но эти сферы были уже заняты другими кланами и людьми, в том числе и приближенными к Назарбаеву, как, например, его зятем – миллиардером Тимуром Кулибаевым, контролирующим разработку и транспортировку нефти – «Казахтрансойл». В результате подобного рода конфликтов формировались группы противников режима.

Другой зять президента (теперь бывший) – Рихат Алиев – не без патернализма дорос до заместителя министра иностранных дел Казахстана. Но этого ему показалось мало, и он, как в сказке Пушкина о золотой рыбке, попросил тестя уступить ему свое место. Его «сослали» послом в Австрию, где позже он скандально попросил политическое убежище и пополнил лагерь «борцов с тиранией».

В богатой сырьевыми ресурсами экономике Казахстана, конечно, присутствует коррупция. В свое время прогремело дело бывшего советника Назарбаева американца Джеймса Гиффена, названное «Казахгейтом». Но руководство республики борется с этим злом, не обретающим масштабов бедствий, наблюдающихся в Киргизии, Туркменистане и других соседних странах, в том числе России, где, как известно, при государственных закупках ежегодно исчезает минимум 1 трлн. руб. Всего в Казахстане насчитывается пять миллиардеров, общее состояние которых составляет

12 млрд. долл. – меньше, чем у одного только нашего Виктора Вексельберга, занимающего лишь 10-ю строчку в рейтинге «золотой сотни» только что вышедшего майского номера русского издания «Форбс».

«Почему всё не так», М., 2012 г., с. 342–347.

К. Исаев,

доктор философских наук, президент
социологической ассоциации Киргизстана

К. Кокомбаев,

кандидат социологических наук
(Санкт-Петербургский государственный
университет)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КИРГИЗСТАНА

Современный высококомобильный и информационный мир не только меняет базовые ценности, но и трансформирует фактор идентичности, предопределяя иные критерии человеческой общности.

В начале 90-х годов XX столетия крушение крупной социалистической державы с ее советской тоталитарной политической системой управления стало в планетарном масштабе историческим, трансформационно-эпохальным событием. Обретение странами, в том числе Киргизстаном, статуса самостоятельных государств стало отправной точкой для начала соответствующих широкомасштабных преобразований. Преобразования исходили из стремления к собственным, не противоречащим духу времени целям и задачам новоявленного государства, отвечающим интересам и ценностям всего народа. В то же время усиление внешних факторов воздействия со стороны заинтересованных сил не могло не отразиться на характере предполагаемых реформ. Приоритетность, важность и приемлемость путей решения предопределяли основу государственного развития, главный стержень деятельности новообразованного киргизского национально политического истеблишмента.

Начавшаяся всесторонняя трансформация в новообразованном постсоветском государстве Киргизстан определила одну из значимых зон геополитических интересов ведущих западных

держав. Эти интересы, заключающиеся в расширении своего ареала «цивилизационного» влияния в «восточном» направлении, в противовес России, имели подходящие предпосылки и условия в Центральной Азии. Выдвижением идеи диалога в виде взаимодействия культур и цивилизаций была начата прозападная, глобализационно-инновационная политика в Киргизстане. Ее практическое осуществление предусматривалось на основе формирования демократических институтов власти через широкую пропаганду национального единства и культурного многообразия духовно-ценностных основ полиэтнического социума. Всемерно поддерживаемая главным образом наиболее развитыми западными державами, продвигалась идея создания единых, важных основ решения возникших проблем в стране. Основываясь на существующих усиливающихся негативных фактах жизнедеятельности полиэтнического сообщества (межэтнические конфликты, религиозный экстремизм, терроризм), внешние силы получили возможность непосредственного присутствия в Киргизстане.

Резкий трансформационный шок начала середины 1990-х годов привел к усугублению проблемы бедности, охватившей более половины населения страны. Постепенное обнищание немалой части населения страны, значительная деградация, усиление межэтнической, религиозной конфронтации являлись предпосылками возрастания доминантной позиции ведущих стран, в частности США и Евросоюза. Экономическая зависимость Киргизстана от этих крупных государств и мировых держав, пребывание в орбите их политических интересов накладывали глубокий отпечаток в процессе осуществления важных государственных преобразований. Страна объективно нуждалась в финансовой помощи, поскольку многие институты, необходимые для существования независимого государства, приходилось создавать заново, а также надо было преодолевать трансформационный шок, связанный с переходом от одной социально-экономической системы к другой.

В своей работе «Выборы и демократия в Киргизстане» Г.Т. Исакова подчеркивает три фактора, играющих важную роль в создании демократии;

- 1) внутренний – условия страны (сюда входят и предыстория, и экономические условия, и культура народа);
- 2) внешний – влияние международного сообщества, могущественных соседей и требования международных доноров;
- 3) степень сознательного стремления лидеров страны строить демократию.

Страны Запада на основе тактики широкомасштабного применения и распространения передовых технологий и постоянного внедрения инновационных форм расширяли зону своей геостратегической глобализационной политики. Исходя из идеи демократизации общества, всеобщего повышения благосостояния и уровня жизни населения Киргизстана, они преследовали главную стратегическую цель своего непосредственного присутствия в Центральной Азии, не исключая военного. Предоставляя разностороннюю поддержку проводимым в стране демократическим реформам, политика глобализации предусматривала регулирование политического курса, корректировку деятельности государственной власти в стране. Непосредственно оказываемое разностороннее влияние на общественное развитие, уровень доходов, культуру и тому подобное предстало перед киргизским народом неким инновационным явлением. Последовательность предпринимаемых попыток нововведений способствовала безболезненной трансформации общественной жизни, ломке стереотипов сознания, устоявшихся механизмов человеческого бытия.

Большинство инноваций (морально-этические нормы, ценности и интересы) не только не встречали одобрения и поддержки, но и вызывали определенное противостояние со стороны населения, усиливая антизападные настроения социально-политических сил.

Анализируя 20-летний процесс развития Киргизской Республики периода трансформаций, можно проследить разностороннее проявление множественных факторов, связанных с глобализацией и сказавшихся на жизнедеятельности народа. Их отражение на разных этапах общественного развития, уровне идентичности, социально значимых проблемах исходило из самой сути переходного транзита от авторитаризма к демократии. Однако, поэтапно охватив все стороны общественной жизни, глобализация оказала неоднозначное влияние на сам процесс всесторонней трансформации в Киргизстане. Об этом свидетельствуют серьезные противоречия между первоначально провозглашенными идеями, целями, их последовательной практической реализацией и реалиями нынешнего времени.

Глубокая проблематичность данного процесса проявилась в ходе осуществляемых в стране социально-политических, экономических и культурных реформ, не получивших полной всенародной поддержки. Реформы по широкому спектру направлений: разгосударствление и приватизация, либерализация цен и внешней тор-

говли, реформирование промышленности, аграрного сектора, здравоохранения и образования, государственного управления, — осуществлялись не без проблем. Ускоренное продвижение реформ вначале не нашло логического продолжения на более поздних этапах их реализации, что вызвало определенное замедление темпов экономического роста страны. Среднегодовой темп экономического роста в 1995–2000 гг. составил 5,6% по сравнению с 3,7% в 2000–2005 гг.

Осуществляемые преобразования, финансируемые западными донорами, не всегда давали желаемый результат в стране вследствие нецелевого использования денежных средств и разветвления коррумпированной схемы в системе государственной власти. Условия, на которых осуществлялось финансирование, отразились на политике руководства — «обязательная оглядка на Запад», предпрещая неукоснительное их исполнение, зачастую вопреки интересам самого народа (военная база США в Манасе, золоторудная отрасль Кумтор, предвыборная кампания и т.д.). Тем самым в стране росла тенденция недоверия к властям, ставившая под сомнение все начинания, перечеркивающая прогрессивные стороны проводимых демократических преобразований. Недовольство проявлялось на уровне парламентариев, придающих широкой огласке негативные последствия деятельности государственных властей, порождая массовые протесты среди населения.

В то же время немаловажную роль играл фактор реального бытования в киргизском обществе антизападных настроений различных социально-политических сил, стремившихся всемерно усилить свое положение на общественно-политическом Олимпе Киргизстана. Несомненно, дееспособность советских традиционных принципов и норм поведения, не утративших свою значимость в жизнедеятельности народа, усиливала ориентированность немалочисленного населения страны на Россию, что является естественным процессом. В данном контексте пребывание Киргизстана в политической, экономической и социально-культурной орбите интересов России на протяжении последних 200 лет имело немаловажное значение.

Первоочередные, поэтапно реализуемые задачи руководства нового киргизского государства переходного периода подразумевали конкретную цель — открытость внешнему миру. В то же время создание истинно демократического государства и институтов власти, определение главной стратегической линии государства в целом отразились на ориентированности на Запад. Прозападный

внешнеполитический курс Киргизстана получил поддержку со стороны мирового сообщества в лице многосторонних организаций, правительств развитых стран, многочисленных неправительственных организаций и фондов. Киргизстан не случайно стал пилотной страной для очень многих международных проектов, направленных на отыскание новаторских методов решения проблем развития.

Поспешность начатых социально-экономических реформ привела к кризисному состоянию киргизского общества и его внутренней стратификационной противоречивости. Противоречия касались самого процесса слияния традиционного (стереотипно-коллективистского) и инновационного (индивидуалистического) факторов идентичности в общественном развитии. Несоответствие ментального, стереотипного уровня массового сознания инновационным факторам осуществляемых преобразований затрудняло внедрение рыночных форм отношений, приведшее к небезболезненной ломке жизненных устоев и кризису духовного состояния общества. Прозападные формы глобализации предусматривали унификацию национально-культурной самобытности киргизского народа, способствуя разрушению основополагающих духовных ценностей. Широкая пропаганда культа потребления и цинизма, стандартизация индивидуалистических интересов и ценностей вопреки доминирующим общественным способствовали существенному духовному опустошению. Совершенная неприемлемость западных морально-этических стандартов породила проблемы неадекватного их восприятия народом. Несоответствие многих навязываемых сторон прозападной модели восточной ментальности человека не могло не сказаться на угрожающей тенденции массового противостояния и общественной дестабилизации.

Отсутствие единой консолидирующей идеи, способной контролировать и направлять людей к прогрессивной деятельности и государственному укреплению, отражало уровень духовного кризиса общества. Уровень духовности показывал характер межличностных отношений, отличающийся как позитивными, так и негативными факторами морально-этического поведения людей. Часть наиболее активных, амбициозных и креативных личностей стремилась найти эффективные способы возрождения духовности общества, другая часть преследовала собственно прагматические цели. Заручившись определенной поддержкой народа, они стали образовывать политические партии и общественные организации. Большинство новообразованных партий имело трайбалистские

истоки, и их деятельность сводилась к обеспечению политического имиджа клана популистскими, ура-патриотическими методами. В Стратегии развития страны на 2007–2010 гг. подчеркивалось, что распространение трайбализма и регионализма наносило непоправимый вред жизни общества. Программы политических партий и движений несущественно отличались по своему содержанию и направленности. Преследовавшая разносторонние цели и интересы деятельность партий, амбиции одиозных лидеров не способствовали возможному их объединению и консолидированности. Тем не менее духовный разлад может и должен завершиться, когда интеллигенция и политический истеблишмент переболеют неминуемой болезнью «юношеского самоутверждения» и переоценки собственных достоинств. Прогрессивное будущее Киргизстана будет зависеть не только от экономического фактора, но и от тех усилий, которые способны сформировать элитные группы в направлении трансформации политических режимов и перестройки социальных процессов.

В процессе практической реализации задач постепенно усилилась полемика по поводу хода преобразований, реальных перспектив и оптимальных путей государственного развития. Отсутствие действенных механизмов противостояния иному, не тождественному прозападному явлению, не позволяло регулировать массовое поведение населения, углубив разноуровневое проявление степени «урбанизированности» среды. Усилившаяся миграция сельского населения в города способствовала неоднородной «урбанизированности» населения, сказавшейся в резком увеличении социально негативных фактов (преступность, проституция, аморальность, наркомания, алкоголизм и т.д.). Известный российский социолог М.К. Горшков отмечал: «“Недоформированность” городской культуры сопровождается у большинства населения страны быстрым разложением традиционной сельской культуры и интенсивной маргинализацией значительной части жителей сел и деревень».

Маргинализация населения отразилась на особенностях поведения представителей верхнего эшелона власти, которые проявились в деятельности отдельных лиц и групп, в основном выходцев из сельских окраин страны. В частности, открывшиеся перед страной возможности выбора собственного альтернативного, прогрессивного пути развития оказались в центре внимания и у киргизского политического истеблишмента. Однако такая возможность появилась у многих из них как ведение своеобразной

псевдodemократической политической игры с использованием маргинальной массы. Поэтому борьба новообразованных партий, сообществ и группировок, преследовавших различные корпоративные, прагматичные и иные цели и интересы, постепенно усилилась, подтверждая высказывание Алексиса де Токвиля, что «партии – это зло, свойственное демократическому правлению». В главном вопросе выбора путей прогрессивного будущего Киргизстана возникли противоречия, порой антагонистические, которые привели к дальнейшим несогласованным действиям групп, партий.

Первый президент Киргизстана А. Акаев к 2003 г. не раз отмечал, что в республике действуют около 30 политических партий, но большинство из них не отражает преобладающих в обществе политических настроений. Противоречивость, подверженная кризису и некоему «вирусу борьбы», не позволяла проводить прогрессивные перемены, когда борьба стала доминировать над согласием, способствуя проникновению социального негатива во все сферы жизнедеятельности. Тем самым создававшаяся непростая социально-политическая обстановка поставила под угрозу фактор идентичности не только в масштабе политического истеблишмента, этноса, но и целого народа Киргизстана. Исходя из данных фактов, уместно обратиться к высказыванию российского исследователя В. Добренкова, подчеркнувшего, что в начале XXI в. перед человечеством встали серьезные вопросы: «Куда мы идем?», «Что нас ждет впереди?», «Выживем ли мы?». Анализируя нынешнюю ситуацию во всех сферах человеческой жизнедеятельности,

он утверждает особую ее критичность: «Над планетой нависло множество угроз. В результате растут отчаяние и пессимизм».

В силу разноректорности внешних и внутренних причин, неординарной, достаточно нервной и противоречивой обстановки поиск дальнейшего, наиболее приемлемого пути развития Киргизстана представлялся задачей архисложной. Определение собственных приоритетов на основе выявления главного направления его ориентации, правильного курса в существующей дихотомии «Запад–Восток» стало предметом нескончаемого ожесточенного спора и дискуссий. Основным критерием полемических настроений выступали вопросы выбора традиционно-культурного, цивилизационного или иного пути развития. Существование разнополярных идей и предложений подчеркивало наличие в киргизском обществе немалочисленных социально-политических групп и объ-

единений, имеющих свое видение по поводу будущего страны. Некоторые вооруженные определенной прозападной идеей (навязываемой извне) и материальной поддержкой разнородные группы и объединения выдвигали свои планы осуществления реформ.

В то же время, в противовес прозападному влиянию, усилились радикальные идейные соображения со стороны отдельных групп, предлагавшие искоренение светских форм государственного устройства. А также набирали обороты националистские идейные вдохновители, выдвигавшие идею этнической обособленности киргизов. Несогласованные действия разноликого политического истеблишмента, отсутствие основной стратегической линии государства поставили республику в сложное положение. Истеблишмент использовал большие собственные возможности в приватизационном процессе, что привело к разграблению государственного имущества. Это способствовало усложнению процесса взаимодействия аппарата управления и общества, падению нравственности, большему проявлению человеческой бездуховности, ставшим факторами последующей нелегкой судьбы народа. Деморализация общественного сознания, исходящая из потребительской, варварской, индивидуалистической мотивационной установки, становилась тенденциозным фактором, угрожающим идентичности.

*«Диалог культур в условиях глобализации.
XII Международные Лихачёвские научные чтения»,
СПб., 2012 г., с. 259–262.*

Л. Манякин,
политолог

КОМПЛЕКСНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ XXI в.

Центральная Азия (ЦА) как региональное пространство издавна привлекала различных международных акторов в той или иной степени, которая развивалась в связи с уровнем вовлеченности в дела региона игроков и непосредственно зависела от потребностей, интересов, а затем и целей определенного субъекта международных отношений. К этому комплексному переплетению интересов различных игроков международной арены в определенные промежутки времени добавлялись действия Центрально-Азиатского региона (ЦАР) как актора международных отношений и его

составных частей как самостоятельных субъектов международного права с использованием тех средств, которые вели бы к удовлетворению потребностей.

В отличие от каких-то европейских, азиатских или других игроков Россия всегда имела географическую близость с регионом, а по мнению некоторых исследователей и международных институтов, часть ее территории является сегментом Центральной Азии. Но как бы то ни было, мнение теоретиков по этому вопросу было не сильно важно для центра принятия решений, будь то Российской империи, или Советского Союза, или Российской Федерации. Начиная с Нового времени, Россия, независимо от желаний ее руководителей, всегда была вовлечена в дела региона и при этом, как любой другой актер, имела свои особенные объективные потребности развития, связанные с Центральной Азией. Эта политика принимала разные формы и содержание, носила разные названия в различных историографиях (например, «Большая игра», колонизация, командно-административная система, «Новая Большая игра» и другие), но ясно одно, что интерес к региону у России сохраняется до сих пор и имеет значительный вес по сравнению с заинтересованностью других акторов. А в силу того обстоятельства, что в последнее время все больше исследователей уделяют внимание изучению Центральной Азии, следует особо отметить тот факт, что на протяжении длительного времени этот интерес России имеет форму целого комплекса.

Чтобы не допустить подмены понятий и семантической путаницы в данном региональном исследовании, нужно дать определения основным элементам затрагиваемой подсистемы международных отношений. По мнению автора и множества других ученых, занимающихся проблемами современной системы международных отношений, регион Центральной Азии включает в себя пять республик, входивших раньше в состав СССР и составлявших два экономических района огромной страны (Среднеазиатский и Казахстанский): Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Также следует заметить, что понятия «Центральная Азия» и «Центрально-Азиатский регион» часто считаются синонимами и тождественными в регионоведческом плане. Хотя вокруг трактовки данных понятий не утихает спор в различных исследовательских школах и сегодня.

Осознание своих желаний, необходимости получения и достижения определенной выгоды, вызовов реальности рождает у актора международных отношений интересы, под которыми в дан-

ном исследовании понимается субъективная форма выражения потребностей. По мнению специалиста по безопасности А.Б. Логунова, удовлетворение конкретной потребности, сформулированной как интерес, предполагает использование некоторых средств, наиболее удобных для достижения результата, определенных методов (способов или технологий) применения этих средств и наличие условий, при которых можно воспользоваться первыми двумя компонентами триады для движения к цели. Все элементы выше указанной структуры приводят к результату, который достигается посредством работы определенных акторов исполнительных лиц, органов и целых систем. А под понятием «комплексный интерес» в данной работе понимается целая группа обособленных видов заинтересованности, которая движет субъектом как единое целое, в которой порой стираются границы между различными типами стремлений, но и при этом она выступает как совокупность отдельных процессов, присущих элементам подобной системы.

Данная работа концентрируется на начале XXI в., т.е. на одной из самых динамичных эпох истории; кроме того, по мнению одних исследователей, мир стал однополярным впервые со времен Римской империи, а другие считают, что он хранит в себе множество полюсов и центров силы. Как бы то ни было, и в той, и в другой концепции Российская Федерация занимает свое место мировой державы. При этом, даже если взять для сравнения промежуток времени с момента распада Советского Союза и до наших дней, можно заметить определенное ускорение развития и новое качество функционирования всей системы международных отношений в начале XXI в. и особенно после событий 11 сентября 2001 г. Несмотря на то что эта система всегда обладала такими характеристиками, как противоречивость тенденций и неоднозначность событий, именно в нынешний период ее эволюции, по мнению ряда представителей научного мира, в том числе востоковеда А.М. Хазанова, ее главной отличительной чертой является переход в качественно новое, по сравнению с недавним прошлым, состояние.

Поэтому исследование интересов России на данном этапе в регионе, к характеристике которого в различных школах и направлениях подходят столь неоднозначно (от «черной дыры» до одного из самых перспективных регионов мира), очень важно проводить, учитывая такие моменты, как заранее заданные преимущества некоторых субъектов, просыпающуюся и приходящую в актив-

ность заинтересованность ранее не участвовавших в геополитической схватке игроков и, конечно, оживление и борьбу за свое место на международной арене самих стран Центральной Азии, действующих как вместе, так и разобщенно. Кроме подобных субъект-субъектных связей ситуация в регионе обостряется множеством внутренних и внешних факторов; в результате, как РФ, так и центральноазиатские страны заинтересованы в том, чтобы не допустить на современном этапе возникновения нового очага напряженности, или «второго Афганистана», в регионе, особенно ввиду внешней политики некоторых акторов после терактов 2001 г. в США, трансформации и модификации некоторых элементов международных отношений, событий в Киргизстане, а также волны недовольства, захлестнувшей мир в 2011 г. и приведшей к неожиданным результатам в некоторых странах мира.

В XXI в. у России в развитии отношений со странами региона строится индивидуальная политика с каждой из стран, но при этом, несмотря на различия, эти векторы сводятся к общему знаменателю, который выражается в определенных одинаковых подходах ко всей системе Центральной Азии. Здесь следует отметить мнение ведущего научного сотрудника ИДВ РАН А.Ф. Клименко, которое заключается в том, что «приоритет внешней политики РФ – это СНГ, а дальше приоритеты размыты: Европа, Соединенные Штаты, Китай, Индия». России же в свою очередь было бы удобней вести дела по другим направлениям, не только имея прочные связи с республиками региона, подорванные распадом единого геополитического пространства в 1991 г., но и рассматривая их как свой тыл, а не балласт, что имело место в некоторых кругах высшего руководства во времена существования Советского Союза. Кроме закономерного воздействия внутренних и внешних новых вызовов безопасности Центральной Азии и самой России, надо отметить два момента. Во-первых, вовлеченность и участие в делах региона на протяжении долгого времени являются одними из причин наличия именно комплекса интересов; одной из главных его характеристик в начале XXI в. является преемственность и в то же время постоянная необходимость в модификации и обновлении приоритетов. Во-вторых, следует отметить также тот факт, что многие отдельные устремления и развитие некоторых отраслей сотрудничества, которые также являются неотъемлемой частью комплексного, системного подхода России к региону, получили огромный импульс в силу того, что эти ниши могли быть заняты кем-то другим при образовании подобных возможностей

после распада биполярной системы, что, по мнению некоторых исследователей, и произошло в отдельных случаях, пока подбиралось руководство к действию и строились стратегии по отношению к новообразованным странам. Следует также отметить тот факт, что, руководствуясь одной из классификаций развития центральноазиатского вектора российской внешней политики в постсоветский период, данное исследование рассматривает третий и четвертый этапы, описанные в ней, т.е. правление В.В. Путина с 2000 г., а затем Д.А. Медведева с 2008 г. соответственно.

Также следует дать характеристику состоянию пересечения интересов различных акторов в регионе, в котором РФ пытается реализовать свои устремления. Центрально-Азиатский регион, пронизанный линиями конфликтов между этносами, религиями, административными конструкциями, кланами и группировками, элитами, различного рода движениями, можно назвать «котлом», который при перегревании легко взрывается. При этом следует отметить, что эти проблемы закладывались, а самое главное, появлялись на повестке дня не в одно время все сразу в связи с провозглашением гласности, распадом СССР или еще с каким-либо событием или явлением. Это был долгий процесс формирования своеобразной региональной картины. Вдобавок к этому, по мнению исследователя К.С. Гаджиева, можно охарактеризовать регион как центральноазиатский тюрко-мусульманский социокультурный и национально-историко-культурный ареал Востока. Кроме того, он отмечает, что если придерживаться мнения отдельных исследователей, что Россия – региональная держава, именно ЦАР в таком случае будет одним из актуальных направлений, где можно отстаивать этот статус.

У ЦАР есть и такая особенность, отмеченная В.А. Кондратьевым и З.Ш. Хамидовым: «Хотя временами центральноазиатские народы и подпадали под власть внешних завоевателей, однако в последующие годы и десятилетия диктующее действие внешнего фактора нейтрализовалось местным обществом». В продолжение можно отметить тот факт, что в XXI в. в регионе происходит переплетение и противоборство внешних интересов различного качества: во-первых, единственной сверхдержавы, мировых держав (РФ и КНР), региональных игроков (Иран, Турция, Индия, Пакистан); во-вторых, национальных государств, международных организаций (прежде всего, ЕС, ШОС, НАТО и ОДКБ) и органов неправительственного порядка (ТНК, МНПО, фундаменталистские организации); в-третьих, интересы подобных акторов

имеют разный вес и влияние на общество: от отдельных заинтересованностей до целого комплекса, от отдельной личности до государственных органов. При этом необходимо заметить, что у всех этих акторов свои концепции, стратегии, у некоторых свои геополитические традиции, порой взаимоисключающие друг друга. Так, если перенести одну из идей Ю.М. Лотмана на региональные исследования, то можно сказать, что в регионе наблюдается «всякое несовпадение между кодом говорящего и слушающего», отношения каких бы субъектов не были бы взяты в пример.

Комплекс интересов Российской Федерации в ЦАР заключается в выражении таких потребностей, как: экономические, политические, энергетические, гуманитарные, геополитические, стратегические блок интересов безопасности, экологические, транспортные, водопользование, этнодемографические интеграционные, инвестиционные, борьба с тремя (терроризм, сепаратизм и экстремизм), а согласно некоторым исследователям, с «четырьмя злами» (к вышеуказанным добавляется наркотрафик).

Следует немного разъяснить данные понятия и их взаимодействие в качестве элементов системы комплекса. Так, инвестиционные, интеграционные, транспортные и интересы водопользования можно выделить и как отдельные переменные, и как составные части таких узловых блоков, как экономические, энергетические интересы и обеспечение безопасности. В свою очередь интеграционный блок является одним из самых разрабатываемых направлений и не уступает по своей глубине и широте экономическим интересам, но при этом идеи интеграции можно заметить в каждом из вышеприведенных устремлений.

Многие исследователи отождествляют стратегические интересы с геостратегическими, но в данной работе исследуются именно стратегические, которые напрямую взаимодействуют с геополитическим блоком и определяются как долгосрочный план достижения конкретной, отдаленной во времени цели с участием военных исполнительных систем. А в политическом разделе, по мнению автора, следует упомянуть две главные компоненты, на которые направлено влияние РФ для достижения своей выгоды, а именно: политические системы и политические культуры государств Центральной Азии и региона в целом и социально-политическое развитие данных субъектов. Так называемые «четыре зла» могут быть включены в любой из видов интересов, но особенно в стратегический, этнодемографический пласт и блок обеспечения безопасности. Но им уделяется особое внимание ввиду

попыток урегулирования на самом высшем уровне, где в решении этого вопроса принимают участие не только РФ и республики ЦАР, но и Китай – имеется в виду подписание 15 июля 2001 г. Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Рассматривая само состояние безопасности, необходимо отметить, что под его обеспечением понимаются два уровня: национальный и региональный, которые накладываются друг на друга. Конечно, это деление интересов на выше упомянутые группы условно, и порой в теории не видно границ между ними, а на практике деятельность исполнительных систем, направленная на достижение целей по удовлетворению одних видов потребностей, перетекает или затрагивает другой. При этом какие-то интересы выражаются только по отношению к одному государству, некоторые к определенной группе республик, а некие по отношению только ко всему региону. Здесь не может идти речи об отождествлении этих видов интересов, но все эти формы выражения своих потребностей касаются в той или иной степени всей Центральной Азии.

Стоит привести такой факт: только Казахстан имеет границу с РФ, и именно через него осуществляется коммуникация с остальной частью Центральной Азии. Это обстоятельство не раз приводилось в исследованиях различных направлений для подтверждения тезиса о том, что республика служила «зонтиком» сначала от имперского, потом от советского, а затем и российского влияния, что настоящую независимость получили все страны ЦАР кроме Казахстана, и т.д. По мнению ведущего научного сотрудника ИДВ РАН А.Ф. Клименко, «Центральная Азия – это Казахстан, прежде всего», а наличие такой сложной системы выражения своих запросов и структуры ее реализации обусловлено геополитическими устремлениями, направленными на «...восстановление на новых принципах какого-то государственного образования: или на федеративных принципах, или на конфедеративных, но восстановление..., потому что сейчас, прежде всего, играет роль экономический и военно-политический потенциал» А отмечая другую сторону вопроса, можно привести слова бессменного идеолога Демократической партии США З.К. Бжезинского, высказанные им в одной из работ: «Узбекистан... представляет главную помеху в любом виде обновленного российского контроля над регионом. Его независимость необходима для выживания других центральноазиатских государств, и он меньше всех восприимчив к российскому давлению».

Также следует отметить, что интенсивность давления на регион и вовлеченность варьировались при реализации интересов РФ в зависимости от укрепления или ослабления позиций российской державы в Центральной Азии. Так, сравнивая позиции РФ и США. исследователь ЦАР А.А. Казанцев пишет, что в постсоветский период в 1991–1994, 1999–2001, 2004–2008 гг. в регионе усиливалось влияние России, а 1995–1998, 2001–2003 гг. – США. Данное утверждение говорит об адекватной форме выражения и реализации Россией своих интересов в некоторые промежутки времени; а в связи с укреплением позиций РФ, учитывая волнообразную смену влияния в ЦАР, можно сделать вывод, что в определенных случаях имело место применение отлаженного алгоритма действий, ослабление и усиление модернизации различного рода систем и изменение качества разработки методов для достижения поставленных целей. Теперь необходимо непосредственно дать характеристику хотя бы основным (в силу обширности предмета исследования), по мнению автора, компонентам, определяющим комплексный подход РФ к Центрально-Азиатскому региону в начале XXI в. Одним из важнейших интересов является актуальное сегодня направление российской внешней политики – обеспечение различных видов безопасности.

По мнению казахстанского ученого К.Л. Сыроежкина, террористические атаки 11 сентября 2001 г. положили начало не только новому периоду в мировой политике, но также и новой фазе в конкуренции за политическое доминирование в Центральной Азии. Самое главное, по его мнению, состоит в том, что еще рано подводить итоги, что обусловлено тревогой не только в регионе, но и в РФ и КНР, в связи с будущим выводом коалиционных войск из Афганистана. Эти аспекты, естественно, накладывают отпечаток на действия России в регионе; также при формировании и реализации интересов РФ в этом блоке учитываются и следующие моменты.

Во-первых, Центральную Азию окружает ряд ядерных государств – сама Россия, Китай, Индия и Пакистан, а также Иран со своей ядерной программой. При этом страны региона на основе ранее принятых документов подписали 8 сентября 2006 г. в Семипалатинске (в 2007 г. переименован в Семей) Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии.

Во-вторых, на Востоке рубежи Центральной Азии граничат с нестабильным Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР (СУАР), на юге – с Афганистаном и Ираном; недалеко располага-

ются Пакистан и Индия, которые совсем недавно вели между собой войны, но в отличие от Израиля и арабских стран они обладают другим весом в международной политике, а также ядерным оружием.

Все страны региона и пограничные с ними государства в той или иной степени также охвачены проблемами «четырёх зол», о борьбе с которыми, как и об интеграционных проектах обеспечения коллективной безопасности, будет сказано дальше. Но сразу стоит отметить позитивный факт: к руководителям и влиятельным кругам мировых и региональных держав Евразии уже пришло осознание того, что ни одна страна мира не сможет в одиночку что-либо предпринять против этих зол; и радует стремление государств, в том числе и РФ, решать эти проблемы на надгосударственном уровне в рамках таких институтов, как ШОС и ОДКБ.

Следует также остановить внимание на таком вызове безопасности, как вопрос демаркации границ. Как пример можно привести следующие данные, показывающие остроту проблемы: на всем протяжении узбекско-киргизской границы (около 1300 км) существует от 70 до 100 спорных участков. Вдобавок наравне со спорными пограничными территориями нужно упомянуть и проблему анклавов государств ЦАР (Сох, Шахимардан, Ворух), а самое главное – качество национально-территориального размежевания 1924–1925 гг., которое до сих пор является недостаточно изученной проблемой, хотя именно в нем в определенной степени заложен конфликтогенный потенциал региона, реализующийся и в начале XXI в.

Необходимо отметить и проблему водопользования в рамках обеспечения безопасности. Так, исследователи региона К.П. Боришполец и А.Я. Бабаджанов отмечают: «Центральноазиатский “водный вопрос” имеет и российскую проекцию. С одной стороны, речь идет о стабильности большого сопредельного региона, а с другой – о рисках сокращения объемов поверхностных вод, поступающих на территорию Российской Федерации, а также рисках, связанных с принятием “авральные” планов или реанимацией

устаревших». Помимо этих проблемных узлов разрешение некоторых проблем обостряется недостаточной действенностью региональных систем безопасности и общих механизмов противодействия и дополняется отсутствием единого концепта у государств Центральной Азии в этой области. При этом государства не ценят

друг друга как ключевых партнеров, а настроены на многовекторность внешней политики и в XXI в.

Стоит добавить: если коллективная безопасность все-таки основывается в регионе на документах и институтах (ОДКБ, СНГ, ШОС), то консенсус по этому вопросу в умах людей и правящих элит пока еще не достигнут в ЦА, и Россия непременно заинтересована в наличии общих концепций, и подходов во всех странах. Хотя сегодня больше всего говорят о новых, нетрадиционных вызовах безопасности в регионе, таких, как “четыре зла”, торговля людьми, оружием, контрабанда, международная организованная преступность и др., следует отметить, что России, как и республикам ЦА, особенно с 11 сентября 2001 г., важнее сдерживание традиционных угроз при реализации своих интересов в области обеспечения безопасности.

Давая характеристику геополитическим интересам России, следует отметить, что Центральная Азия в рамках сегодняшней мировой динамики занимает удачное положение между Россией, Китаем и Средним Востоком, при этом имея на западе границу, представленную Каспийским морем. Представители различных исследовательских направлений ведут спор о совпадении границ ЦА с маккиндеровским хартлендом и называют геополитическую игру в регионе после распада СССР не иначе, как «схваткой за хартленд».

При этом следует отметить такой факт – регион является не только связующим звеном Севера и Юга, Запада и Востока, но и его разделителем. Известное значение имеет то обстоятельство, что России принадлежит ключевая роль в обеспечении и поддержании стабильности на большей части постсоветского пространства в новом тысячелетии, когда произошло более качественное оформление приоритетов и центров приложения геополитической силы в сравнении с 1990-ми годами. Также необходимо помнить, что, как бы то ни было, Россия исторически имеет больше возможностей для маневра при реализации своих геополитических интересов в данной части Евразии. При борьбе за геополитическое лидерство немаловажен и тот факт, что после распада Советского Союза конкуренты РФ приходили в регион с различными целями и в разное время. При этом направления приложения силы у игроков разнились. Так, если Китай имеет прежде всего экономический интерес в борьбе за геополитическое пространство и пытается даже ШОС рассматривать как инструмент для сбыта своих товаров, то США еще при существовании СССР устремили свое внимание

на Казахстан как на будущего обладателя ядерного оружия. Интересен тот факт, что при вводе войск в Афганистан США опасались «эффекта домино» в Центральной Азии. Сейчас же, спустя 10 лет и ввиду будущего вывода войск, Россия, прежде всего, заинтересована в недопущении этого эффекта в регионе, особенно учитывая столь нестабильную обстановку в Киргизстане и события так называемой «арабской весны» с их непредсказуемыми последствиями. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что в геополитическом плане Москва реализует своеобразную «доктрину Монро» на территориях бывшего Советского Союза, включая Центральную Азию.

Что касается стратегических интересов, тесно переплетающихся с геополитикой, то главной структурообразующей компонентой в отношениях РФ–ЦАР является тандем России и Казахстана. Так реализуются различные космические программы: спутники «KazSat», аренда космодрома Байконур, участие России в развитии нового космодрома «Байтерек». Приоритетным для Казахстана является и военно-техническое сотрудничество с РФ. Важнейшим достижением двух стран в стратегической области считается подписание Н.А. Назарбаевым и В.В. Путиным Договора между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о казахстанско-российской государственной границе 18 января 2005 г. в Москве. Кроме того, на территории Казахстана базируются российские военные объекты: например, Отдельный полк транспортной авиации ВВС РФ в Костанаве, Отдельный радиотехнический узел Космических войск на Сары-Шаганском полигоне, а сам полигон арендован Министерством обороны России. В апреле 2006 г. были изменены и дополнены документы, определяющие порядок использования российских военных объектов на территории Казахстана. Также тандем выступает единым фронтом в вопросе делимитации Каспийского моря, который затрагивает устремления Ирана.

В Киргизстане размещены военно-воздушная база ВВС РФ (Кант), испытательная база противолодочного торпедного оружия (Каракол, Иссык-Куль), пункт дальней связи с подводными лодками, находящимися на боевом дежурстве (станция «Прометей»), сейсмическая станция (работает в интересах Ракетных войск стратегического назначения). А в сентябре 2003 г. Россия заключила договор с Киргизстаном о размещении в Канте авиационного подразделения в рамках Коллективных сил быстрого развертывания ОДКБ.

В свою очередь, Таджикистан особо важен для РФ стратегически; географически – это «периферия периферии» (как воспринимали эту территорию во времена Российской империи), которая вдобавок граничит с Афганистаном. Следует отметить, что нынешняя ситуация очень схожа с временами афганской войны 1979–1989 гг., когда в геополитической борьбе именно через Таджикскую ССР пытались «взломать» Советский Союз; это контур самой Центральной Азии. В Таджикистане располагаются: оптико-электронный узел системы контроля космического пространства «Нурек», 201-я мотострелковая дивизия (Душанбе, Курган-Тюбе, Куляб). В Узбекистане с 2006 г. российские войска начали использовать базу Карши-Ханабад для оперативного наращивания и развертывания вооруженных сил в связи с возвращением республики в ОДКБ. Меньше всего интересы в стратегической сфере реализуются в Туркменистане, даже после смены режима С.А. Ниязова. Можно сказать, что РФ довольно успешно ставит перед собой и реализует стратегические интересы в регионе, что выражается в отсутствии крупных вооруженных конфликтов, плодотворном сотрудничестве военных ведомств стран и, самое главное, в удержании геополитической мощи на данной постсоветской территории.

Энергетические ресурсы региона являются самым «лакомым кусочком» влияния в ЦА, особенно для игроков из дальнего зарубежья (США, Япония, некоторые страны ЕС) и тех субъектов, которые пытаются диверсифицировать свою географию поставок природных богатств (прежде всего, КНР и отчасти Европа). И хоть энергетические интересы входят в огромный блок экономических устремлений акторов международных отношений (самое главное направление сотрудничества США с регионом, по мнению некоторых исследователей), когда-то ресурсы были всего лишь одним из элементов единого народного хозяйства СССР. Следует отметить такой факт: даже несмотря на геополитический коллапс 1991 г. и сокращение тогда связей между центром и периферией, в современном состоянии «их разрыв крайне негативно сказался бы на будущем...». Давая характеристику энергетическим интересам РФ, следует опять отметить особую связь России с Казахстаном не только в силу наличия обширного рынка ресурсов в республике, но и из-за масштаба структурно-технологической зависимости многих отраслей двух стран.

Что касается торговли углеводородами между Россией и Центральной Азией, то она осуществляется в основном между Россией, с одной стороны, и Казахстаном, Туркменистаном, Узбе-

кистаном – с другой. Углеводородный экспорт Казахстана в Россию представлен главным образом поставками нефти, а Туркменистана и Узбекистана в Россию – поставками природного газа. Углеводородный экспорт России осуществляется в основном в Казахстан и Узбекистан, и он представлен поставками нефти. По итогам 2007 г. общий объем российских инвестиций в нефтегазовые отрасли стран региона составил от 4 до 5,2 млрд. долл. (такой разрыв в точности расчетных данных говорит о субъективности многих документов, различии сведений в источниках, а иногда просто об отсутствии информации по каким-либо проектам), причем в Казахстане сосредоточено от 3,4 до 4,1 млрд. долл. всех вложений, а в Узбекистане от 0,5 до 1 млрд. долл.. В Казахстане активно реализуют проекты такие российские компании, как ОАО «Газпром», ОАО «Лукойл» и ОАО «Национальная компания «Роснефть». Среди трубопроводных проектов, что уже касается и транспортных интересов, стоит упомянуть такие крупные объекты, как нефтепровод «Узень–Атырау–Самара», нефтепровод «Тенгиз–Новороссийск» Каспийского трубопроводного консорциума. При этом доля России как акционера КТК равна 31%, а Казахстана 20,75%: остальная часть приходится на иностранных субъектов. Также необходимо отметить такой вид реализации своих интересов в начале XXI в., как транзит узбекского и туркменского газа через РК по трубопроводам «Средняя Азия–Центр», «Бухара–Урал», а российского – по «Оренбург–Новопсков» и «Союз». В Туркменистане свою деятельность ведут такие крупные компании, как ОАО «Газпром» и Международная группа компаний «ИТЕРА»; активность России охватывает в основном сферу транспортировки газа. Что касается Узбекистана, то в республике можно отметить усилия ОАО «Газпром» и ОАО «Лукойл». Также реализуется сотрудничество по транспортировке туркменского газа через территорию Узбекистана посредством сотрудничества ОАО «Газпром» и АК «Узтрансгаз»: например, соглашение между ОАО «Газпром» и АК «Узтрансгаз» по транзиту туркменского газа на период 2006–2010 гг., заключенное в 2005 г. В Таджикистане и Киргизстане, где отсутствуют промышленные запасы нефти и газа, свои проекты реализует только ОАО «Газпром». Что касается прогноза по поводу российских проектов в Центральной Азии, то в ближайшее время можно ожидать рост показателей нефтегазовой торговли и транзита.

Особенно стоит упомянуть ситуацию в Каспийском субрегионе, так как здесь энергетические интересы РФ сталкиваются не

только с внешними игроками, но и с проблемой неурегулированности статуса Каспийского моря. Здесь существует множество проектов пяти государств, выходящих к Каспию, но России, как и другим акторам, приходится кооперировать свои усилия в различных разработках по урегулированию, создавать своеобразные коалиции, которые не могут договориться; имеет место дублирование выражения своих интересов. При этом в нефтяной и газовой сферах Россия усматривает двоякий интерес: во-первых, прикаспийские страны видятся конкурентами на внешних рынках; во-вторых, РФ стремится компенсировать свои неудачи в попытках договориться со странами субрегиона посредством транзита через свою территорию их нефтепродуктов. Кроме того, обостряет ситуацию отсутствие точных данных по залежам углеводородного сырья: например, можно привести сведения ОПЕК начала нынешнего столетия – нефтяные запасы превышают 23 млрд. т, а если сложить цифры, предоставляемые четырьмя государствами кроме РФ, то эта сумма варьирует от 9,5 до 32 млрд. т. При такой противоречивой ситуации интересы РФ вдобавок сталкиваются с мнением Запада, что августовское вторжение 2008 г. России в Грузию было прямой угрозой не только целостности этой страны, но, самое главное, и западным проектам транспортировки энергоресурсов из зоны Каспийского моря и Центральной Азии. На Западе даже начинают рассматривать РФ скорее не как партнера по обеспечению энергобезопасности, а как фактор возрастающей угрозы для последней.

Как вывод по данному разделу, можно отметить, что Россия в отличие от своих конкурентов в регионе имеет прекрасную возможность реализовывать свои энергетические интересы в таких направлениях: объединение государственных усилий Российской Федерации и стран Центральной Азии в целях максимально эффективного использования совокупного энергетического потенциала на основе более глубокой интеграции; развитие проектов по переработке углеводородов; строительство и использование местного топлива для АЭС; научно-аналитическое сотрудничество. При этом интеграционные проекты могут строиться на основе других перечисленных направлений. Особое внимание стоит уделить вектору разработки и переработки урановых руд, которыми богат регион. Хотя это довольно опасный вид энергии и очевидно недовольство населения ЦА касательно использования подобного типа энергии ввиду недавней аварии на Фукусимской АЭС и памяти в регионе о трагических событиях на Чернобыльской АЭС, Рос-

сия могла бы удачной разработкой подобного проекта снять напряженность в регионе, связанную с гидроэнергетическим конфликтом. Более того, даже передовым странам региона, как и самой РФ, не помешала бы выработка энергии посредством использования подобного вида топлива.

Одним из приоритетных направлений не только в теории, но и на практике, а также великолепным средством реализации в той или иной степени любого вида интересов являются интеграционные процессы. Чтобы дать характеристику данному направлению российской внешней политики, следует исходить из двух моментов: эффективности и успешности того или иного объединения; степени вовлеченности республик ЦА в некоторую организацию и возможности прихода к консенсусу РФ и правящей верхушки при решении определенных вопросов. Сразу стоит оговориться, что любая организация является средством субъекта для достижения своих целей, а иначе его участие в ней не имеет практического смысла. При этом цель деятельности любого интеграционного объединения носит экономический характер; даже если организация создана для обеспечения коллективной безопасности, конечный ожидаемый результат, достигаемый посредством более или менее долгого по времени и сложного по усилиям алгоритма действий, – рост экономических показателей и благосостояния в определенном национальном государстве.

Исходя из этих соображений, можно говорить о неэффективности работы СНГ; уместно привести слова известного американиста А.И. Уткина о «сумбуре в умах устроителей Содружества Независимых Государств», который тогда вызвал шок даже у американцев. Тем более что за почти 20 лет своего существования СНГ не проявило себя ни как обновленный вариант СССР, ни даже как успешное интеграционное объединение. Вдобавок, многие организации региона начинают дублировать друг друга, что осложняет процесс интеграции и реализации российских интересов в этой области. Следует уделить внимание реальной работе объединений, отражающих направление РФ–ЦА, которые были созданы после СНГ. Речь идет о наиболее перспективном ЕврАзЭС, учрежденном 10 октября 2000 г. в Астане, и позже созданном в рамках него 6 октября 2007 г. в Душанбе Таможенном союзе. Относительно его эффективности многие исследователи считают, что для лучших результатов нужно было остановиться на интеграции трех государств – Казахстана, России и Беларуси. А прием новых членов только привел к «размыву» организации и потере времени,

ведь все равно было создано ЕЭП только этих трех стран. С помощью этого проекта РФ смогла углубить возможности для выхода на рынки Казахстана и Беларуси, избавилась от технической модернизации своих границ с РК, продвинулась на еще одну ступень хоть в каком-то интеграционном объединении, которых великое множество с российским участием. Как выразился В.В. Путин, это стимул для национальных бюрократий, чтобы совершенствовать рыночные институты, административные процедуры, улучшать деловой и инвестиционный климат стран.

Вторым реально действующим интеграционным проектом, включающим РФ и Центральную Азию, является Шанхайская организация сотрудничества, созданная 15 июня 2001 г. на основе механизма «Шанхайской пятерки». Следует отметить, что подобное сотрудничество стран ЦА, России и Китая складывалось не сразу. Так, выступая 15 марта 2011 г. с лекцией на тему «Проблемы и перспективы деятельности ШОС на современном этапе» в Евразийском национальном университете имени Л.Н. Гумилёва в Астане, Генеральный секретарь ШОС М.С. Иманалиев, упомянул работу конца 1980-х годов еще советских дипломатов с китайскими коллегами по проблеме урегулирования пограничных вопросов двух стран, и добавил, что именно благодаря тем соглашениям так легко, если вспомнить все противоречия, заработал механизм «пятерки», а потом и организации. Так, ШОС была создана с убеждением, «что в условиях динамичного развития процессов политической многополярности, экономической и информационной глобализации в XXI в. перевод механизма «Шанхайской пятерки» на более высокий уровень сотрудничества будет способствовать более эффективному совместному использованию открывающихся возможностей и противостоянию новым вызовам и угрозам.

При этом цели и задачи, провозглашенные Декларацией о создании Шанхайской организации сотрудничества (15 июня 2001 г., Шанхай) и Хартией Шанхайской организации сотрудничества (7 июня 2002 г., Санкт-Петербург), имеют довольно широкий охват, который не ограничивается только борьбой с «тремя злами». Данное явление можно объяснить крайне редкой возможностью сотрудничества бывших постсоветских стран с КНР в рамках надгосударственного института такого типа, и скорее всего следует говорить об инструктирующем характере текста документов, в которых заметна множественность целей и задач. А наличие различных статусов, придаваемых желающим сотрудничать или вступить в организацию, объясняется желанием членов, прежде

всего России, не допустить аморфности объединения. Что касается успешности работы ШОС и степени вовлеченности в нес республик ЦА и России, результатом чего выступают консенсусные решения государств – членов организации, то можно долго говорить о «шанхайском духе», о предшествующем существованию организации советско-китайском сотрудничестве, об идее «трех президентов» и «трех непрезидентов» в рамках объединения, о разных весовых категориях стран.

В данном случае подходящим будет мнение А.Ф. Клименко, занимающегося проблемами ШОС в ИДВ РАН: «В ШОС первую скрипку играют китайцы... хотя китайцы говорят, что ведущие роли у России и Китая... Поэтому мы работаем над ЕврАзЭС, работаем над ОДКБ, это наши структуры». Как бы ни критиковали, ни писали о ШОС на Западе, она не является «второй НАТО». Под эту роль скорее подходит ОДКБ, и именно эта организация служит инструментом обеспечения коллективной безопасности в ЦА в интересах России и стран региона. ШОС же имеет масштаб и формат, охватывающий не только ЦАР (что можно доказать не только участием КНР, но и появлением своеобразного «ШОСовского пространства»), но и на деле реализующий другие программы наравне с обеспечением безопасности. Так, например, действует программа Университета ШОС, образованного в 2008 г. (направления: регионоведение, нанотехнологии, энергетика, экология, IT-технологии), что является также одним из проявлений реализации гуманитарных интересов России в ЦАР и наоборот. И если проводить параллель США–НАТО, то надо говорить о России–ОДКБ, ведь именно Организация Договора о коллективной безопасности была своеобразным преобразованием Вооруженных сил Советского Союза, что подтверждается и ее характером (например, бурные обсуждения вокруг вмешательства во внутренние дела Киргизстана в 2010 г., руководство которого надеялось на ОДКБ, а не на ШОС).

Рассмотрим теперь интересы РФ, направленные на борьбу с тремя злами, к которым добавляют и четвертое – наркотрафик.

Распад Советского Союза спровоцировал заполнение вакуума различного рода в регионе не только влиянием зарубежных игроков, но и потенциалом трансграничных угроз терроризма, сепаратизма и экстремизма. При этом порой происходит сращивание этих четырех зол в различных последовательностях. Все это вдобавок подогревается другими вызовами безопасности. Особое место занимает наркотрафик, так как из трех основных путей дос-

тавки наркотиков на Запад один проходит через Центральную Азию. По распространенному мнению по этой проблеме, «пропускная способность» Северного маршрута будет только расти. В отличие от западного и южного путей северный напрямую идет из ЦА в РФ.

Что касается других зол, если Вашингтон всегда был обеспокоен проблемами терроризма и исламского экстремизма, то Россия более активно начала занимать нишу сдерживания этих угроз в регионе после появления коалиционных войск в Афганистане. Кроме того, остро стоит вопрос о положении крупной русскоязычной диаспоры в регионе, которая пусть в небольшой степени, но несет в себе потенциал сепаратизма. Вмешательство России в противостояние с «четырьмя злами» также необходимо ввиду слабого государственного аппарата противодействия проистекающим от них рискам и вызовам в странах региона. Иногда происходит подмена понятий (например, в Узбекистане), и под видом кампании противодействия экстремизму происходит борьба с оппозиционными партиями.

Центром возрождения ислама после распада СССР стали Узбекистан и Таджикистан, но в силу ряда социально-политических условий и процессов развития силу приобрела негативная общемировая тенденция использования религии в экстремистских целях. Образованные движения, некоторые из которых признаны террористическими даже в США, преследуют в основном схожие цели: политическая система, основанная на построении халифата; шариатское право, при котором исполнение его норм имеет приоритет перед законодательной и исполнительной властями; очищение религии от «ереси». При этом даже наблюдается семантическое и понятийное расхождение в формулировках характеристики этих движений: так, например, «Хизб ут-Тахрир» в одно и то же время определяется, как исламская, исламистская, религиозно-экстремистская партия; при этом содержание ее деятельности не менялось от чьих-то дефиниций. В регионе при участии РФ выполняют свою деятельность несколько структур: Региональная антитеррористическая структура ЩОС (РАТС); совещания руководителей министерств и ведомств; ШОС, Антитеррористический центр СНГ (АТЦ), структурные подразделения ОДКБ. Но при этом только в 2004 г. в Казахстане зарегистрировано 182 факта распространения листовок экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир».

Следует помнить, что большинство группировок возникли в Ферганской долине, которая занимает 5% от территории ЦАР, но никто так и не решил проблем данного пространства, что проявилось в недавних событиях в Киргизстане, которые фактически развивались неуправляемо, без вмешательства государства, международных институтов. Но традиционные центры ислама и его суфистской ветви в регионе – Бухара, Самарканд, Хива, Туркестан – не затронуты столь сильно экстремизмом. На удивление, на фоне наркотрафика и экстремизма проявление терроризма и сепаратизма в более или менее классическом их виде не такое сильное, как можно предположить.

Даже несмотря на деятельность Исламского движения Узбекистана, «Хизб ут-Тахрир», движения «Товба» и других организаций, следует отметить, что в XXI в. Россия справляется со своей ролью своеобразного гаранта безопасности от этих зол в регионе, что важно как для ЦА, так и для нее самой. Это можно доказать редкими проявлениями терроризма за 20 лет в регионе, который граничит с Афганистаном, Ираном и СУАР (противоречивые события в Андижане, баткенские события 1999 г.). Можно упомянуть столкновения 2010 г. в Киргизстане, где, конечно, имели место элементы террора, но это события немного другого качества, даже если к ним причастны экстремистские группировки.

Что касается политических интересов РФ в регионе, то одной из главных проблем региона, как и самой России, являются низкие темпы сменяемости элит. Никто не имеет в виду, что такие руководители, как Н.А. Назарбаев или И.А. Каримов, плохо управляют своими странами, не обеспечивают безопасность в регионе. Просто России в скором времени придется столкнуться с проблемой поддержки старых или новых элит, а возможная смена внешнеполитических курсов республик может негативно сказаться на реализации интересов РФ в регионе.

Также остра такая проблема, которая может помешать России, как защита прав человека, пропагандируемая Западом; ведь очень сложно повлиять на построение консенсуса между правящей элитой и оппозицией, правозащитниками и властью в республиках, на построение демократических институтов без наличия авторитарных элементов. А факт, который обостряет данную ситуацию, заключается в том, что наличие этих элементов пророчит региону устами некоторых исследователей и представителей интеллигенции такие угрозы, как бомбардировки НАТО с целью смены правящих режимов.

А если затронуть реализацию российских интересов в гуманитарной сфере и влиянии на политические культуры государств, то следует отметить, что его облегчает довольно удачная ситуация не только в связи с наличием когда-то единого государственного образования. Реализация подобных интересов в регионе достигается посредством многочисленной русской диаспоры, с распространением российской культуры, через русский язык, которым пользуются многие этносы ЦАР. При этом на руку РФ в этом направлении играют глобализационные процессы: особенно следует отметить их влияние на Казахстан и Киргизстан в силу специфики их исторически кочевого менталитета. Ведь влияние на оседлые культуры региона даже при построении империи в XIX в. сталкивалось с большими проблемами по сравнению с модернизацией, проходившей в казахских и киргизских степях.

При этом стоит отметить такую интересную особенность: после распада СССР республики региона самостоятельно стали налаживать контакты с Западом; население региона, главным образом молодежь, и сегодня равняется не на Москву, а на Европу и Америку. Но влияние России как в гуманитарной сфере, так и в политической области, несмотря на, казалось бы, вестернизацию, имеет место. Пока в республиках разделяют ценности российской культуры, особенно ее политической составляющей, у РФ есть прекрасная возможность для маневра.

К вышеуказанному можно добавить, что республики ЦАР, несмотря на различную критику, защищены от потери национальной идентичности в XXI в. (по сравнению с Россией и Казахстаном Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан обладают большей прочностью традиций и религии, заложенной исторически оседлым образом жизни). И именно они выигрывают при использовании российских элементов культуры: так, находясь в глобализирующемся мире, они могут выбрать, как им отреагировать на то или иное явление внешней среды: как заложено их традицией, по-русски или по-западному.

В итоге можно сказать, что России необходимы постоянное совершенствование средств реализации как отдельных интересов, так и всего комплекса в регионе, модернизация исполнительных систем. И это нужно не только в силу какого-то ускоренного развития жизни и системы общественно-политических отношений, конкуренции с различными игроками на международной арене, но главным образом для того, чтобы сохранить хотя бы часть когда-то созданного, обеспечить экономическую, энергетическую и дру-

гие виды безопасности и отсутствие угроз и вызовов, прежде всего, самому институту национального государства России и его населению. Приоритетным направлением реализации комплекса интересов в начале XXI в. был Казахстан, чего можно ожидать и в последующем. Главными источниками нестабильности в регионе и угрозами выражению потребностей РФ стали Узбекистан и Киргизстан. При этом если в Узбекистан происходит экспорт нестабильности, то в Киргизстане хватает и внутренних процессов развития общества для создания угроз.

Квинтэссенцией российских комплексных интересов в регионе все-таки остается обеспечение безопасности, особенно ввиду афганской угрозы и скорого вывода войск коалиции; развитие интеграционных проектов; сохранение хозяйственных и других связей со странами региона. Можно сделать прогноз динамики развития российских интересов в Центральном-Азиатском регионе: с учетом заявления о политической «рокировке» В.В. Путина и Д.А. Медведева ожидается улучшение качества постановки и реализации комплексных выражений потребностей России в ближайшем будущем.

«Интересы и позиции России в Азии и Африке в начале XXI века», М., 2011 г., с. 194–205.

Ю. Томилова,

востоковед

НОВАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

В 2009 г., с приходом Ахмета Давутоглу на пост министра иностранных дел, внешняя политика Турции претерпела значительные изменения. На смену прежней Турции, неспособной в полной мере реализовать свои амбиции, такие как вступление в ЕС, урегулирование армянского вопроса, построение новой системы энергетической безопасности, пришло новое сильное и влиятельное государство, претендующее на роль одного из ведущих акторов международных отношений.

В основе нового внешнеполитического курса страны лежат шесть принципов: определение баланса между свободой и безопасностью; усиленное вовлечение всех региональных сил в мирный процесс; проведение эффективной дипломатии в отношении

соседних регионов; стремление к взаимодополняющим действиям с основными игроками на мировой арене; эффективное использование международных форумов, новых инициатив для придания импульса решению вопросов, представляющих взаимный интерес; создание «нового образа Турции» . При этом весьма различную реакцию среди экспертов вызывают провозглашенная А. Давутоглу политика «нулевых проблем» с соседями и упор на поддержание многовекторного внешнеполитического курса. И действительно, новая внешняя политика Турции выглядит достаточно противоречивой. С одной стороны, А. Давутоглу заявляет о том, что Турция поддерживает все инициативы, совпадающие с идеологией служения миру, стабильности и процветания, а с другой – явно дает понять, что задача номер один для страны заключается даже не в том, чтобы стать региональной державой или выйти на мировой уровень, а в том, чтобы принять непосредственное участие в «установлении справедливого и устойчивого мирового порядка...через формирование местных и региональных блоков». Неоднозначно и отношение А. Давутоглу к роли неоосманизма во внешней политике Турции. Выступая перед членами правящей Партии справедливости и развития в ноябре 2009 г., он признал, что его страна реализует политику неоосманизма. «Мы – неоосманы. Мы вынуждены заниматься соседними странами. И даже идем в Африку». А в декабре 2010 г. в интервью Сирийскому государственному агентству новостей SANA А. Давутоглу заявил, что «в турецкой внешней политике нет ни мыслей, ни намерений, продиктованных идеологией неоосманизма».

29 мая 2010 г. на Третьем Международном форуме Альянса цивилизаций в Рио-де-Жанейро министр иностранных дел Турции призвал к построению нового мирового порядка и замене существующих наднациональных институтов, неспособных влиять на международные процессы, новыми, более эффективно функционирующими . Основной вопрос состоит в том, какую роль отводит себе Турция в реализации этой задачи, и возможно ли исключительно мирными методами добиться переустройства всего международного сообщества.

В этой связи особый интерес для российских и западных исследователей представляет рост активности Турции на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе в мусульманских странах Северной Африки. Сближению Турции со странами Ближнего Востока способствовало несколько причин: неэффективность проевропейского курса страны и неудачные попытки продолжения переговорного

процесса по принятию страны в ЕС, ослабевающее влияния США на Анкару и отсутствие политической силы в регионе, способной играть доминирующую роль.

В достаточно короткое время ей удалось сблизиться с большинством государств региона. Турция активно развивает отношения с иранским соседом. В феврале 2011 г. президент Турции А. Гюль впервые за девять лет прибыл с официальным визитом в Иран по приглашению президента М. Ахмадинежада. В ходе визита лидеры государств подписали торговое соглашение, по оценкам Тегерана, на 30 млрд. долл. При этом было отмечено, что данное соглашение принесет огромную экономическую выгоду Турции и Ирану. Иранский президент даже назвал его «новой эрой в отношениях двух стран». На встрече также была достигнута договоренность о совместной разработке «дорожной карты» по урегулированию споров вокруг иранской ядерной программы. По словам министра иностранных дел Ирана Али Акбар Салехи, это показывает решительность Анкары в активизации своих отношений со странами Ближнего Востока.

Динамично развиваются и связи с Ираком. В январе 2011 г. министр иностранных дел Турции А. Давутоглу посетил Ирак для обсуждения с главой государства Джалалом Талабани, премьер-министром Нури Эль-Малики, своим коллегой Хошьяром Зебари примерно 40 соглашений, заключенных в прошлом году между Анкарой и Багдадом.

Афганистан также представляет определенный интерес для Турции. В июле 2010 г. А. Давутоглу принял участие в международной конференции в Кабуле и церемонии начала деятельности Турецкого центра городского перепланирования в провинции Джаузджан. В качестве основной проблемы конференции рассматривался вопрос обеспечения стабильности в стране.

Больших успехов добилась Анкара и в укреплении отношений с Сирией. В 2004 г. Башар Асад стал первым президентом Сирии, прибывшим в Турцию за 57 лет. В том же году стороны договорились об отмене торговых пошлин, а в 2009 г. о введении безвизового режима для граждан обеих стран. Премьер-министры Сирии и Турции Мухаммад Наджи Отри и Реджеп Эрдоган символически заложили первый камень в фундамент «Плотины дружбы», которая соединит берега реки Аль-Асы в районе селения Аль-Алляни в сирийской провинции Идлиб с селением Аль-Зияра в Турции. Строительство плотины позволит орошать 10 тыс. гектаров земли в Турции и Сирии, а также дополнительно производить

16 млн. кВт электроэнергии. А. Давутоглу высоко оценил развивающиеся отношения с Сирией, назвав их «примером, которому должны следовать не только на региональном, но и на международном уровне».

С 9 по 11 января 2011 г. премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган нанес визиты в Кувейт и Катар. В рамках встреч с эмиром Кувейта шейхом Сабахом аль-Ахмедом аль-Джабиром, спикером национального Меджлиса и премьер-министром страны были обсуждены вопросы развития экономических связей и увеличения взаимных инвестиций. Подобные вопросы стояли на повестке дня и на встрече Р. Эрдогана с эмиром Катара шейхом Хамадом бен Халифе аль-Тани, премьер-министром и министром иностранных дел страны.

Следует отметить, что авторитет Турции за последние несколько лет значительно вырос в глазах ее мусульманских соседей. Анкара отказалась применять санкции против Ирана и всячески поддерживает его стремление к развитию «мирного атома». Подвергнув критике политику Израиля по отношению к Палестине, обвинив его в оккупации арабских земель и убийстве невинных граждан и тем самым вызвав неудовольствие западных партнеров, Турция в очередной раз продемонстрировала свою независимую позицию. Поддержав Ирак в борьбе против курдских сепаратистов, Турция, в конце концов, завоевала среди арабов авторитет «защитника арабской нации».

Важнейшим показателем эффективности внешней политики Турции на ближневосточном направлении является положительная оценка лидерами арабских стран деятельности Анкары. Король Саудовской Аравии Абдулла бен Азиз на встрече с министром иностранных дел Турции Ахметом Давутоглу заявил, что Турция занимает прочную позицию в странах Персидского залива. Говоря о посредничестве Турции в решении палестинской проблемы, нормализации сирийско-ливанских отношений и ситуации вокруг Ирака и Ирана, саудовский король заявил о доверии арабских стран Персидского залива к Турции. Президент Сирии Башар Асад заявил о готовности Дамаска возобновить переговоры с Израилем при посредничестве Турции, что говорит о большом доверии к Анкаре. 12 июня 2010 г. в знак особого уважения премьер-министр Турции Р. Эрдоган во время визита в Эр-Рияд получил престижный «Приз короля Фейсала за заслуги перед исламом».

Усиливающийся интерес Анкары к региону обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, Ближний Восток располагает крупными запасами углеводородов, что может позволить Турции диверсифицировать свои источники получения ресурсов. В связи с ежегодно возрастающей потребностью страны в нефти и газе Анкара вынуждена заключать соглашения о поставках углеводородов с различными поставщиками, а также искать выход на новые региональные энергетические рынки. При этом Турция будет стремиться к подписанию с поставщиками договоров о реэкспорте углеводородов, что позволит ей превратиться из транзитера в импортера нефти и газа. Так, с 2001 г. Турция только импортировала иранский газ, однако уже в 2004 г. ей удалось заключить соглашение с Тегераном о транзите иранского газа через территорию Турции в Европу.

Во-вторых, контроль над Ближним Востоком не только обеспечивает безопасность Турции и всего мира, но значительно повышает авторитет страны. Ранее Анкара выступала посредником в конфликте между Сирией и Израилем и в примирении шиитов и суннитов в Ираке. В 2010 г. состоялся первый за шесть лет визит в Турцию Массуда Барзани, президента иракских курдов. На встрече с министром иностранных дел Турции Ахметом Давутоглу Барзани пообещал, что будет способствовать прекращению нападений курдских экстремистов на Турцию. Он также отметил: «Мы не мыслим безопасности Турции в отрыве от нашей собственной безопасности. Мы приложим все усилия к тому чтобы покончить с этой ситуацией, достойной сожаления». Этот визит может стать началом процесса нормализации турецко-курдских отношений, что, несомненно, будет способствовать укреплению стабильности в регионе.

В-третьих, независимая политика Турции в регионе дает понять ЕС, США и России, что Турция способна стать мировой державой. Чем больше сближается Турция со странами Ближнего и Среднего Востока, тем сильнее стремится Евросоюз возобновить переговоры о принятии Турции в сообщество. 23 июня 2010 г. на саммите ПСЮВЕ в Стамбуле комиссар ЕС по вопросам расширения и политики соседства Штефан Фюле заявил, что ни о каком «привилегированном партнерстве» с Турцией не может быть и речи, «поскольку она заслуживает большего». А французская газета «Le Figaro» заявила, что Европе и Турции необходимо продолжить переговоры.

Тем самым Анкара стремится показать, что ее больше не устраивает роль простого наблюдателя и медиатора, она хочет са-

ма формировать баланс сил в регионе и предотвращать возникающие конфликты. Ответ Турции на недавние события в Египте стал убедительным подтверждением этой позиции турецкого правительства. Власти Египта выразили свое недовольство призывами премьер-министра Р. Эрдогана к президенту Мубараку «прислушаться к голосу своего народа» и удовлетворить требования египтян, подав в отставку. Каир расценил это заявление как вмешательство во внутренние дела страны. Тогда министр иностранных дел Турции А. Давутоглу попытался снять возникшее напряжение, разъяснив египетским коллегам, что Турция обеспокоена исключительно проблемой региональной безопасности, так как нестабильность в Египте порождает нестабильность и на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Что касается России, то Ближний и Средний Восток всегда оставались приоритетными направлениями внешней политики нашей страны. На регион приходится около 70% разведанных мировых запасов нефти и 20% мировых запасов газа. Здесь проходят важные морские и сухопутные торговые пути, проложены трубопроводы, транспортирующие углеводороды с Востока на Запад. Москва также заинтересована в поддержании безопасности в регионе, противодействии радикальным исламистам и в военно-техническом сотрудничестве с мусульманскими государствами.

После распада СССР российское руководство пыталось сбалансировать ближневосточную политику страны. Однако заключенные в тот период соглашения, как правило, не реализовывались на практике. Москва активизировала свою политику в отношении арабских стран только в начале 2000-х годов. Регулярным стал политический диалог с государствами региона, появились подвижки в сфере экономического сотрудничества, наметились новые ориентиры в развитии связей в военно-технической сфере. Россия укрепляет взаимодействие со странами региона в вопросах нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, борьбы с международным терроризмом и незаконным оборотом наркотиков. Одним из приоритетных направлений политики Москвы на Ближнем и Среднем Востоке является поиск путей по урегулированию арабо-израильского конфликта, ситуации вокруг Афганистана и иранской ядерной программы. В 2005 г. Россия смогла получить статус наблюдателя в ОИК.

В основе ближневосточной политики России лежит принцип поддержания дружественных отношений со всеми странами ре-

гиона. Определенных успехов Москва добилась в налаживании связей с Саудовской Аравией, Сирией и Египтом.

Россия уделяет значительное внимание укреплению энергетического сотрудничества с государствами региона. В 2003 г. российские специалисты подключились к проекту по освоению недр Саудовской Аравии. В 2007 г. между «Стройтрансгазом» и государственной нефтяной компанией «Saudi Aramco» был подписан контракт на строительство нефтепровода «Шейба-Абкайк». Россия заинтересована и в иранских энергоресурсах, в частности, в экспорте отечественного энергетического оборудования и услуг и доступе российских компаний к иранской ресурсно-сырьевой базе страны. В августе 2003 г. в Москве было подписано соглашение по вопросам двустороннего сотрудничества в области нефти и газа. А в настоящее время «Газпром нефть» продолжает вести переговоры с Тегераном о работе на двух нефтяных иранских месторождениях – Азар и Шангуле.

Дальнейшее закрепление Турции в регионе может в некоторых аспектах затронуть позиции России на Ближнем Востоке. Появление в регионе амбициозной и энергичной Турции может несколько приостановить процесс налаживания отношений мусульманских стран с Россией. Россия должна уделить особое внимание действиям Турции по выходу на энергетические рынки региона. Получив доступ к энергоресурсам арабских стран, Анкара не только существенно сократит свою энергетическую зависимость от России, но будет способна составить конкуренцию для Москвы. В частности в качестве ресурсной базы для европейского проекта «Набукко» фигурируют, в основном, такие страны Ближнего и Среднего Востока, как Египет, Ирак, Иран и Катар.

Анкара способна предложить достаточно выгодные условия сотрудничества. Так, например, после ряда совместных турецко-сирийских учений некоторые обозреватели начали говорить о постепенном усилении влияния НАТО на сирийскую армию. И хотя арабские страны все еще рассматривают Россию как некоторый противовес США в регионе и развивают отношения с Турцией, как с перспективным партнером, а не как со страной – членом НАТО, все же подобные суждения в очередной раз доказывают необходимость наращивания активности России на Ближнем Востоке.

Успешное правление умеренных исламистов в Турции в течение десяти лет доказало, что мусульманская страна способна не только идти по пути демократизации, но и обладать значительным

политическим весом в глазах западного сообщества. Конечно же, нельзя говорить о том, что турецкий опыт должен рассматриваться в качестве образца для всего региона. Однако Турция способна вывести многие государства на европейские рынки, тем самым став не только энергетическим, но и политическим, культурным и даже, возможно, социальным мостом между Востоком и Западом.

Стоит еще раз коснуться текущей ситуации в Египте. Реакция государств на события в стране является лакмусовой бумажкой их ближневосточной политики. И нужно признать, что позиция России в этом вопросе выглядит крайне слабо. В то время как Турция встречается с временным правительством Египта, принимает у себя одну из наиболее влиятельных политических сил Египта – представителей организации «Братья-мусульмане» и проводит консультации с лидерами других стран региона о сотрудничестве по нормализации ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Северной Африке, Россия продолжает придерживаться политики невмешательства.

Д. Медведев выразил официальную позицию нашей страны: «Россия надеется, что демократические процедуры в Египте будут восстановлены в полном объеме и для этого будут использованы все легитимные избирательные процедуры. Россия продолжит играть активную роль в международных усилиях по оказанию содействия этому процессу. Нашу страну и Египет связывает многолетняя история отношений стратегического партнерства. Мы активно развивали политические, экономические и гуманитарные контакты, и мы надеемся на их дальнейшее развитие и впредь». Но единственным конкретным действием вслед за этим заявлением можно назвать визит С. И. Лаврова 20–21 марта в Египет и Алжир. В рамках встречи важнейшим вопросом была названа ситуация в Ливии. В этом же контексте были затронуты и вопросы, касающиеся революции в Египте. Однако в целом создается впечатление, что Россия пока не слишком заинтересована в установлении контактов с временным правительством страны.

Между тем представители НАТО предлагают послереволюционному Египту последовать турецкой модели выхода из кризиса. Европейские аналитики, отмечают, что под турецкой моделью в первую очередь понимаются демократизация страны и переход к умеренному исламу в политике и в обществе, и только потом экономическое чудо, сотворенное ПСР в начале своего правления. Некоторые турецкие исследователи также рассматривают такую возможность, но при этом отмечают, что Турции необходимо про-

вести для этого некоторые реформы: принять новую конституцию, защищающую граждан от произвола со стороны властей, понизить налоги для среднего и нижнего класса на бензин, еду и различного рода услуги, сделать бесплатными образование и медицину. Ведь для того, чтобы стать моделью для кого-то, нужно сначала навести идеальный порядок в своей стране. Есть и другие мнения на этот счет. Так, к примеру, девятый президент Турции Сулейман Демирель заявил, что Турция не может стать моделью ни для одной страны. «В каждой стране свои условия. В соответствии с ними формируются общие демократические принципы. И только ориентируясь на них, эти страны выбирают свой дальнейший путь».

Турция показала на деле, а не на словах, что она намерена увеличивать свое присутствие в регионе и свой политический вес. Это еще один повод для России пересмотреть свою позицию в отношении Ближнего и Среднего Востока.

В настоящий момент Анкара прилагает усилия по нормализации ситуации в Египте. Но даже их может оказаться недостаточно. Мусульманские страны очень настороженно относятся к вмешательству извне и предпочитают решать свои проблемы самостоятельно. Турции потребуется затратить значительные финансовые средства на проведение грамотной и взвешенной политики в регионе для урегулирования конфликтов и укрепления своих позиций. Вопрос лишь в том, располагает ли эта страна необходимыми ресурсами, и способна ли она поддерживать баланс сил на Ближнем Востоке в одиночку.

По словам А. Гюля, «Россия и Турция – две важнейшие страны региона, которые призваны внести весомый вклад в обеспечение в нем мира, стабильности, безопасности и сотрудничества». Турция и в дальнейшем будет стремиться к нормализации обстановки в регионе, к чему также стремится Россия. Возможно, именно совместные действия Анкары и Москвы в этом направлении будут наиболее плодотворны.

В настоящее время Россия ограничивается осторожной и, к сожалению, непоследовательной политикой в регионе, что, безусловно, не способствует повышению доверия к ней со стороны арабских партнеров. Можно сказать, что единственными способами укрепления позиций нашей страны на Ближнем Востоке являются принятие последовательной, четкой и рациональной стратегии в отношении мусульманских стран и ее активное применение на практике.

«Интересы и позиции России в Азии и Африке

М. Конаровский,

кандидат исторических наук, Чрезвычайный
и Полномочный Посол России в Афганистане
в 2002–2004 гг., в настоящее время заместитель
Генерального секретаря Шанхайской
организации сотрудничества

АФГАНИСТАН: DÉJÀ VU. ЧТО ДАЛЬШЕ?

В течение многих десятилетий ключевой задачей современного Афганистана являлось обеспечение скорейшей модернизации путем преодоления средневековых основ социально-экономической организации общества. Как добиться этого – принципиальный вопрос, ответ на который пока остается открытым.

В силу ряда исторических обстоятельств осознание правящими кругами Афганистана необходимости преодоления его социально-экономической отсталости не встречало адекватной реакции у местных родоплеменных и религиозно-консервативных элит. Попытки модернизации общества под различными, подчас диаметрально противоположными политико-идеологическими, лозунгами не приводили к желаемым результатам. Так было и в период правления эксцентричного монарха-реформатора Амануллы в 1920-е годы, и в течение более четырех десятилетий пребывания у власти короля Мухаммеда Захир-шаха – умеренного сторонника конституционной эволюции в поздние послевоенные годы. Так было и при авторитарном генерале Мухаммеде Дауде, который в ранние 70-е под лозунгом буржуазных преобразований ликвидировал монархию и провозгласил страну республикой, и при Народно-демократической партии (НДПА). После переворота 1978 г. ее лидеры поставили задачу «социализации» Афганистана по советскому образцу.

В 1992 г. моджахеды свергли режим НДПА, но, не достигнув внутреннего компромисса в распределении сфер влияния, долго удержаться у власти не смогли. Их место легко заняли экстремисты из радикального религиозно-националистического движения «Талибан». Выдавлив своих противников к приграничным с Центральной Азией северным провинциям, они принялись силой насаждать жесткое теократическое правление с одиозными религиозными устоями. Предложить же какие-либо чудодейственные рецепты для экономического развития талибы способны не были.

Наоборот, демонстративное игнорирование элементарных основ современного опыта хозяйствования довело экономическую и социальную структуру страны до окончательного развала. Во время их правления в Афганистане лишь укрепились базы исламистских террористов.

Развитие ситуации после свержения талибов в 2001 г. во многом напоминает сценарии развития событий в 80-е годы прошлого столетия. Десятилетние усилия Вашингтона решить проблемы афганцев методами, внешне, казалось бы, вполне логичными и разумными, при этом на фоне пребывания в стране иностранных вооруженных сил, видимых результатов не дали. По иронии судьбы такой же отрезок времени здесь находился и Ограниченный контингент советских войск (ОКСВ).

Параллелизм действий СССР и США в Афганистане просматривается прежде всего в самом факте ввода в страну иностранных вооруженных сил. Как в конце 1979 г., так и в конце 2001 г. его целью было избавление Кабула от «плохого» режима и его замена на «хороший», который, как предполагалось, должен был соответствовать интересам афганского народа. Правда, основная задача СССР заключалась в существенной «корректировке» во властных структурах, тогда как в 2001 г. речь шла о кардинальной смене режима. Тем не менее в обоих случаях имелось в виду, что после быстрого разгрома оплота «плохих ребят» иностранные воинские контингенты в Афганистане надолго не задержатся. Однако жизнь распорядилась иначе. Вскоре оказалось, что талибы (как в свое время и моджахеды) не только не исчезли, но и принялись активно восстанавливать свои военно-политические позиции. На этом фоне эйфория «освободителей», которые, как им казалось, создали предпосылки для перехода страны к кардинальной модернизации при массовой внешней помощи (в первом случае это был СССР, во втором – США и другие страны Запада), вскоре уступила место недоумению, а затем удивлению с оттенком раздражения. При этом иностранцам ничего не оставалось делать, как брать на себя все большую ответственность за все, что происходит в стране.

После введения в Афганистан войск США и Международных сил содействия безопасности (МССБ) население внешне более-менее толерантно, хотя и без особого энтузиазма, воспринимало новую реальность. На общественных настроениях сказывалась усталость от длительного периода нестабильности и резких колебаний политической и идеологической конъюнктуры. Однако уже

через некоторое время перегруппировавшиеся талибы начали активно навязывать тезис «джихада против неверных» и «иностранных оккупантов», не гнушаясь при этом и методами более радикального убеждения соотечественников. Пропаганда находила все более широкую поддержку, поскольку в ее основе лежали беспримысленные тезисы о неприемлемости пребывания в стране «вооруженных иностранцев», а также аллергия на навязывание западных стереотипов, как ранее – советских основ «социалистического строительства». Растущая неприязнь в отношении многочисленных зарубежных советников практически во всех сферах жизни страны усугублялась отсутствием какого-либо прогресса на экономическом фронте, неразберихой в распределении внешней помощи, недобросовестной конкуренцией за «лакомые куски» бюджетных и донорских средств, некомпетентностью должностных лиц, кумовством и коррупцией на всех этажах власти и т.д. Аналогичная картина отчасти наблюдалась и в период пребывания в Афганистане ОКСВ.

Актуальной задачей СССР наряду с проведением совместных с Афганской армией операций по «зачистке духов» (моджахедов) было создание провинциальных административно-управленческих «ядер». Гражданские советники разрабатывали принципы партийно-государственного строительства, реорганизовывали систему просвещения и здравоохранения при безвозмездной помощи СССР, поддерживая в целом бесперебойное функционирование всех основных экономических объектов. Казалось бы, все делалось правильно и в интересах населения. Однако влияние моджахедов не только не ослабевало, но и постоянно росло. Их главный тезис не менялся: неприемлемость «антинародного режима» НДПА, который держится на штыках «неверных» иностранцев. У населения долго оставались горькие воспоминания и от массовых репрессий, и от скоропалительных и мало продуманных реформ, которые буквально «вздыбили» все афганское общество.

Коалиционные силы под военным зонтиком НАТО тоже активно взялись за реализацию идеи так называемых провинциальных восстановительных команд. Цель, по существу, была аналогичной: создание дееспособных и тесно связанных с Кабулом местных органов управления для обеспечения безопасности и предпосылок для экономического и социального развития различных регионов страны. Но как аналогичная схема не работала раньше, так она фактически не работает и сейчас.

Важнейшая задача иностранного военного присутствия в Афганистане, как в период пребывания у власти НДПА, так и после свержения талибов, заключалась в формировании национальных Вооруженных сил при содействии иностранных советников. Американцы приступили к этой работе почти сразу после формирования еще первого правительства Х. Карзая. Не менее энергично ранее действовали на этом фронте и советские представители. Однако, несмотря на все усилия, ни те, ни другие не сумели создать боеспособную афганскую армию.

При этом такое положение приводило к тому, что ОКСВ все чаще был вынужден брать на себя основную тяжесть боевых операций против моджахедов. То же самое происходило и с войсками международной коалиции. К 2011 г. численность иностранных войск в Афганистане достигала почти 150 тыс. человек. То ли по иронии судьбы, то ли по злему року, однако, такой же была численность ОКСВ перед его выводом в СССР.

Реальную ситуацию наглядно продемонстрировала широко рекламированная в 2010 г. совместная американо-афганская операция «Моштарак». Направленная на выдавливание талибов из стратегически важного района юго-востока страны и нанесение удара по наркопроизводству, но, главное, на восстановление или установление здесь крепкой центральной власти, она давала серьезные сбои. Ситуация развивалась по сценарию, с которым столкнулись в 80-е годы советские войска: после осуществления «зачистки» и ухода войск на местах вновь исчезала центральная власть.

В 1986 г. Москва и Кабул пришли к выводу о необходимости выработки новой политической линии в отношении моджахедов. Это было особо актуально в период, когда вопрос о выводе советских войск уже был практически предreshен. Для придания этим задачам полной легитимности НДПА прибегла к созыву традиционного общенационального совета племенных старейшин – Лоя Джирги, которая и одобрила политику национального примирения. Во властные структуры были привлечены некоторые представители старой элиты, духовенства, а также интеллигенции. Личная репутация многих из них была достаточно высокой, однако возможности влиять на реальную расстановку военно-политических сил весьма ограничены. Стратегия не достигла своей цели. Лидеры моджахедов, несмотря на жесткие распри между собой, единодушно отвергли любые сделки с правительством.

Над идеей политического примирения Кабул и Вашингтон также начали задумываться уже вскоре после свержения талибов и

ввода в страну иностранных войск. Она приобретала все более зримые очертания после того, как в Вашингтоне стали размышлять о целесообразности сокращения своего военного присутствия в стране. К моменту принятия в 2010 г. решения о выводе американских войск такая линия уже приобрела вполне отчетливые контуры. Задача заключалась в том, чтобы отколоть от талибов наименее одиозных элементов либо «случайных попутчиков», которых затем дозированно вовлекать и в некоторые властные структуры. Так же как в середине 80-х годов традиционная Лойя Джирга придала правомочность этому политическому проекту, летом 2010 г. был запущен так называемый «кабульский процесс», предполагавший постепенную передачу национальным органам власти ответственности за ключевые сферы жизни страны, включая обеспечение ее внутренней безопасности. Задача амбициозная, однако будет ли она выполнена, в какой форме и объемах, покажет время. Пока ясно только одно – осуществить проект чрезвычайно сложно, тем более что возможность переговорного процесса с Кабулом талибы обуславливают выводом из Афганистана иностранных войск.

Такой подход талибов предопределил и их реакцию на решение США и НАТО начать летом 2011 г. постепенный вывод войск из Афганистана. Она была аналогична той, которую в свое время проявили моджахеды в отношении решения Москвы о завершении миссии ОКСВ. В обоих случаях логика и надежды внутренних противников Кабула были сходными – после вывода иностранных войск «антинародное» правительство непременно падет или, по меньшей мере, крайне ослабнет, что откроет для оппозиции новые «окна возможностей». С режимом Наджибуллы так и произошло. В 1992 г. Кабул полностью лишился военно-политической и экономической поддержки своего единственного союзника – Москвы, остался в полной международной изоляции и один на один с моджахедами и их покровителями. Те же, со своей стороны, несмотря на Женевские соглашения по Афганистану 1988 г. (они формально предусматривали прекращение внешнего вмешательства в дела этой страны после вывода ОКСВ), продолжали получать значительное материальное и морально-политическое содействие извне. Сегодня талибы, невзирая на все взаимные разногласия, рассчитывают на аналогичный вариант. При этом ликвидация американцами Бен Ладена весной 2011 г. на их позицию не повлияла.

Вместе с тем было бы не совсем корректно ограничиться параллелями в действиях СССР в Афганистане в 1980-е годы прошлого века и США – в «нулевые» века XXI. Были и значительные различия. Принципиально разным было восприятие в мире нынешних американских, а ранее советских аргументов о вводе войск в Афганистан. Свержение в Афганистане 1979 г. диктатуры Х. Амина дополнительно укрепило просоветскую составляющую режима НДПА, однако было настороженно встречено на международной арене, в том числе у непосредственных союзников Москвы. Иной была картина в начале нынешнего столетия. Свержение талибов и ввод в Афганистан иностранных войск получили поддержку у большей части мирового сообщества. Эти действия проходили в совершенно иных, кардинально изменившихся условиях международных отношений после распада СССР. Быстро получили общую поддержку и тезисы о международной террористической угрозе с территории Афганистана. На фоне роста в мире опасений распространения терроризма как средства достижения политических целей афганская миссия международных сил привела к формированию достаточно широкой внешней коалиции. Силовой операции США и Запада был обеспечен позитивный международный контекст, а МССБ получили мандат ООН. У Советского Союза ни коалиции, ни такого мандата не было.

По-разному расставлялись акценты и при пропагандистском обеспечении ввода в Афганистан иностранных войск. Во главу угла операции Вашингтона ставились прежде всего задачи обеспечения национальной безопасности США после террористических актов 11 сентября 2001 г., а уже потом интересы мирового сообщества и самих афганцев (ведь одно время Вашингтон даже склонялся к признанию режима талибов). Руководство СССР декларировало военно-политическую задачу в обратном порядке: сначала речь велась об интересах афганского народа и «национально-демократической революции», а уже потом – об угрозе безопасности СССР и его союзников.

Как прямое следствие иностранной военной интервенции в начале XXI в. власть в Кабуле перешла к прозападному правительству. Свержение талибов было позитивно встречено мировым сообществом, тогда как приход к власти НДПА в конце 70-х годов

прошлого столетия вызвал у него настороженность и неприятие. Сегодня, несмотря на договоренности о разделе властных полномочий в стране между представителями различных этнополитических группировок, сольную партию в Кабуле играет Вашингтон, а также Запад в целом, а во властных структурах — «американские афганцы». В период НДПА внешней «первой скрипкой» в Афганистане был Советский Союз, а у власти — лица, либо идеологически тесно связанные с СССР, либо получившие там гражданское и военное образование и профессиональную подготовку.

Вместе с тем, по существу, ни один из этих двух кабульских режимов, несмотря на принципиальные различия в их политических и экономических доктринах, а также в масштабах оказываемой им внешней помощи, не смог обеспечить себе поддержку со стороны большинства населения.

* * *

Каков же «сухой остаток» десятилетий как ранее советского, так и нынешнего американского присутствия в Афганистане? Практически никакой. Ни одна из задач, призванных стратегически решить социально-политические и экономические проблемы страны, выполнена не была. Приведенные параллели в «афганской» стратегии и тактике Москвы и Вашингтона подтверждают лишь тезис о принципиальной ограниченности ресурсной базы внешнего воздействия на обстановку в Афганистане и внутреннюю логику ее развития. Внешние рецепты — от радикально-социалистических до либерально-капиталистических — не смогли обеспечить в стране общенациональный консенсус, крепкую центральную власть вне зависимости от ее политической, идеологической, экономической и военной ориентации. «Стабильная нестабильность» в стране на фоне неспособности и нежелания местных элит достигать реальных, а не мнимых, договоренностей и компромиссов неизменно блокировала любые попытки на этом пути. При этом предлагавшие свои рецепты внешние силы рано или поздно становились заложниками складывающейся ситуации. В результате создавались дополнительные условия для военно-политической активности и противников любого режима.

Наиболее актуальный вопрос сегодня: как будет развиваться ситуация в Афганистане и вокруг него после начавшегося вывода войск США и НАТО. Совершенно очевидно, что общая внешняя

канва для такого вывода будет более благоприятной для нынешнего Кабула, чем для Кабула конца 80-х годов. Положение нынешней центральной власти страны серьезно отличается от того, в котором находилось последнее правительство НДПА. Сегодня афганское руководство не только не изолировано на мировой арене, но и, наоборот, пользуется международным признанием и устойчивой внешней поддержкой. Все это создает принципиально иную геополитическую ситуацию в мире и вокруг Афганистана, чем та, которая была характерна для последних десятилетий биполярного противостояния.

Значительным плюсом для сегодняшнего Кабула является и более весомое место Афганистана в структуре региональных международных отношений, чем это было в конце прошлого столетия. Серьезное внимание к стране со стороны внешних сил предопределяется конкретным влиянием ситуации в Афганистане не только на сопредельные регионы, но и в более широком масштабе. Вместе с тем внутренняя нестабильность в этой стране продолжает создавать питательную среду для региональной военно-политической активности талибов и для международного терроризма. На непростую ситуацию в Центральной Азии оказывает влияние не только деятельность талибов, но и таких сотрудничающих с ними и «Аль-Каидой» оппозиционных объединений, как Исламское движение Узбекистана (ИДУ), «Хизб ут-Тахрир» и др. Обстановка в Афганистане во все большей степени оказывает дестабилизирующее воздействие и на Пакистан. Ситуация усугубляется тем, что сегодня эта страна превратилась в основной мировой центр производства героина (чего не было в 80-х годах). В последних документах ООН этот факт признается как угроза международной стабильности. С выводом из страны иностранных войск все эти негативные составляющие общей обстановки могут усилиться.

Принципиально важным для перспектив не только Афганистана, но и всего региона является то, что если раньше основную внешнюю канву афганского вопроса, по существу, определяла советско-американская биполярность, то сегодня все в большей мере возрастает влияние многополярных тенденций, предопределяющих расширение географии региональных игроков на афганском поле с собственными интересами и влиянием. Запад уже в ближайшей перспективе может попытаться ослабить бремя собственных расходов за счет попыток частичного вовлечения в решение афганских проблем других государств, включая соседние. Дополнительно подталкивать к этому Вашингтон и Брюссель могут и

новые всплески турбулентности в соседнем Ближневосточном регионе, что чревато отвлечением материальных ресурсов США и других стран Запада от решения сугубо афганских проблем.

Однако переложить часть ответственности в Афганистане на другие страны Вашингтону будет весьма непросто прежде всего из-за различий в подходах соседей Афганистана к проблемам этой страны, да и неоднозначности их отношений с США. При выстраивании дальнейшей линии на афганском направлении американской администрации придется серьезно учитывать настороженность из-за перспектив долговременного американского военного присутствия здесь не в последнюю очередь со стороны членов Шанхайской организации сотрудничества – России, Китая, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизстана. Сами же они скорее всего будут стремиться к тому, чтобы в перспективе избежать стратегических обязательств перед Кабулом при сохранении своего влияния на конкретные аспекты его политической и экономической жизни. На этом фоне у самих афганских властей появятся новые возможности для проведения традиционной политики балансирования и использования в своих интересах противоречий внешних сил уже при новом, многополярном раскладе в международных отношениях.

* * *

При всех слабостях и недостатках нынешнего правительства Афганистана оно в отличие от режима «позднего Наджибуллы» не останется один на один со своими наиболее одиозными противниками. Большинство государств, в том числе соседи страны, никак не заинтересованы в этом. Объединять их будет общая заинтересованность в стабильности в стране и стремление предотвратить ее резкую радикализацию. А именно такой сценарий сегодня предлагают талибы и «Аль-Каида». Чтобы избежать этого, мировое сообщество при всех финансовых и иных издержках и далее будет вынуждено оказывать Кабулу всемерное содействие. Однако вопрос, сможет ли он при этом одержать верх над своими внутренними оппонентами, остается открытым.

Реконфигурация нынешнего иностранного военного присутствия в Афганистане откроет очередную главу в «Большой игре» на Среднем Востоке, которая продолжается уже третье столетие. Схематично в ней можно выделить шесть этапов. Первый был связан с соперничеством Британской и Российской империй в XIX –

начале XX в. Второй совпал с Первой мировой войной при вовлечении в «игру» Германии, а с 1917 г. и пришедшей на смену Российской империи Советской России. Третий этап был пройден в предвоенные годы и в ходе Второй мировой войны. Четвертый – в период «холодной войны» и формирования биполярного мира с ключевыми ролями СССР и США. Пятый этап «Большой игры» применительно к Афганистану охватывал период пребывания у власти НДПА, кратковременного правления моджахедов, а также талибов. Шестой открыли Боннские соглашения 2001 г., положившие начало формированию в Афганистане прозападного правительства и преимущественно западного влияния в условиях принципиально новой структуры международных и региональных отношений.

Когда и как будет написана седьмая глава «Большой игры», покажет время. Политическая игра вокруг Афганистана ждет своего продолжения, становясь при этом все более многоплановой и противоречивой. Пока же ясно только одно: она не будет последней. 2014 год вряд ли станет завершающим для полной передачи власти правительству Кабула в его нынешней конфигурации. По существу, это признают и сами разработчики новой стратегии США. Глубоко увязнув в Афганистане, Вашингтон вряд ли рискнет и после 2014 г. оставить его без своего «зонтика безопасности». Уже объявлено о намерении сохранить в стране 25 тыс. военнослужащих и обустроить несколько военных баз. Начав вывод из Афганистана своих войск, американцы всячески подчеркивают намерение всемерно противодействовать сценарию «погружения страны в хаос», как это в свое время произошло после вывода советских войск. Такое противопоставление не совсем корректно. Ведь именно Вашингтон вместе с Исламабадом тогда максимально противодействовал тому, чтобы правительство Наджибуллы, уже после вывода советских войск, завершило политику национального примирения. Если бы США и Пакистан оказали давление на моджахедов и те начали бы переговоры с Кабулом, а выработанные ранее Женевские соглашения могли бы способствовать этому, то последующие события в Афганистане могли бы и не привести к появлению уже к середине 90-х годов движения «Талибан». Заинтересованные в стабильном Афганистане региональные игроки будут вынуждены мириться с таким положением, по возможности извлекая из него и некоторые дивиденды и для себя.

Если новая нестабильность на Ближнем Востоке приведет к новым рецидивам территориально-национальных размежеваний,

то это может вызвать аналогичные процессы в северных и северо-западных районах Афганистана, тем более что такие схемы вырабатывались и ранее. Вместе с тем попытки реализации подобного сценария, в том числе на фоне выдвигаемых сегодня в Вашингтоне упрощенных схем некоей регионализации Севера и Юга этой страны, а также разделения ее по территориально-национально-этническому признаку, могли бы привести к резкой дестабилизации не только в Афганистане, но и вне его. Прежде всего это касается Средней Азии, а также Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. На территории Северного Афганистана смешанно проживают не только узбеки и таджики, но и потомки переселенных сюда на рубеже XIX–XX вв. пуштунов. Вопрос заключается в том, как будут делиться эти земли и проводиться новые границы или разграничения?! Помимо и неминуемого резкого обострения на Севере страны ситуация немедленно приведет к волнениям и среди афганских пуштунов. С одной стороны, они вряд ли согласятся на раздел страны, а с другой – могут вновь начать активно эксплуатировать лозунг «Великого Пуштунистана» и возвращения исконно пуштунских земель, составляющих в настоящее время значительную часть территории Пакистана. Дальнейшее усугубление нестабильности в этой стране – пока еще ключевого союзника Вашингтона в Южной Азии, вряд ли будет соответствовать интересам США в регионе.

Наиболее разумным как для Кабула, так и для внешних игроков на афганском поле было бы обеспечение более широкой автономии внутри страны при сохранении ее центральными властями таких ключевых прерогатив, как контроль над финансами, внешней экономической помощью и торговлей, внутренней и внешней политикой, силовыми структурами и т.д. Одновременно вряд ли удастся избежать значительной, а возможно, достаточно радикальной смены внутривластных и идеологических ориентиров правительства. Именно в этом ключе, чтобы выжить, действовал в начале 90-х годов президент Наджибулла. У него не получилось. Получится ли это у нынешнего Кабула, будет ли наконец достигнут в стране общенациональный консенсус в отношении ее будущего?

Вся история Афганистана – от античного и средневекового периодов до Нового и Новейшего времени – наглядно свидетельствует о том, что в течение многих столетий территория этой страны находилась на перекрестке взаимодействия многих мировых цивилизаций как Запада, так и Востока. Такое взаимодействие, а

скорее столкновение, далеко не всегда было мирным и безоблачным. В XIX–XX вв. значительное влияние на политическое и социально-экономическое развитие страны оказывали ее контакты с индустриальным Западом и его современной цивилизацией. В последних декадах прошлого столетия для Афганистана были доминирующими его тесные отношения, в том числе идеологические, с Советским Союзом. В начале XXI в. основной внешней силой в этой стране стали западные государства либерально-демократической ориентации.

На нынешнем, весьма чувствительном, этапе развития Афганистана, когда будут сохраняться активные попытки внешнего воздействия на магистральную направленность его развития, весьма важно избежать очередного «столкновения цивилизаций» (известный термин С. Хантингтона). Прежде всего, речь может идти о противоречиях традиционалистско-исламской и либерально-западной моделей. Стратегическим интересам как самих афганцев, так и внешних сил отвечало бы партнерство, а не противостояние в процессе движения к строительству нового общества. При этом представляется целесообразным избегать, с одной стороны, навязчивого насаждения резко отторгаемых внешних стереотипов, и с другой – гипертрофированного выпячивания специфических особенностей и архаичных устоев, основанных на исламе.

Огромное значение цивилизационного партнерства на различных, в том числе геополитическом, направлениях мировой и региональной политики в интересах обеспечения стабильности в современном глобальном мире бесспорно. Именно поэтому в последние годы данному вопросу уделяется повышенное внимание на многих международных форумах, а также в документах Организации Объединенных Наций. В связи с этим, возможный опыт достижения национального примирения и государственного строительства в Афганистане с учетом как исторических и этнорелигиозных особенностей страны, так и влияния внешних факторов на процессы в ней, мог бы иметь большое практическое значение. Ведь в умиротворении и стабилизации в Исламском Государстве Афганистан заинтересованы многие соседние, региональные и внерегиональные государства неоднородной цивилизационной ориентации.

«Партнерство цивилизаций: Нет разумной альтернативы», М., 2011 г., с. 97–110.

А. Манойло,
профессор факультета политологии
МГУ им. М.В. Ломоносова
**КОНФЛИКТ США С ИРАНОМ:
ПРОГНОЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Ситуация вокруг Ирана с каждым днем становится все более запутанной, непредсказуемой и, в некоторой степени, пугающей. Официальной причиной «закручивания пружины» напряженности, неоднократно озвученной представителями США, является нежелание иранского руководства прекратить работы в рамках своей «ядерной программы». Главный вопрос, интересующий всех, заключается в том, приведет ли очередное обострение отношений между США и Ираном к началу нового вооруженного конфликта или новой войны, которая может стать даже более масштабной, чем недавняя операция сил США и их союзников по блоку НАТО в Ливии. Внешне конфликт с Ираном развивается по хорошо известному и многократно опробованному сценарию.

Обе конфликтующие стороны постоянно высказывают весьма воинственные заявления в адрес друг друга и проводимой внешней политики. Так, США многократно заявляли о необходимости уничтожения источника «мирового зла» в Тегеране, представляющего угрозу существованию всей западной цивилизации, и продолжают пугать мир иранской ядерной программой, имеющей, по их мнению, военный характер. Иран, в свою очередь, не менее энергично заявляет о своей готовности к отражению любой внешней угрозы, к осуществлению решительных шагов и принесению любых жертв для защиты своего государства, вплоть до блокады Ормузского пролива, по которому проходит основной маршрут транзита ближневосточной и североафриканской нефти. И это отнюдь не громкое заявление: угроза перекрыть Ормузский пролив вполне реальна, для этого Ирану даже не нужно привлекать значительные военные силы, достаточно уничтожить один-два танкера. В результате этого разлившаяся горящая нефть сделает этот район невозможным для судоходства в течение довольно длительного времени.

Вашингтон в очередной раз разыгрывает карту с введением против Ирана новых санкций, оказывая энергичное давление на ООН и мировое сообщество в целом. Этим создается повод для консолидации своих союзников в некий антииранский альянс, ко-

торый из экономического в любой момент может стать военным. Свежий пример применения такого приема – недавняя война в Ливии.

Израиль, чувствуя себя в центре внимания, в очередной раз предпринимает попытки выгодно воспользоваться создавшимся положением и фактом того, что именно от него, от его превентивного удара по Ирану может зависеть реальное начало вооруженного конфликта. При этом Израиль подчеркивает, что при возникновении хотя бы тени угрозы он способен сам за себя постоять и непременно нанесет удар первым, без учета правил игры, установившихся между США и Ираном. Тем самым Ирану дается возможность понять, что барьеры и балансиры, временно удерживающие США от немедленного начала прямой вооруженной агрессии (о которых безусловно знает руководство Ирана), для Израиля не имеют никакого значения и не являются сдерживающим фактором, так как Израиль в этом конфликте не встроен в американскую внешнюю политику и играет самостоятельную партию. При этом по отношению к США реализуется тактика «мягкого шантажа»: Израиль отказался дать гарантии президенту Бараку Обаме в том, что он предварительно предупредит Вашингтон о нанесении удара по иранской ядерной инфраструктуре.

Как сообщил лондонский еженедельник Sunday Telegraph, «это усилило опасения по поводу того, что Израиль самостоятельно планирует операцию. Обама получил отказ, когда потребовал от Израиля предоставления конфиденциальных гарантий относительно того, что удар по Ирану не будет предпринят без предварительного уведомления Белого дома. Это говорит о том, что Израиль больше не добивается разрешения со стороны Вашингтона на свои действия относительно Тегерана». Для подтверждения этой легенды была предпринята и контролируемая утечка в СМИ секретной информации из спецслужб: то же британское издание отмечает, что «согласно опубликованным ранее данным источников в британской разведке, Израиль может атаковать Иран ближе к Рождеству или Новому году».

Однако все это уже не раз повторялось в прошлом: Вашингтон неожиданно начинал демонстрацию агрессивного поведения в отношении Ирана, в ответ иранские политики поддавались на провокации и выдавали ожидаемые от них «нужные» заявления, Израиль закатывал истерику на тему «кругом враги» с выдвижением таких требований к окружающему миру, будто знал точную дату прихода «судного дня», который «все спишет», а напуганная иран-

ской ядерной угрозой Европа послушно одобряла введение новых санкций. Как правило, на этом все и затихало. Исключением из правил стала «зеленая революция», явно проводившаяся в тестовом режиме и не воспринимавшаяся всерьез даже ее режиссерами на Западе.

Здесь возникает вопрос: почему же теперь ситуация с Ираном должна развиваться по-другому? И насколько реальна угроза скатывания американо-иранского противостояния в военную фазу именно на сегодняшнем витке развития конфликтной ситуации?

Несомненно, нынешнее обострение отношений между США и Ираном имеет некоторые особенности, которые увеличивают риски прямого военного столкновения. Одна из них – в том, что США вступили в очередную, весьма сложную для своей внешней политики фазу, которая предшествует выборам нового президента. Известно, что американская политика имеет ярко выраженную цикличность и наиболее рискованные, агрессивные внешнеполитические решения, в том числе военные, принимаются администрацией США именно в преддверии очередных выборов. Цель этого предельно проста – завоевание голосов избирателей. Именно так начинались войны в Ираке и Афганистане.

В этом отношении Иран – весьма удобная мишень для излияния народного гнева и прохождения на этой волне президента Барака Обамы на второй президентский срок. А это весьма вероятно с учетом того, что не менее половины избирателей весьма сильно запуганы иранской ядерной угрозой и считают ее реальной, вторая же половина электората давно требует наказать это «государство-изгой», самим фактом своего существования подрывающее международный авторитет Соединенных Штатов.

Справедливости ради следует отметить, что именно в этот период не только Иран, но и другие идеологические противники США чувствуют себя неудобно, так как территория любого из них может быть выбрана американской администрацией для розыгрыша очередного предвыборного «спектакля» – в виде войны, вторжения или переворота. В это предвыборное время многократно повышается риск принятия неверного политического решения или внезапного дестабилизирующего эффекта, вызванного случайным стечением обстоятельств. Как определенные сдерживающие факторы в этих условиях следует рассматривать незавершенность военных операций в Ираке и Афганистане, отвлекающих значительные силы и ресурсы США, а также отсутствие окончательного результата в операции по смене политического режима в Сирии,

являющейся сегодня практически единственным союзником Ирана на всем Ближнем Востоке и способной чувствительно ударить в «подбрюшье» экспедиционных сил в случае начала против Ирана военной операции.

Другим значащим важным фактором для развития ситуации вокруг Ирана является степень развития его ядерной программы, которая хотя и медленно, но движется к определенной поставленной цели. Качественным показателем этого движения являются успешно проведенные Ираном 2 января 2012 г. испытания новой ракеты-носителя «Гадер» с дальностью полета 200 км. Утверждается, что ракеты этого типа способны поражать цели на территории Израиля и базы США на Ближнем Востоке. По мнению МИД Великобритании, эти ракеты также могут нести ядерный заряд.

Вместе с тем испытания этих ракет-носителей не следует рассматривать в качестве по-настоящему серьезной угрозы: это еще весьма «сырые», ненадежные изделия, имеющие низкую точность и практически нулевую защиту против современных средств ПВО. В условиях реальной войны из сотни таких ракет долетит одна, которая и упадет где-нибудь на весьма значительном удалении от цели. Для создания совершенной и надежной ракеты-носителя иранцам нужно то, чего у них сегодня нет, – современных технологий и достаточно длительного времени. Так что иранскую ядерную угрозу следует рассматривать, скорее всего, как миф, которым США пугают ООН и своих европейских сателлитов, но не в качестве реальной опасности.

Еще одной особенностью нынешних взаимоотношений между Ираном и США, в основе которой лежит экономический фактор, является весьма накладное для Америки содержание всех своих значительных группировок войск в Ираке и Афганистане, нацеленных для нанесения удара по Ирану. Особенно это касается содержания войск в Афганистане, где США и НАТО контролируют лишь незначительные плацдармы вокруг основных военных баз (имеющих стратегическое значение для военного контроля всего региона, не ограничивающегося только территорией Афганистана), оставив остальную территорию местной власти и талибам, от досаждающих нападений которых коалиционные силы вполне успешно.... откупаются. Однако, «если курок взведен, ружье должно выстрелить», т.е. в рассматриваемой ситуации эти группировки должны быть использованы по прямому назначению. В противном случае, надо уходить из оккупированных стран, так как со временем в них начнется настолько массовое и

организованное национально-освободительное движение, что американские и натовские силы оттуда могут просто не выпустить.

Вместе с тем проблемы оппозиции в Сирии, где все еще держится режим Башара Асада, указывают на то, что время решительных действий США против Ирана еще не пришло. Американцы еще не завершили операцию по реформатированию Ближнего Востока, который в случае начала наземной операции против Ирана станет для США стратегическим, но весьма ненадежным тылом. Иран – часть исламского мира, который не останется в стороне от конфликта. Несмотря на то что арабские страны, в основном, поддерживают США, их позиция относительно войны с Ираном наверняка не будет такой однозначной. Особенно в том случае, если Иран повторит опыт Ирака и нанесет удар по Израилю, который ему обязательно ответит.

В связи с этим становится понятна логика авторов цветных революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке: сметенные «арабской весной» режимы в Египте, Тунисе, Ливии и находящийся под прицелом режим в Сирии были смещены (или находятся в фазе смещения), потому что были недостаточно надежны. Более того, они мгновенно перестали бы быть лояльными по отношению к США в случае выступления Израиля против Ирана. Как результат этого – в тылу американской и натовской коалиции сформировался бы «второй фронт» из сплоченных военной необходимостью арабских стран. За короткий срок эта необходимость превратилась бы в национальную идею, которая объединила бы разрозненный и противоречивый арабский мир в новый халифат и стала бы непреодолимым препятствием для США в деле использования принципа «разделяй и властвуй» в арабском мире. Таким образом, цепь цветных революций в арабских государствах и настойчивое стремление провести такую акцию в Сирии носят явный характер «зачистки тылов» перед началом крупной военной операции в регионе, целью которой для западных коалиций может быть только Иран.

Следует отметить, что операция по «зачистке тылов» в определенной мере сегодня касается и России. Не секрет, что в организации протестного движения «За честные выборы» виден почерк режиссеров цветных революций, в котором наблюдаются все ее атрибуты – начиная от символики («белых ленточек») и заканчивая уровнем организации митингов и манифестаций, требующих вложения огромных финансовых средств. И совсем не случайно в Москву новым послом США назначен Майкл Энтони Макфол, та-

лантливый автор и режиссер «оранжевой революции» на Украине и «революции роз» в Грузии. Если нынешний сценарий «белой революции» в России финансирует Вашингтон, то делается это, в первую очередь, с одной целью: если Россия будет занята собственными проблемами, ей на определенное время будет не до Ирана. Этого времени американцам должно хватить для начала и завершения наземной операции.

В целом, ситуация в Сирии сегодня развивается в полном соответствии со сценарием, отработанным в Ливии. В развитии сирийской и ливийской «революций» есть все признаки схожести:

- организация протестного движения внутри страны, которое напоминает массовую кампанию вербовки наемников;

- выдвижение на роль новых лидеров государства малоизвестных деятелей из числа эмигрантов, единственная ценность которых – полная управляемость и преданность своим западным кураторам;

- создание всевозможных «теневых кабинетов министров» и псевдонародных «фронтов», таких как «Патриотическая коалиция в поддержку демократических перемен», «Национальный совет Сирии», позиционирующие себя как истинные представители народа и руководящие органы многочисленной внутренней оппозиции, недовольной режимом Б. Асада.

Все это известные элементы технологии организации цветных революций, отработанные в конфликтах в Югославии, Грузии, Украине, странах Центральной Азии, которые сегодня адаптированы для применения в традиционных восточных обществах, принадлежащих в основном к исламскому миру: в арабских государствах Ближнего Востока и Северной Африки, в Иране.

Цветная революция в Сирии явно развивается по ливийскому сценарию. Но стоит отметить, что и сама ливийская «революция» стала повторением и дальнейшим развитием технологических схем организации государственных переворотов, отработанных несколько ранее в Тунисе и Египте. В «революциях арабской весны» явно прослеживается итерационная схема, в которой один и тот же шаблон цветной революции последовательно применяется по отношению к различным арабским странам, причем каждый раз после завершения операции схема реализации подвергается обязательной технологической коррекции.

В отличие от ливийской «революции» ситуация в Сирии развивается несколько менее динамично, но на это есть объективные причины. Ее относительная вялость вызвана, прежде всего,

тем, что западные политехнологии перед началом решительных действий (применения технологий «управляемого хаоса», так хорошо показавших себя в Тунисе, Египте и Ливии) стремятся заручиться поддержкой или нейтралитетом армии (для этого надо хотя бы немного продвинуться в ее разложении), с которой уже ведется активная работа по агентурным каналам, а также нанять «оппозиционеров» для участия в массовых акциях протеста и боевиков для наступательных и диверсионных действий. Как показывают массовые митинги протеста против резолюции Лиги арабских государств, принятой 12.11.2011 г., народ Сирии в основном поддерживает Асада, реальной оппозиции, даже действующей в подполье, в стране нет, есть только «импортный продукт». Видимо, запуск революции в определенной степени тормозят причины чисто технического характера: необходимость тайно (от сирийского руководства и надзора мирового сообщества) перебросить в распоряжение оппозиционных сил внутри страны финансовые средства и оружие. Сирийское руководство не испытывает никаких иллюзий в отношении внешней подоплеки событий, происходящих в стране: так, по информации агентства EFE, 7 ноября 2011 г. глава МИД Сирии Валид Муалем обвинил руководство США в том, что оно напрямую подталкивает сирийские оппозиционные силы к насильственным действиям. Он утверждает, что призыв США к сирийской оппозиции не сдаваться властям свидетельствует о том, что Вашингтон призывает к мятежу и насилию в Сирии».

Если конечной целью режиссеров «арабской весны» является не Сирия, а Иран, или даже Китай, зависящий от экспорта иранской нефти, то участь Сирии уже давно решена. И как бы Башар Асад не сопротивлялся, ситуация от этого не изменится. В стратегической комбинации, разыгрываемой США в регионе, Сирия лишь промежуточное звено, ступень, от которой зависит развитие всей операции (по подчинению Ирана и перекрытию нефтегазовых артерий Китая) в целом. Поэтому цветная революция в Сирии состоится, каких бы жертв это ни стоило: финансовых – для ее организаторов и человеческих – для сирийского народа и тех военно-политических союзников США, которые будут брошены Вашингтоном в очаг нового вооруженного конфликта. Однако на завершение переформатирования Сирии потребуется время, и это именно то самое время, которым располагает Иран для того, чтобы сорвать намечающееся вторжение или, по меньшей мере, основательно к нему подготовиться.

В конфликте США с Ираном возможно повторение известной схемы, которую американцы достаточно качественно отработали в военной операции в Ливии: для того чтобы не выглядеть агрессорами в чистом виде (это могли позволить себе республиканцы, но не может позволить Б. Обама, избравший целью своей политики восстановление практически уже полностью утраченной «привлекательности образа американской демократии»), Вашингтон умело подтолкнул двух гиперамбициозных и чересчур честолюбивых политиков – Камерона и Саркози (двух «безумцев», как их нередко называют в европейской политике) – к развязыванию военных действий, переложив на них ответственность за этот шаг. Затем сработал верный расчет: когда в результате первых четырех месяцев военной кампании силы франко-британской коалиции показали свою полную несостоятельность и оказались на грани военного коллапса, Вашингтон «вынужденно» пришел на помощь своим военно-политическим союзникам, которых США, конечно же, не могли бросить в трудном положении. Таким образом, свое вмешательство в конфликт США весьма удачно облекли в форму «морального долга» перед европейскими союзниками, совершив «благородный поступок». Точно такой же сценарий разворачивается сегодня в Сирии, где вооруженная на западные деньги оппозиция (по сути, мятежники) уже стоит на пороге того, чтобы втянуть во внутренний конфликт европейские страны, а затем призвать США срочно спасти от поражения и тех, и других.

В этой ситуации несколько иную игру ведет Израиль. В Вашингтоне отлично сознают, что удар Израиля по Ирану может стать тем самым спусковым крючком, который инициирует конфликт, и одновременно прекрасным поводом для вмешательства в него США и НАТО – конечно же, под предлогом защиты своего главного стратегического союзника на Ближнем Востоке. В связи с этим понятны израильские заявления в адрес Вашингтона о том, что Израиль не считает необходимым заранее информировать администрацию Обамы о своих намерениях нанести предупредительный ракетный удар по Ирану: все это может быть хорошо поставленным спектаклем, разыгрываемым для европейских союзников, России, Китая и мирового общественного мнения в целом. Понятно, что по «сценарию» Вашингтон должен оставаться в неведении относительно серьезности намерений Израиля и реальности их воплощения в действие.

В противном случае к Вашингтону, знавшему точную дату и время превентивного удара, у многих возникнут вопросы: почему,

зная намерения Израиля, он не использовал все имеющиеся у него рычаги давления для предотвращения этого удара, или, по крайней мере, почему Вашингтон не поделился этой информацией с международным сообществом, ведь речь идет об угрозе новой войны, возможно, даже ядерной?

А так получается простая и очевидная схема: США ничего не знали, а Израиль, испугавшись очередных угроз со стороны Ирана, начал все по собственной инициативе. Что касается ответственности, то и здесь ответ очевиден – ну что взять с маленькой страны, постоянно находящейся в окружении врагов, ведь это же не сверхдержава, они же боятся каждого шороха. Не случайно Sunday Telegraph отмечает, что Израиль в отчаянии от того, что он «потерял надежду на возможность найти дипломатическое решение» в отношении ядерной программы Ирана, и поэтому предпринимает собственные шаги исключительно в целях самозащиты. С этой целью Израиль 2 ноября 2011 г. провел испытание баллистической ракеты, способной достичь иранской территории, которое стало первым подобным испытанием с 2008 г. Все это говорит об усиленной подготовке Израиля к войне против Ирана, либо, что вполне вероятно, что кто-то его к этому усилено готовит.

Все эти тактические комбинации весьма успешно вписываются в новую англосаксонскую концепцию управления международными конфликтами. Современная модернизация политической картины мира сопровождается нарастающей хаотизацией международных отношений. В современном мире общее количество международных и внутривнутриполитических конфликтов продолжает нарастать, возникают их новые формы (этнополитические, религиозные), мало подверженные стабилизирующему воздействию традиционных инструментов дипломатии, «на смену национально-освободительным войнам против колониализма и неоколониализма приходит новое поколение значительно более опасных межкультурных конфликтов». При этом международные конфликты становятся точкой пересечения интересов крупнейших мировых акторов – России, США, Китая, ЕС – и одновременно полем соприкосновения, взаимопроникновения и столкновения ценностей крупнейших мировых цивилизаций: христианства, конфуцианства и ислама.

Вместе с тем в эволюции международных конфликтов возникла новая фаза – межкультурная. В этой фазе консолидация сил, средств и ресурсов его участников строится по принципу принадлежности к определенной культуре или цивилизации, что

позволяет объединять и мобилизовывать намного более значительные людские и материальные ресурсы, а статус локальных конфликтов поднимать до уровня межцивилизационного противостояния. Концепция столкновения цивилизаций – это механизм мобилизации ресурсов нового поколения: он превосходит возможности национально-государственной идеологии, способной для участия в конфликте мобилизовать (по национальному признаку) ресурсы одного государства и его политических союзников. В конфликтах нового поколения мобилизация ресурсов идет на ментальном, ценностном уровне, объединяющем трансграничные и многонациональные массы людей, принадлежащих к общей цивилизационной парадигме или культурной традиции.

Межцивилизационные конфликты в международной практике повсеместно вытесняют традиционные формы конфликтов, построенные на столкновении интересов наций-государств (так называемые институциональные конфликты). Это ведет к тому, что на смену институциональным методам урегулирования конфликтов приходят культурно-цивилизационные модели внешнего управления, основанные на технологиях информационно-психологического воздействия. Их сегодня в мире четыре: англосаксонская, восточноазиатская, ближневосточная и романо-германская. Каждая из них стремится преобразовать политические системы участников конфликта в соответствии с собственной картиной мира и системой ценностей. Национально-государственные принципы урегулирования конфликтов постепенно уходят в прошлое; общий упадок «институциональной системы управления конфликтами подчеркивает кризис ООН как главного института миротворческой деятельности».

Современные международные конфликты, носящие характер столкновения цивилизаций, являются «плавильными котлами» существующих доктрин и очагами политической модернизации. Став в результате применения специальных политических технологий управляемыми, такие конфликты становятся инструментами политической модернизации системы международных отношений, эволюция которой может быть направлена в определенное русло. Управляя международными конфликтами, можно управлять политической модернизацией. Для ведущих мировых держав, стремящихся к глобальному лидерству, сегодня выгоднее сделать международный конфликт управляемым и затем использовать его в своих целях, чем способствовать его мирному разрешению. Вот почему идеология управления конфликтами сегодня активно раз-

вивается всеми ведущими мировыми лидерами, а концепции управления международными конфликтами выдвигаются ими на передний план миротворческой деятельности.

Одновременно с доминированием в современных международных конфликтах идеологии межцивилизационного противостояния в миротворческих операциях происходит смена целеполагания: вместо объекта, который надо «склонить» или «принудить» к миру, международные конфликты начинают рассматриваться как объекты внешнего политического управления, не предполагающего их прямое и скорейшее разрешение. Умиротворенный конфликт в современной глобальной политике не интересен и не выгоден никому (кроме мирного населения): в мирной фазе он не может обеспечить геополитический перевес в данном регионе ни одной из великих держав.

Однако сегодня проблема миротворчества состоит в том, что смена базовых ценностей и самого характера целеполагания в современных операциях по урегулированию конфликтов ведет к накоплению конфликтного потенциала, стимулированию множественности конфликтов, их массовому замораживанию в результате современной «миротворческой» деятельности и прямой опасности срабатывания кумулятивного эффекта – одновременного спонтанного размораживания указанных конфликтов – в перспективе.

Сложившаяся ситуация требует от мирового сообщества не только поиска новых подходов и способов воздействия на конфликты, но и формирования новых парадигм управления ими. Такой парадигмой сегодня становятся концепции и модели управления конфликтами с помощью технологий информационно-психологического воздействия, основанные на культурно-цивилизационных ценностях и традициях. Эти ценности у представителей разных цивилизаций заметно различаются, даже если сравнивать между собой англосаксонские страны (США, Великобританию) и страны романо-германского мира (Западную Европу), принадлежащие одной западной культурной традиции. Поэтому говорить об универсальности ценностей сегодня, как минимум, преждевременно. Помимо англосаксонской модели управления конфликтами, свои культурно-цивилизационные и национально-государственные модели предлагают ведущие страны Западной Европы (Германия, Франция), Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Вьетнам) и Ближнего Востока (исламский мир). Сегодня все эти модели еще находятся в стадии бесконфликтного сосуществования и даже в некоторых случаях дополняют друг друга. Од-

нако «этот временно установившийся баланс сил может измениться в любой момент».

В рамках культурно-цивилизационной парадигмы внутренняя подсистема системы мировых моделей управления международными конфликтами, представленная политикой молодых государств Африки и Латинской Америки, также стремящихся участвовать в управлении конфликтами на основе собственных цивилизационных представлений, может быть представлена в виде диалектического единства и борьбы интересов новых акторов миротворческой деятельности в базисе, формируемом векторами внешней политики и миротворческой деятельности мировых лидеров (США, КНР, Россия, ЕС и т.д.) в своем соперничестве за влияние в зонах конфликтов.

Каждая из четырех доминирующих сегодня в мире моделей управления конфликтами (англосаксонская, восточноазиатская, ближневосточная и романо-германская) стремится преобразовать политические системы участников конфликта в соответствии с собственной ценностной картиной мира, считающейся представителями этой модели наилучшей и наиболее совершенной. Ни одна из них не предусматривает свободы выбора со стороны участников конфликта и принципа состязательности среди самих моделей в борьбе за право разрешить конфликт: везде речь идет исключительно о цивилизаторской миссии и управлении «втемную». Это со временем неизбежно приведет к жесткой конкуренции между моделями и отвлечению внимания от собственно проблемы мирного разрешения конфликтов. На фоне этого соперничества в систему уже существующих мировых моделей управления конфликтами обязательно должна войти новая компонента, предусматривающая для участников конфликтов добровольный выбор между моделями на основе наилучшей альтернативы и соответствующие гарантии реализации права такого выбора. Такой моделью может стать российская цивилизационная модель, поскольку принципы альтернативности близки российской практике разрешения политических конфликтов.

Какие же прогнозы сегодня можно сделать относительно дальнейшего развития ситуации вокруг Ирана?

С нашей точки зрения, несмотря на всю остроту противостояния, Иран для США не может быть стратегической целью. По большому счету, весь регион, на влияние в котором претендует Иран (Центральная Азия, часть Ближнего Востока), является для американской внешней политики глубокой периферией. Линия

противостояния США и других полюсов современного мира, в том числе России и Китая, проходит не по Ближнему Востоку и уж тем более не по Центральной Азии, а по территории Объединенной Европы. Какие выгоды получит США, уничтожив режим исламских мулл? Влияние в регионе – возможно. Но, скорее всего, Китай займет эту нишу гораздо быстрее американцев, к тому же он ближе. Контроль над иранской нефтью – несомненно. Но компании США уже сейчас контролируют огромные запасы энергоресурсов Ирака, Ливии и ряда других стран. Иранская нефть, добытая ценой войны, им по большому счету ни к чему. Контроль над Ормузским проливом, являющимся ключевой транзитной артерией для поставщиков нефти из района Персидского залива – конечно, привлекательная цель. Однако этот контроль и так, в определенной мере, обеспечивается для США их военным присутствием в регионе и мощной группировкой военных кораблей, а также военным потенциалом союзников из числа арабских стран, доказавших свою верность в военных компаниях в Ираке и Ливии.

Ликвидация иранской ядерной программы? Вероятнее всего, для США это тоже не самоцель. Без современных ядерных технологий Иран не создаст конкурентное ядерное оружие, для которого, помимо заряда, требуется еще совершенный носитель, обладающий необходимой точностью, надежностью и способный преодолеть системы ПВО и ПРО.

Какую же цель преследуют США в противостоянии с Ираном при высокой вероятности получить еще один крупномасштабный вооруженный конфликт, который, скорее всего, будет намного больше и опаснее вьетнамского? Наиболее очевидный ответ можно найти в характере отношений США с Китаем, главным соперником и конкурентом Америки на мировой арене.

Современные отношения США и Китая описываются формулой «конструктивного сотрудничества», в которой важную роль играет парадигма мирного сосуществования двух держав. Во многом такое положение вещей выгодно Китаю, который пока еще не является сверхдержавой и не может конкурировать с США ни по объему ВВП, ни в военной сфере, ни в сфере финансовой. Однако имеющийся разрыв между США и КНР в этих областях быстро сокращается. Китайская экономика гигантскими темпами движется вперед, юань становится региональной валютой и в зонах преимущественного влияния Китая постепенно вытесняет доллар и йену. А если учесть то, что в 2017 г. Китай завершает комплексное перевооружение НОАК, то после этого справиться с ним будет

совсем непросто. Понимают это и США. И, видимо, готовятся к будущему военному столкновению с растущей мировой державой, которая в скором времени наверняка захочет заявить о себе в новом статусе.

Вместе с тем для принятия исторического вызова Китая Соединенным Штатам необходимо вновь набрать экономическую мощь. Это Вашингтон рассчитывает сделать за счет нового прорыва в промышленных и финансовых технологиях, что вполне реально, но требует времени, которое Штаты должны выиграть у Китая путем замедления темпов его развития. Наиболее вероятный путь достижения этой цели – перекрыть поставку в Китай углеводородов, без которых стремительно растущая китайская экономика задохнется. И именно в этом направлении США уже многое делают.

Так, гражданская война и иностранная интервенция в Ливии привели к власти проамериканский марионеточный режим, который тут же перекрыл поставки нефти в КНР. Ранее, при Каддафи, Китай получал из Ливии до 13% всей необходимой ему нефти. Еще один источник нефти, Дарфур, мятежная провинция Судана, в годы временного перемирия между крестьянами-фура и кочевниками-арабосуданцами давал Китаю до 18% всего объема потребляемой им нефти. Но недавно ситуация в Дарфуре вновь обострилась и сейчас там с новой силой вспыхнула гражданская война. Эти обострения гражданской войны в Судане происходят не без американского участия, поддерживающего повстанцев; отряды арабосуданцев, в свою очередь, деятельно поддерживает Китай.

Еще один поставщик нефти, Иран, обеспечивает своими поставками 26% всех необходимых экономике Китая энергоносителей. И в этом плане вполне понятным становится интерес США к поставкам иранских нефти и газа в Китай. В случае перекрытия этой артерии, Китай будет испытывать явный дефицит углеводородов, а попытки компенсировать потери наращиванием поставок нефти и газа из Центральной Азии могут наткнуться на новую волну цветных революций, не раз гулявших в регионе. В этом смысле становится понятным стремление США ввести в отношении Ирана новые санкции, запретив всем импортерам, в том числе и Китаю, покупать иранскую нефть.

Исходя из этих предположений, напрашиваются два вероятных сценария развития ситуации с Ираном:

1. Первый сценарий при условии того, что Китай присоединится к санкциям против Ирана и добровольно откажется от поставок иранской нефти, т.е. сам себе перекроет жизненно важную для его экономики артерию транзита углеводородов. В этом случае войны, скорее всего, не будет: Иран для США, скорее всего, не самоцель, а лишь фигура в разыгрываемой ими стратегической комбинации.

2. Второй сценарий вступит в силу в том случае, если Китай проигнорирует требование США и по-прежнему будет закупать у Ирана нефть. Тогда Соединенные Штаты, скорее всего, попытаются перерезать эту артерию китайской экономики силовым путем, расправившись с Ираном в ходе быстрой военной операции: Иран, при всей довольно высокой боеспособности его армии и наличии в его распоряжении еще одних, альтернативных армии, вооруженных сил – Корпуса стражей исламской революции, вряд ли сможет защитить себя от такого удара. Но главным условием для начала такой операции является надежный тыл, в котором сегодня остается только один незамирный очаг напряженности – Сирия во главе с Башаром Асадом. Поэтому, как только с ней будет покончено, возможно, наступит черед Ирана.

Надо отметить, что перестройка экономики и финансовой системы США уже началась: контролируемый финансовый кризис позволил Вашингтону консолидировать все финансы страны в руках трех крупнейших банков, где их проще мобилизовать для достижения любой глобальной цели. Несложно проверить, что аналогичные процессы в американской истории также имели место перед Первой и Второй мировыми войнами. Так что же это, признак того, что США готовятся к очередной мировой войне? Если да, то с кем? На эти вопросы точные ответы даст время.

«Мир и политика», М., 2012 г., № 3, с. 51–60.

Владимир Карякин,
кандидат военных наук (РИСИ)
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И КАТАР –
ПРОВООЗВЕЩНИКИ НОВОГО АРАБСКОГО
ХАЛИФАТА?

Как показывает исторический опыт последних десятилетий, приверженность аравийских монархий фундаментальным исламским ценностям не служит препятствием для их элит в деле тесно-

го сотрудничества со странами Запада при совместном решении геополитических проблем. Ярким примером этому является Саудовская Аравия, хранительница мусульманских святынь, которая со дня своего образования всегда шла в фарватере внешней политики Запада на Ближнем Востоке. В 1980-х годах Королевство Саудовская Аравия (КСА) вместе с Соединенными Штатами оказывало помощь моджахедам Афганистана в их борьбе против Советского Союза под лозунгом борьбы с коммунизмом.

В настоящее время в условиях инспирированных Западом «арабских революций» для свержения неугодных республиканских режимов Саудовская Аравия при поддержке эмирата Катар стала своеобразным «тараном» в руках США и их союзников при проведении ими политики неокOLONиализма. Примером тому является поддержка вооруженной оппозиции в Ливии и Сирии в форме участия спецподразделений ОАЭ и Катара.

Саудовская Аравия – вдохновитель «арабской весны» и союзник Запада в политической трансформации региона

В «арабских революциях» 2011 г. Вашингтон при поддержке аравийских монархий последовательно устранил с региональной политической арены светские (по меркам Ближнего Востока) и относительно предсказуемые режимы Бен Али в Тунисе, Хосни Мубарака в Египте и Муаммара Каддафи в Ливии. На очереди стоит Сирия, а затем, возможно, и Иран. США и их союзники, используя стратегию «разделяй и властвуй», создают в государствах, подлежащих политической трансформации, при поддержке аравийских монархий две линии противостояния: внутреннюю, поощряя различные оппозиционные силы, и внешнюю, провоцируя конфликтные ситуации с соседними странами, принадлежащими, между прочим, к одной религиозной конфессии и имеющими общую культуру, мировоззрение и тысячелетние традиции. В данном случае обнаруживается совпадение геополитических интересов Запада и проамериканских монархических режимов на установление гегемонии на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Единственное, что пока не в силах сделать монархические элиты, так это вытеснить Турцию и Иран из числа ведущих региональных держав, которые обладают значительной военной и экономической мощью, а Турция, кроме того, еще является членом НАТО и стратегическим союзником США в регионе.

В гипотетическом случае появления у Ирана своего атомного оружия, возможно, что американцы позволят Эр-Рияду стать ядерной державой, вокруг которой может произойти формирование мощного блока государств на основе ССАГПЗ, в который могут быть приняты некоторые страны Ближнего Востока и Северной Африки. О данной тенденции свидетельствует заявление короля Саудовской Аравии Абдаллы на конференции ССАГПЗ в Дохе в декабре 2011 г., когда он призвал страны Залива «объединиться, чтобы стать сильнее». Дополнительным подтверждением этому явилось сообщение о намерении принять в члены ССАГПЗ Египет, Иорданию и Марокко. В арабской прессе циркулируют слухи о том, что после прихода к власти в Сирии и Ливане суннитов, поддерживаемых саудовцами, эти страны также могут быть приняты в возрождающийся Халифат.

Следует отметить, что призыв саудовского монарха отражает умонастроения в мире суннитского ислама. Об этом свидетельствует заявление пресс-секретаря сирийского отделения «Братьев-мусульман» Зуйхайра Салима в декабре 2011 г., в котором он обозначил позицию своей организации. В интервью иракско-курдскому изданию *Kurdwatch* он заявил, что «Братья-мусульмане» заинтересованы в создании единой страны для всех мусульман Ближнего Востока. «К черту Сирию и сирийскую национальность! Как была создана Сирия? В результате договора Сайкса-Пико 1916 года, а мы этот договор не признаем! Сирия – это временный феномен, временное явление. Наша цель – это создание единого государства для всей исламской уммы!» – заявил Салим.

Неслучайно «Братья-мусульмане» вспомнили о соглашении Сайкса-Пико, согласно которому были разграничены сферы влияния на территории распадающейся Османской империи. Если обратиться к содержанию данного договора, то сферы влияния европейских держав выглядели следующим образом: французская «голубая зона» включала Киликию, Ливан, сирийское побережье и часть Галилеи; в британскую «красную зону» входила Месопотамия и район Акко-Хайфы; зоны А и В – территории к востоку от реки Иордан; в Негеве и Синае предполагалось создать новое арабское государство; под международным контролем должна была находиться «коричневая зона», включающая районы Газы и Иерусалима. При этом Сайкс считал, что арабы должны объединиться в единую конфедерацию арабоязычных государств, что и было принято на вооружение почти 100 лет спустя «Братьями-

мусульманами» и элитами монархических государств после событий «арабской весны» 2011 г. При этом Саудовская Аравия взяла на себя ведущую роль в политической трансформации Ближнего Востока с целью возрождения Халифата, продвижения своих геополитических интересов с использованием движений радикального политического ислама. С падением режима Х. Мубарака саудиты приобрели сильное влияние на «Братьев-мусульман» и особенно на их радикальное крыло «Союз салафитов».

В настоящее время основной узел противоречий сформировался вокруг Сирии. Совершенно очевидно, что, целясь в Б. Асада, Эр-Рияд и его союзники стремятся ограничить влияние Ирана, лишив его единственного регионального союзника путем приведения к власти суннитского антииранского правительства. И здесь главную роль должны сыграть «Братья-мусульмане», поскольку большинство сирийцев принадлежит к суннитской ветви ислама.

Вместе с тем следует отметить, что на фоне сближения саудитов с «Братьями-мусульманами», как локомотива продвижения геополитических интересов Эр-Рияда на Ближнем Востоке, саудовский режим вступил в стадию острой конфронтации с джихадистами движения «Аль-Каида на Аравийском полуострове». Поводом для такого противостояния является присутствие американских войск и их союзников на территории КСА, которое началось при подготовке к проведению операции США по освобождению Кувейта от оккупировавшего его Ирака в 1999 г.

С этого времени исламские радикалы развивают идею «неверности» саудовского режима, которую впервые высказал иорданский правовед А. аль-Максиди, а У. бен Ладен реализовал на практике. После этого на территории королевства начались теракты, которые переросли в террористическую войну, продлившуюся до 2007 г. Ответными мерами саудовским властям удалось разрушить организационную структуру радикалов и вытеснить их в Йемен, территория которого стала базой для дальнейшего проведения террористических операций против КСА.

Причинами успеха Эр-Рияда в борьбе с внутренней оппозицией, по мнению одного из идеологов джихада Х. аль-Бассаама, является то, что, во-первых, мощный аппарат спецслужб безопасности КСА жестко подавляет любое оппозиционное движение и, во-вторых, существует эффективный контроль информационного пространства со стороны властей, контролирующих положение дел в данной области.

Что касается вопроса о сотрудничестве аравийских монархий со странами Запада в деле свержения правящих республиканских режимов в Северной Африке и на Ближнем Востоке, исламские радикалы сходятся во мнении о том, что светские правители в мусульманских странах являются значительно большим злом, чем иностранные войска на территориях арабских стран. Очевидно, что тактические факторы преобладают над идеологическими и стратегическими в совместной борьбе с «вероотступниками», в ходе которой не только решаются задачи устранения нелегитимных режимов, но и пополняются арсеналы оружия и проходит обучение боевиков повстанческих армий.

Информационно-сетевые и политические технологии разрушения авторитарных светских режимов Ближнего Востока и дестабилизации обстановки на Северном Кавказе

Революционное цунами на Ближнем Востоке, спровоцированное информационными атаками из социальных сетей на арабские общества, показало, что умелое сочетание информационных и политических технологий стало своего рода «запалом», взорвавшим социальную атмосферу арабского мира. Практически во всех странах, вовлеченных в водоворот событий Арабского Востока, «революционный флэш-моб» толпы был организован посредством рассылки сообщений о намечающихся митингах и протестных акциях через социальные сети, электронную почту и мобильные телефоны. При этом, если учесть, что управляющие серверы электронных сетей Facebook, Twitter, Hotmail, Yahoo и Gmail находятся в США и контролируются американскими спецслужбами, нетрудно сделать вывод о том, кто является подлинным организатором данных «революционных акций».

Вышесказанное в полной мере имеет отношение к регионам Северного Кавказа и Поволжья, на территории которых в течение более 20 лет Саудовская Аравия пытается распространять свою государственную идеологию – ваххабизм. По мнению российских политологов, Саудовская Аравия потратила на пропаганду идей ваххабизма по всему миру больше средств, чем СССР на поддержку международного коммунистического движения. После крушения СССР арабские фундаменталисты стали открывать молодежные лагеря на территории Татарстана и распространять литературу ваххабитского толка.

В России сегодня существует мощное саудовское лобби, стремящееся к внедрению в сознание российских последователей ислама ценностей мусульманского общества и формирующее антироссийские настроения среди российских мусульман. Через салафитские информационные ресурсы в Интернете внедряются в завуалированной форме в сознание российских мусульман устойчивые ваххабитские идеологемы типа: «Россия – кяферское государство», «Нефть – это дар Аллаха, и она должна принадлежать только мусульманам», «Русские – оккупанты», «Традиционный ислам — это язычество».

Еще более сложная обстановка наблюдается на Северном Кавказе. В настоящее время данный регион является основным центром радикализма и сепаратизма в России. Это объясняется важным геополитическим положением Северного Кавказа, который находится на стыке крупных цивилизационных геополитических плит: русской, тюркской, арабской и иранской. Если страны Южного Кавказа в целом уже определились со своей политической ориентацией после их отделения от РФ, то Северный Кавказ стал ареной борьбы ваххабитского подполья за отделение данного региона от России и создание там исламского государства радикальной ориентации.

Для достижения этой цели используются различные экстремистские группировки, которые появились и окрепли благодаря поддержке со стороны иностранных государств и их спецслужб, заинтересованных в ослаблении Российской Федерации. Официально выступая за соблюдение прав человека и гражданских свобод в Чечне, западные государства на деле поддерживают сепаратистов Северного Кавказа, способствуя тем самым распространению экстремизма и терроризма. Распад Советского Союза рассматривался аравийскими монархиями как исторический шанс для распространения своего влияния на этот регион и, следовательно, вытеснения из него России. Для этого был выбран самый простой способ – дестабилизация обстановки в Чечне и Дагестане с дальнейшим ее распространением на весь Северный Кавказ путем оказания идеологической и финансовой помощи структурам, продвигающим идеи ваххабизма в российской мусульманской среде.

С этой целью после демонтажа СССР в мусульманские регионы России устремились зарубежные проповедники, прошедшие обучение в исламских учебных заведениях Саудовской Аравии, Пакистана и Египта. С помощью зарубежных эмиссаров распро-

странялась исламская литература, был создан ряд учебных заведений. В своей работе исламские проповедники ставили перед собой цель реализовать рассчитанные на длительную перспективу задачи распространения идей сепаратизма и религиозного экстремизма в мусульманских регионах России.

После 2000 г. особенностью исламского движения на Северном Кавказе стало то, что участниками незаконных вооруженных формирований перестали быть исключительно местные жители. Теперь эти группы пополняют выходцы из соседних регионов, а также иностранные граждане. Все это говорит о том, что на современном этапе структура радикального ислама приобретает черты транснационального джихадистского движения и представляет собой переходную форму от иерархической военизированной структуры к скрытой, децентрализованной, разветвленной сети, ячейки которой берут на вооружение идеологию радикального ислама, используя её как руководство для своей работы. Большинство подпольных структур носят смешанный характер, т.е. представляют собой гибриды, состоящие из сетевых и иерархических элементов. Характерно, что взаимная эволюция этих структур происходит не столько в результате сознательной организационной политики, сколько в ходе естественного приспособления к конкретным условиям функционирования. Однако в отличие от некоторых современных обезличенных функционально-идеологических сетей (например, антиглобалистов или «зеленых») для джихадистского движения одних только идеологических установок недостаточно, чтобы обеспечить эффективную деятельность отдельных ячеек на местах «в одном направлении».

В условиях неформальных, латентных связей такая стратегическая координация с помощью личных или опосредованных (через Интернет, социальные сети) контактов и общих директив эффективна в тех случаях, когда сама идеология движения содержит в себе достаточно четкие указания к определенным действиям, либо она позволяет сформулировать стратегические цели таким образом, что они могут быть достигнуты разными способами в зависимости от конкретной обстановки, но все равно будут квалифицированы как действия в направлении единой цели.

Помимо общей идеологии, для эффективной координации действий отдельных ячеек подобной сетевой структуры необходим высокий уровень взаимных социальных обязательств и межличностного доверия, который иерархическая структура обеспечить не может. Исламских радикалов объединяет не только идеологиче-

ская близость, но и ощущение собственной принадлежности к одной сети в качестве ее автономных ячеек. Члены низовой структуры, как правило, связаны между собой тесными личными отношениями, сложившимися еще до их прихода в эту организацию. Приоритетными являются кланово-родственные отношения, землячество, совместно приобретенный опыт в учебе, работе, социальной активности. То есть речь идет о группе близких друзей, об ассоциации единомышленников.

Таким образом, главный стратегический ресурс для участников сетевого радикального подполья – не используемое ими вооружение, которое является вполне доступным и недорогим, и не финансовая поддержка, поскольку даже крупные теракты не требуют больших затрат, а идеология в сочетании с гибкой структурной организацией. Такая организация позволяет осуществлять координацию не из единого центра, а путем постановки общих стратегических целей, обеспечения жесткой дисциплины и внутренней интеграции в социальные структуры общества.

Перспективы развития геополитической обстановки на Ближнем Востоке и Северном Кавказе, угрозы России и ориентиры для ее внешней политики

Что касается перспектив развития геополитической обстановки на Ближнем Востоке, то, наряду с угрозой проведения военной операции против Ирана со стороны США и Израиля, формируется еще один очаг конфронтации – это возможность вооруженного конфликта между шиитами и суннитами, который может стать кульминационным пунктом политического переформатирования исламского мира, начавшегося с «революционных» переворотов в ходе «арабской весны» 2011 г. После прозвучавших в Вашингтоне заявлений о причастности иранских спецслужб к подготовке покушения на саудовского посла в Соединенных Штатах А. аль-Джубейра, перспектива войны между Ираном и Саудовской Аравией стала представляться вполне реальной.

Но это лишь инцидент, лежащий на поверхности международных отношений. Глубинная суть происходящего состоит в том, что революционные потрясения 2011 г. поставили на региональную повестку дня вопрос о дележе сфер влияния в Северной Африке и на Ближнем Востоке. К концу 2011 г. стало очевидным соперничество между Турцией, Ираном и Саудовской Аравией в

альянсе с Катаром за установление влияния в политическом, экономическом и конфессиональном пространствах данного региона. Борьба противостоящих сторон вошла в русло исторического противоречия исламского мира – конфронтации шиитов и суннитов. При этом исторический момент выбран Западом как наиболее подходящий для утилизации революционной энергии восставших масс в ходе событий «арабской весны».

Эта конфронтация предоставляет западным державам благоприятную возможность столкнуть две ветви ислама. Действуя за кулисами региональной политики, Запад сделает все возможное для обострения сначала ирано-саудовского политического противостояния и перехода его в военное, которое будет логичным продолжением реализации технологии «управляемого хаоса», начатого в ходе «арабской весны» 2011 г. Это позволяет предположить, что на смену «арабской весне» придет «ирано-саудовская осень». При этом наиболее вероятным плацдармом, с которого начнется ирано-саудовское столкновение, может стать территория Йемена, где уже сформировалась линия противостояния между Тегераном и Эр-Риядом.

В случае реализации такого сценария Вашингтон постарается взять на себя роль ведущего арбитра и оператора данного конфликта. Для США внутриисламская война между суннитами и шиитами представляется самым лучшим вариантом пресечения амбиций Тегерана на региональное лидерство, а заодно и его намерения завершить свою ядерную программу.

По замыслу американцев, через управляемое Западом ирано-саудовское противоборство появится возможность перевести стихию революций «арабской весны» в обычную региональную войну, что позволит нейтрализовать радикализм обеих сторон. Тем самым в Вашингтоне рассчитывают решить программу-максимум – осуществить долгожданную «утилизацию» движения «Талибан» – многолетнюю проблему Соединенных Штатов, без решения которой они не могут сохранить Средний Восток и Центральную Азию в сфере своего влияния.

В настоящее время у суннитского ислама имеются четыре мощные силы: политические, представленные движением «Братья-мусульмане» и «Союзом салафитов», и вооруженные, включающие «Аль-Каиду» и движение «Талибан». Не случайно данные организации обозначены в иранской доктрине национальной безопасности как «враги номер один». В связи с американским военным присутствием в Афганистане, талибы оказались заперты

на территории Афганистана и Пакистана. Но как это ни парадоксально звучит, американцы в Ираке и Афганистане обеспечили Ирану продвижение и защиту его интересов в данном регионе. Можно полагать, что после ухода американцев из Афганистана у талибов будут развязаны руки и они смогут обратить свои взоры на Центральную Азию и Иран. При этом следует учитывать, что Эр-Рияд имеет традиционно сильное влияние на «Талибан», оказывая ему финансовую поддержку. Саудовский канал финансирования афганских и пакистанских талибов имеет большое значение при оказании на них политического влияния.

Силовой сценарий ирано-саудовского противостояния даст Вашингтону уникальную возможность использовать силу одного врага — талибов, против другого своего врага — иранского режима, не принимая открытого участия в войне. В американском экспертном сообществе полагают, что после завершения ирано-саудовской войны «Талибан» может стать основой политической системы Афганистана, и эта интеграция во власть не будет угрожать интересам Запада, так как наиболее радикальные элементы движения в большинстве своем не вернутся с войны.

Еще одним последствием ирано-саудовской войны, в случае победы Саудовской Аравии, может стать превращение ССАГПЗ в могущественную региональную структуру, которая по своему политическому влиянию может превзойти Лигу арабских государств.

Политические трансформации, происходящие на Ближнем и Среднем Востоке, имеют большое значение для национальной безопасности Российской Федерации. События «арабской весны» и образовавшиеся очаги и линии противостояния пока обходят Россию стороной, но при неблагоприятном для нашей страны направлении их развития они могут напрямую угрожать ее национальной безопасности.

Дело в том, что доминирующие в настоящее время в арабском мире Саудовская Аравия и Катар используют революционный порыв мусульманской уммы для расширения своего влияния в Центральной Азии, на Северном Кавказе, Северном Урале, в Поволжье и Западной Сибири.

В борьбе против Ирана Запад поддерживает арабские монархические режимы и использует их в качестве «тарана» для продвижения своих интересов. При этом Россия, Китай и ряд ведущих государств Азии, Африки и Латинской Америки пока сохраняют нейтралитет. Но здесь следует напомнить, что сохранение нейтралитета имеет смысл, когда происходящие события не затра-

гивают напрямую интересы и безопасность страны и ее союзников. Усиление суннитского блока в арабском мире, который является союзником Запада в его противостоянии Ирану, ведет к проникновению радикального ваххабитского ислама в Центральную Азию и в Россию.

Москве следует помнить, что монархии Персидского залива, вопреки декларируемому ими дружелюбию, по-прежнему воспринимают Россию как наследницу СССР, страну, потерпевшую поражение в Афганистане и борющуюся с поддерживаемым ими сепаратизмом на Северном Кавказе. России необходимо помнить, что наработанные в советскую эпоху и сохраненные в настоящее время связи Москвы в арабском мире не могут быть использованы для предотвращения антироссийской активности радикального ислама и его спонсоров. Дело в том, что эти связи были установлены в большинстве своем с авторитарными светскими режимами, которые в настоящее время уходят с региональной политической арены. При этом, как отмечается в российском экспертном сообществе, поражение в борьбе за власть в ходе революционных событий «арабской весны» терпят не только пророссийски ориентированные режимы на Ближнем Востоке, но и агентура Запада – либералы западного толка.

Что касается внешней политики России в контексте событий, произошедших в Северной Африке и на Ближнем Востоке в течение 2011 г., следует отметить то обстоятельство, что партнерство с Западом в течение последних 25 лет не принесло России каких-либо существенных дивидендов. Как показало развитие событий в Ливии и Сирии, Москва по-прежнему не рассматривается Западом как равноправный партнер. Военные интервенции США и их союзников в Ираке и Ливии показали, что российские корпорации понесли значительные потери в данных странах, несмотря на позитивно-нейтральную позицию РФ в Совбезе ООН при голосовании по соответствующим резолюциям.

Реалии современной международной жизни диктуют для России единственно правильный путь – это поддержка сирийско-иранского альянса для противодействия стремлению США и их союзников окружить ее кольцом стран, которые находятся в состоянии «управляемого Западом хаоса». При этом первоочередной задачей для Москвы должно быть конструктивное решение вопроса о принятии Ирана в ШОС, что послужит делу укрепления региональной стабильности и безопасности и основой для установления отношений стратегического партнерства. Для России сдача

Западу своих позиций не может быть оправдана никакими аргументами, в том числе и дивидендами от мифических «перезагрузок» в отношениях с Западом. При этом Москве следует учитывать, что решительная поддержка ирано-сирийского альянса позволит создать препятствия для проникновения радикального суннитского ислама на территорию нашей страны.

«Вестник аналитики», М., 2012 г., № 2, с. 51–59.

Эберхард Шнайдер,
профессор политологии (г. Зиген, Германия)
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ

Мультикультурализм необходим Германии, так как почти третья часть ее населения была или в настоящий момент является мигрантами – это люди, которые иммигрировали в Германию начиная с 1950 г., или их потомки. Собственным опытом миграции обладают 11 млн. человек, или 13% населения страны. Среди жителей Германии, бывших или настоящих мигрантов, выделяются следующие группы в зависимости от страны происхождения: Турция возглавляет список стран происхождения мигрантов (1,5%), затем следуют Польша (508 тыс. человек). Российская Федерация (445 тыс.), Италия (433 тыс.). Если говорить о крупных культурных регионах, то здесь складывается следующая картина: на первом месте – Европа как регион происхождения (54%), причем имеется в виду вся Европа, а не только страны Европейского союза. На втором месте – Азия, Австралия и Океания (11%). Значительную долю составляют выходцы из стран Ближнего и Среднего Востока, а также Южной и Юго-Восточной Азии. В большинстве крупных немецких городов проживают представители более 150 национальностей.

Опыт мультикультурной политики обогащается в процессе продолжительного совместного существования народов. В 2008 г. более три четверти лиц с собственным опытом миграции жили в Германии минимум девять лет, две пятых – более 20 лет. Наиболее тесный опыт взаимодействия приобретает в бикультурных браках. В то время как в браке с неиммигрантами состояла половина населения страны, у населения с миграционным фоном этот показатель составил 60%. Люди с миграционным фоном не только чаще вступают в брак, но и имеют более высокий показатель рождаемости – 36%, в то время как среди коренного населения только

22 семьи из 100 имеют детей. Сегодня часто цитируют высказывание федерального канцлера Германии А. Меркель, произнесенное в октябре 2010 г., о том, что «концепция мультикультурализма в Германии провалилась». Люди, относящиеся к разным культурам, не смогут образовать общество на том основании, что проживают рядом с представителями различных культур или суммируя культуры.

В реальности отдельные культуры (в том числе доминирующая немецкая культура) не принимаются во внимание. Необходима скорее интеграция, а не ассимиляция, что должно стать основной задачей культуры. Мультикультурализм имеет две стороны: представители культуры большинства должны быть готовы позволять представителям культур меньшинства быть полноценными участниками общества; представители культур меньшинства должны иметь желание быть участниками, а не просто физически присутствовать в обществе. Правящий бургомистр Берлина К. Воверайт утверждает, что в мультикультурном обществе акцент должен ставиться на общем, а не на том, что разделяет, иначе «однажды Германия будет состоять лишь из меньшинств, которые борются». Чтобы каждый смог реализовать себя в мультикультурном обществе, необходима атмосфера «открытости и уважения».

Федеральное правительство Германии разработало 64 критерия, с помощью которых определяется интеграция мигранта в общество. Эти критерии учитывают юридический статус, образование в детстве и языковое содействие, образование и интеграцию на рынке рабочей силы, социальную интеграцию и доход, общественную интеграцию, жилищные условия и здоровье, интеркультурные службы и экономику, а также преступность, насилие и неприязнь к иностранцам. В отчете, характеризующем индикаторы интеграции за 2011 г., представлены следующие результаты: «Две трети мигрантов, живущих в Германии от 5 до 10 лет, имели в 2010 г. право на долгосрочное проживание. Однако право гражданства получили лишь 2%. Только 12% детей с миграционным фоном в возрасте до трех лет посещали детские дошкольные учреждения, без миграционного фона – 28%, т.е. больше, чем вдвое. По возрастной группе от трех до шести лет значения приблизились: в семьях мигрантов – 86%, коренного населения – 95%. В области образования нужно отметить, к сожалению, отставание среди молодых мигрантов: они не только вдвое чаще покидают школу до ее окончания, но и реже достигают высоких результатов в школьном образовании. В дальнейшем втрое больше молодых

людей с миграционным фоном оставались без профессиональной подготовки. Высшее образование среди мигрантов в возрасте от 25 до 35 лет получили 17% молодых людей, среди коренного населения – 20%».

Трудовая деятельность и безработица зависят от конъюнктуры. Между тем коэффициент безработицы снизился как в целом по стране, так и среди иностранного населения. Правда, среди иностранцев в 2010 г. он был вдвое выше, чем у немецкого населения (по этому индикатору учитывалось все иностранное население). Позитивным является тот факт, что количество предпринимателей среди мигрантов так же велико, как и среди немцев. Процесс интеграции мигрантов значительно осложняется низкими доходами. Коэффициент риска бедности у населения с миграционным фоном вдвое выше, чем у коренного населения, – соответственно 26 и 12%. Численность иностранцев, которые в 2010 г. получали минимальное государственное пособие, была вдвое больше, чем численность коренного населения, получающего пособия (при расчете этого показателя учитывались все иностранцы).

Политические интересы и членство в партиях, участие в гражданских инициативах или политике меньше распространены среди населения с миграционным фоном, чем среди коренного. К сожалению, до сих пор мигранты, долго живущие в Германии, но не имеющие немецкого гражданства, не получили права на участие в выборах. Между тем это повысило бы их интерес к политической жизни страны.

Обеспечение хорошим жильем по приемлемой цене — важный признак качества жизни. Иммигранты располагают в среднем меньшей жилой площадью, чем остальное население Германии. Население с миграционным фоном платит за квадратный метр наемной жилой площади в среднем почти на 30 центов больше, чем коренное население (причем, этот факт нельзя объяснить более высоким уровнем арендного жилья в городах, которые часто являются местом жительства мигрантов). Если говорить о контроле за здоровьем, то по этому показателю также отмечаются различия: дети мигрантов в возрасте от 2 до 7 лет проходят все профилактические ранневозрастные обследования в целом на 10% меньше, чем дети немецкого населения. Иностранные работники на государственной службе (10%) заняты почти вдвое меньше, чем население без миграционного фона (18%).

Такие явления, как преступность, насилие и дискриминация, усложняют процесс интеграции. К сожалению, в 2010 г. коэффи-

циент преступности среди иностранного населения (5,3%) был вдвое выше, чем среди всего населения Германии (при расчете этого показателя учитывалось все иностранное население). Анти-семитские, враждебные к иностранцам и расистские акты насилия в 2010 г. достигли самых низких значений за последние десять лет. При этом уровень таких преступлений все еще остается достаточно высоким. Например, недавно стало известно о серии убийств, совершенных в течение последних лет, восьми турецких и одного греческого предпринимателя, а также немецкого полицейского, которые были совершены членами национал-социалистической подпольной организации. Раскрыть сразу эту банду не удалось, так как немецкие органы безопасности классифицировали убийства как отдельные экономические преступления, что указывает на недостаточно скоординированное сотрудничество между различными немецкими органами.

Два года назад в Берлине (первой и единственной федеральной земле) был принят закон, определяющий интеграцию как процесс, который касается всего общества. Первый параграф этого закона гласит о том, что лицам с миграционным фоном должна предоставляться возможность равноправного участия во всех сферах общественной жизни страны. В заключение я хочу привести слова федерального президента Иоханнеса Рау, которые он произнес в 2001 г.: «Интеграция иностранцев является вопросом судьбы общества, это очень долгий процесс».

*«Диалог культур в условиях глобализации.
XII Международные Лихачёвские научные чтения»,
СПб., 2012 г., с. 241–242.,*

Аль Хассан Мохамед,

посол Султаната Оман в Российской Федерации,
Украине, Беларуси, Армении и Молдове

Сергей Рязанцев,

доктор экономических наук, профессор,

руководитель центра (Институт

социально-политических исследований РАН)

**ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АРАБСКИХ
СТРАН: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Особенно резко темпы роста населения возросли во второй половине XX в. В 1959 г. население Земли пересекло трехмилли-

ардную отметку, на прибавление еще одного миллиарда жителей понадобилось 14 лет – это случилось в 1974 г., следующего миллиарда – 13 лет – в середине 1987 г. родился пятимиллиардный житель планеты. Через 12 лет появился на свет шестимиллиардный житель (1999). В 2007 г. в мире проживало 6,6 млрд. человек. И хотя темпы роста населения Земли сокращаются, но поскольку достигнутые абсолютные цифры довольно велики, то и небольшой процент прироста оборачивается миллионами. Например, 1% естественного прироста населения Китая в год означает, что население вырастает на 12,5 млн. человек. По прогнозу ООН, ожидается, что к 2050 г. на планете будет проживать более 9,3 млрд. человек (прогноз ООН).

Согласно данным ООН в развивающихся странах в 2007 г. проживало более 5,4 млрд. человек, что составляет около 82% мирового населения. Прогнозы численности населения до 2050 г. свидетельствуют о том, что численность населения развивающихся стран увеличится к 2025 г. до 6,7 млрд. человек, а к 2050 г. – до 7,8 млрд. человек. В 2050 г. в развивающихся странах будет проживать более 86% населения мира. Наиболее населенным регионом мира является Азия, в которой проживает около 4 млрд. человек, а в 2025 г. здесь будет 5,2 млрд. жителей. Интенсивно будет расти население африканского континента: в 2007 г. – 945 млн. человек, в 2050 г. – 1,9 млрд. человек. В самых бедных из развивающихся стран в настоящее время живут 796 млн. человек, а к 2025 г. в этих государствах будет насчитываться уже 1,735 млн. человек, т.е. произойдет увеличение населения в 2,2 раза.

По численности населения развивающиеся страны прочно закрепились в верхней части списка стран мира. В 2007 г. в числе 15 стран – лидеров по численности населения насчитывалось 11 развивающихся стран, наиболее крупными являются Китай и Индия, в которых живут более 2 млрд. человек. Также очень крупными по числу жителей являются такие развивающиеся страны, как Индонезия, Бразилия, Нигерия, Мексика, Филиппины, Вьетнам, Эфиопия. В условиях ограниченности природных ресурсов и отсутствия свободных земель во многих развивающихся странах растет плотность населения: в Китае (21 875 человек на км²), Бангладеш (926 человек), Палестина (526 человек). В этих странах остро стоят проблемы жилья, обеспечения питьевой водой, продуктами питания, доступностью услуг здравоохранения и образования.

Согласно прогнозам ООН, сложившаяся динамика демографических показателей в обозримой перспективе изменит список

стран – лидеров по численности населения. К 2050 г. в число таких стран имеют все шансы войти Турция, Египет, Иран, Таиланд и Конго. Сами по себе подобные изменения и не представляли бы какой-то значимой угрозы для мировой цивилизации, если бы не увеличивающаяся экономическая пропасть между экономически развитыми и развивающимися странами. Значительный рост населения в наиболее отсталых странах усугубит проблемы голода, эпидемий, бедности, безработицы, межнациональных конфликтов в этом регионе. Это может обострить конфликт между бедным Югом и богатым Севером, вызвать неконтролируемые потоки миграции.

Арабские государства также отличались высокими темпами роста населения. В частности, численность населения Северной Африки за период с 1950 по 2000 г. выросла в 3,3 раза, а государств Западной Азии – в 3,8 раза. В списке наиболее крупных по численности населения арабских стран можно выделить Египет, Иран, Турцию, Алжир, Марокко. За последние 50 лет наиболее быстрыми темпами в арабском мире увеличилось население Иордании (в 19 раз), Кувейта (12 раз), Омана (пять раз), Ираке (4,5 раза).

Арабские страны являются достаточно неоднородными по соотношению показателей естественного движения населения, что обусловлено различными уровнями рождаемости. Ряд арабских стран находится на этапе традиционного, или допереходного, типа воспроизводства населения, который характеризуется высокой рождаемостью, близкой к физиологическому пределу (40–50 человек на 1000 жителей), и одновременно очень высокой смертностью (20–30 человек на 1000 жителей). При этом естественный прирост населения хотя и высокий, но не максимальный. До сих пор он сохраняется в некоторых арабских странах с доминированием отсталых форм ведения хозяйства. Эти страны входят в группу беднейших государств мира с низким показателем ВВП – менее 750 долл. на душу населения в год. Это преимущественно африканские страны.

Традиционный тип воспроизводства населения связан с отсталой аграрной экономикой, в основе которой лежат докапиталистические отношения. В этих обществах люди ориентированы на большое количество детей, что вызвано несколькими причинами. Во-первых, это традиции многодетности и ранних браков, отсутствие знаний и культуры применения средств контрацепции, которые довольно сильны в подобных архаичных обществах. Напри-

мер, в культурах многих африканских народов мерилом богатства человека является количество детей. Во-вторых, существует объективная экономическая потребность в детях, труд которых из-за его низкой производительности активно используется в домашнем натуральном хозяйстве. В-третьих, высокая детская смертность в условиях низкого уровня развития медицины вынуждает родителей иметь «запас» детей.

Обычно в обществах традиционного типа смертность выступает в роли главного регулятора процесса воспроизводства населения. Главными причинами высокой смертности выступают сложные условия труда населения, дефицит ресурсов и продовольствия, плохие санитарно-гигиенические условия, недостаточный уровень развития медицины, распространение эпидемий. Чаще всего, большая часть населения в таких странах живет довольно изолированно, обладает низкой миграционной и социальной мобильностью, живет в застойной бедности и нищете.

Максимально высокие темпы роста населения характерны для стран, находящихся на этапе демографической революции, (демографического «взрыва»). Демографическая революция характеризуется высокими темпами естественного прироста населения, прежде всего, за счет снижения смертности при практически неизменном показателе рождаемости. Демографический взрыв является следствием процесса модернизации общества, которое выражается в улучшении качества жизни населения, повышении качества здравоохранения, появлении эффективных средств борьбы с массовыми болезнями, что резко понижает смертность.

Многие арабские страны вступили в фазу демографического взрыва, когда в них улучшилась система здравоохранения и началась «зеленая революция». Несмотря на незначительное снижение показателей детской смертности и устранение некоторых болезней, это привело к резкому росту показателя естественного прироста. Во второй половине XX в. показатель смертности продолжал сокращаться с 23 человек (1950–1955) до девяти человек (1990–1995) на 1000 жителей. На фоне сохранившихся традиций многодетности и ранних браков рост населения в арабских странах приобрел буквально взрывной характер. В настоящее время на стадии демографического взрыва находятся развивающиеся страны, которым удалось снизить смертность за счет развития отраслей экономики, ориентированных на экспорт (нефти, полезных ископаемых, сельскохозяйственного сырья и пр.). Наиболее яркий пример – арабские страны-нефтеэкспортеры. Например, ежегодно

население увеличивается: в Омане – на 3,5% (рождаемость – 39 человек, а смертность всего четыре человека на 1000 жителей); Саудовской Аравии – на 3,1% (соответственно 35 и шесть человек); Катару – на 2,7% (соответственно 31 и четыре человека), Ливии – на 2,4% (соответственно 28 и четыре человека). На этом этапе также находятся Египет, Марокко, Алжир и Ирак.

Некоторые арабские государства вступили в фазу расширенного воспроизводства. Она характеризуется трансформацией брачно-семейных отношений и постепенным переходом от многодетной к малодетной семье. В этих странах происходит дальнейшее снижение смертности, значительное снижение рождаемости, а как результат, снижается естественный прирост. На этом этапе находятся некоторые ближневосточные монархии (Кувейт, ОАЭ, Бруней), Турция и Иран. Коэффициент естественного ежегодного прироста составляет: в Брунее – 1,9%, Кувейте – 1,8, Турции – 1,5, Тунисе – 1,3, Иране – 1,2, ОАЭ – 0,5%.

Согласно прогнозам ООН в долгосрочной перспективе (до 2300 г.) численность населения в арабских странах будет увеличиваться, однако темпы роста населения несколько замедлятся, а в отдельных странах наступит стабилизация.

Возрастная структура населения развивающихся стран, в том числе в арабских государствах, имеет существенные отличия от экономически развитых стран. Она отличается более высокой долей детей и подростков. По оценке ООН, в 2007 г. около 30% населения развивающегося мира приходится на молодежь до 15 лет, а в беднейших странах – 41,3% (для сравнения: в экономически развитых странах этот показатель составляет 16,7%). Напротив, доля людей старшего возраста в развивающемся мире на порядок меньше: в развивающихся странах – 8,4%, в беднейших странах – 5,1, в развитых странах – 20,7% населения приходится на людей в возрасте старше 60 лет. Средний (медианный) возраст населения в развивающихся странах составил 25,6 года, в беднейших государствах – 18, в экономически развитых государствах – 38,6 года.

Как показывают исследования, в перспективе население развивающихся стран будет также стареть. По прогнозам, здесь к 2050 г. доля пожилых людей будет составлять около 20%, а это означает, что к середине столетия развивающиеся страны могут достигнуть уровня демографического старения, аналогичного экономически развитым странам. В развивающихся странах процесс старения населения идет быстрее, чем в развитых государствах. Соответственно, у развивающихся стран будет меньше времени на

адаптацию к его последствиям. Кроме того, процесс старения населения в развивающемся мире происходит в условиях более низкого социально-экономического развития, чем в развитых странах. Снизится также доля молодежи, что отразится в сокращении контингента для системы образования.

В этой связи важным регулятором демографических процессов выступает демографическая политика. Наибольшее развитие и распространение демографическая политика получила во второй половине XX в. Неудивительно, что много внимания этим вопросам уделила ООН. Под ее эгидой состоялись Всемирные конференции по народонаселению: в 1954 г. (Рим), в 1965 г. (Белград), в 1974 г. (Бухарест), в 1984 г. (Мехико), в 1994 г. (Каир). В 1967 г. был образован Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА). С 1960-х годов ООН проводит систематические опросы правительств по проблемам политики в области народонаселения. Их обсуждают также на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. В 1992 г. они вошли в повестку Всемирной конференции по окружающей среде и развитию. Из отдельных документов особое значение имеет принятый в Бухаресте в 1974 г. «Всемирный план действий в области народонаселения», содержащий много конкретных рекомендаций по осуществлению демографической политики. Затем на конференциях в Мехико и в особенности в Каире он получил дальнейшее развитие с включением ряда принципиальных изменений.

Необходимо отметить, что меры демографической политики в арабских странах, по крайней мере, в области регулирования рождаемости, практически не только не осуществляются, но и невозможны по определению. Это обусловлено традиционными установками населения и религиозным фактором. Пожалуй, нет удачных примеров осуществления мер демографической политики в арабских государствах. При этом те изменения, которые происходят в области рождаемости, вызваны распространением влияния западного образа жизни на часть населения и общей тенденции модернизации рождаемости.

*«Миграционный мост между Центральной Азией и Россией: Роль мигрантов в модернизации, инновационном развитии экономики стран, посылающих и принимающих мигрантов»,
М., 2011 г., с. 84–89.*

Н. Скороходова,

ПОЛИТОЛОГ

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ СОЗНАНИЕМ

Антиправительственные и антиглобалистские выступления масс в крупных городах, охватившие в 2011 г. Северную Африку и Ближний Восток, прокатившиеся затем волной по некоторым западным странам и прозвучавшие отголоском в ряде постсоветских государств, имеют, по крайней мере, одну общую характерную черту. Во всех волнениях присутствовал элемент организации, связанный с использованием информационных технологий, Интернета. Организация и мобилизация сил протеста происходили через социальные сети – Facebook, Twitter и др.

Возник и уже прижился термин «сетевые революции». Сценарий развития событий во всех странах, переживших «сетевые революции», практически одинаков. Антиправительственная агитация проводилась через электронную почту, социальные сети, сайты, блоги. Через Интернет координировались практические действия, а затем протесты, бушевавшие в виртуальном пространстве, выливались на улицу.

Считается, что в Тунисе уличные выступления и забастовки начались после того, как в декабре 2010 г. на сайте WikiLeaks был выложен документ от 2008 г., в котором тогдашний посол США в Тунисе Роберт Ф. Годец разоблачал коррумпированность членов семьи президента Туниса. Катализатором массовых выступлений стало также появление видеоматериала самосожжения молодого торговца фруктами, доведенного до отчаяния властями. Видео было выставлено на оппозиционном сайте, зарегистрированном одним из активных тунисских блогеров Баширом Благуи. И очень быстро социальные сети превратились в инструмент, использованный тунисскими оппозиционерами для организации демонстраций и митингов, средство привлечения внимания мирового сообщества к событиям в Тунисе.

В Египте, где Интернет имеет достаточно большое распространение, электронные ресурсы были введены в действие в целях антиправительственной агитации еще задолго до конкретных политических выступлений. Во-первых, это были публикации на сайте WikiLeaks материалов, компрометирующих египетское руководство. Во-вторых, в социальной сети Facebook было создано быстро разраставшееся сообщество «Все мы – Халед Сайд», со-

средоточенное на обсуждении трагической судьбы жителя Александрии, которого насмерть забили египетские полицейские. Ответом египетских интернет-пользователей на это событие стало растущее в геометрической прогрессии количество участников сообщества и разрастание многочисленных его филиалов. Виртуальный дискуссионный клуб превратился в координационный совет по подготовке и организации массовых выступлений. Недаром египетские власти через несколько дней после начала беспорядков полностью заблокировали доступ в Facebook и Twitter, а впоследствии и вовсе отключили Интернет. Однако с этим они опоздали.

Действия ливийских мятежников координировал в Интернете один из аккаунтов мусульманского сайта романтических знакомств Mawada.net.

Подобных примеров можно привести достаточно много. Важно, что все «сетевые революции» в Северной Африке и на Ближнем Востоке укладываются в одну типовую модель. В волнениях января-марта 2011 г. Интернет послужил детонатором, сработавшим при накоплении критической массы социально-экономических противоречий, когда эти противоречия достигли той черты, за которой возможен общественный взрыв. Сетевая самоорганизация стала в определенной мере неожиданной для правящих кругов. Свободный доступ в Интернет открыл клапан, через который был выпущен пар массового недовольства.

Характерной особенностью «сетевых революций» является то, что на начальных этапах данного процесса, по крайней мере, до тех пор, пока недовольство накапливается, но еще не вышло из Сети на улицы городов, отсутствует какое-либо формальное или неформальное руководство, берущее на себя ответственность за происходящее. Отсутствуют лидеры. Популярные блогеры, известные создатели форумов или больших групп в социальных сетях всеми силами открещивались от руководящей роли, когда таковая им приписывалась. В то же время многие из этих активистов виртуальных боев были зарегистрированы далеко за пределами зоны непосредственного развития бурных событий – например, в Объединенных Арабских Эмиратах или в США. Со стороны официальных властей, во всяком случае в Тунисе и в Египте, информационное противодействие сетевикам – подстрекателям беспорядков практически не осуществлялось. Пожалуй, лишь в Ливии, когда Каддафи еще владел положением, в информационную войну включились некоторые государственные структуры, попытавшие-

ся распространять через Интернет материалы ливийского правительства, показывающие реальное положение дел в стране.

В отличие от некоторых европейских стран, где в 2011 г. также имели место уличные беспорядки, «революция через Интернет» в арабском мире не остановилась на уровне политического «флэшмоба» (быстрого, напоминающего вспышку, сбора уличной толпы). В Тунисе и Египте, как известно, на гребне волнений произошли государственные перевороты. В Ливии кровавый мятеж против режима Каддафи соединился с интервенцией НАТО, итогом которой стали многочисленные жертвы среди населения, разрушение гражданской инфраструктуры страны, убийство ливийского лидера.

Можно предположить, что арабская «интернет-революция» имела демонстрационный эффект, распространившийся на другие страны. Или, что, возможно, точнее, информационные технологии организации революции, испытанные на арабах, были опробованы в других странах и районах мира. Так, весной 2011 г. выступили молодые испанцы с требованиями реформирования системы образования и ликвидации молодежной безработицы. Эти события вызвали широкую дискуссию в Интернете о социально-экономической политике правящих кругов.

Недовольство вылилось в идею проведения всемирного дня протеста. Первыми на нее среагировали американцы, подготовившие акцию «Захвати Уолл-стрит», а вслед за ними подготовку начали европейские группы протеста. Средством координации выступлений протеста вновь стал Интернет. Через него договаривались о дате и лозунгах, согласовывали программные требования, места сбора и маршруты движения. «В результате к 15 октября 2011 г. была подготовлена мощная и скоординированная международная акция, которая вслед за «арабской весной» стала еще одним свидетельством того, что «глобальное информационное сообщество» – факт нашей жизни. Это сообщество, уходя от традиционных схем политической борьбы, опиралось на сетевую самоорганизацию, которая не требует больших административных и финансовых ресурсов, но дает возможность проявления индивидуальной, групповой и общественной инициативы».

Демонстрационный эффект арабской «интернет-революции» докатился и до постсоветского пространства. Так, в Армении радикальной оппозицией, лидером, которой является Левон Тер-Петросян, была предпринята попытка с помощью социальных сетей вывести на митинг 1 марта 2011 г. многотысячную толпу в на-

дежде на осуществление «смены режима». Представители лагеря Тер-Петросяна активно работали в сети Twitter. За несколько дней до митинга сторонники оппозиции распространяли ссылки на ролики и призывы придти на митинг и «отдать жизнь» за правое дело свержения власти. Однако эффект оказался прямо противоположным. Армянская оппозиция, в отличие от своих коллег в Египте и Тунисе, полностью проиграла «сетевое» сражение. На форуме «левоновцев» незадолго до начала митинга стали появляться записи о первом дне весны, о прекрасной погоде, цветах, а вместе с ними – об антинародной политике бывшего президента Левона Тер-Петросяна. В результате оппозиционерам не удалось перетянуть на свою сторону большое количество участников сети. Против «твиттер-революции» неожиданно выступили неполитизированные участники сети, для которых важнее остального была общественно-политическая стабильность в стране. Не помогла и прямая трансляция митинга в Интернете. Фактически в армянском сегменте социальных сетей произошла «сетевая контрреволюция».

В начале лета 2011 г. серия гражданских акций протеста под названием «Революция через социальную сеть» прошла в Белоруссии. Фактически выступления были направлены против Александра Лукашенко. Акции протеста организовывались инициативными группами через социальные сети ВКонтакте и Facebook. Участники акций регулярно собирались в центре белорусских городов, не скандируя никаких лозунгов и требований, периодически только хлопая в ладоши. Белорусские молчаливые акции протеста больше всего напоминали смесь современного политического «флэшмоба» и методов ненасильственного сопротивления властям, разработанных Махатмой Ганди еще в первой половине прошлого века.

Закономерно возникает вопрос о том: насколько сильным в организации «сетевых революций» было влияние извне? Пока однозначно ответить на этот вопрос сложно. Во всяком случае, проблема активно обсуждается. Отдельного выяснения заслуживает роль Госдепартамента США в использовании социальных сетей как инструмента внешней политики.

То, что США давно и активно ведут свою деятельность в киберпространстве, не для кого не секрет. Резонансной стала широко растиражированная СМИ и Интернетом речь, произнесенная 15 февраля 2011 г. госсекретарем США Хиллари Клинтон в Университете им. Джорджа Вашингтона. Клинтон выступила в поддержку кибер-диссидентов, заявив о том, что в 2011 т. администрация США потратит 25 млн. долл. на инициативы, предназна-

ченные для защиты блогеров и обеспечения им интернет-свободы. И это дополнительно к ранее выделенным 20 млн. долларам. По ее мнению, США станут активным борцом против интернет-репрессий, подавления и блокирования социальных сетей в Иране, Кубе, Сирии, Вьетнаме, Мьянме, Китае, Египте. Госсекретарь проинформировала, что Госдепартамент запустил на днях каналы службы Twitter на арабском и фарси в дополнение к уже существующим на французском и испанском языках. К тому же будут открыты аналогичные службы на русском, хинди и китайском.

Это не первая подобная речь госсекретаря США. Практически за год с небольшим до этого она уже выступала с похожим заявлением. Связано оно было с тем, что Китай начал выстраивать «Великую сетевую стену защиты», запретив населению доступ к зарубежным сетям и сайтам.

Повышенный интерес определенных ведомств США к Интернету и его возможностям вполне объясним. По словам той же Хилари Клинтон, сегодня Интернет посещает 2 млрд. человек, а в ближайшие 20 лет к Сети присоединятся почти 5 млрд. пользователей.

Многие аналитики отмечают, что в период нахождения у власти администрации Барака Обамы происходит активизация использования информационных технологий при попытках организации волнений в разных странах: к примеру, в Молдавии в 2009 г., в Таиланде в 2010-м, или «твиттерной революции» в Иране в 2009 г.

Интересен в связи с этим и тот факт, что многие сетевые компании, зарегистрированные и имеющие свои штаб-квартиры в США, сумели оперативно разработать интернет-технологии для помощи «цифровым активистам» арабской революции. Например, группа инженеров из Google и Twitter за несколько дней до начала волнений в Каире создали сервис speak-to-tweet, позволивший посылать и слушать «твиты» с помощью обычной телефонной связи. Для этой цели были выделены международные номера в Калифорнии, Италии, Бахрейне – позвонив на них, можно было оставить голосовое сообщение, которое автоматически засылалось в Twitter. Прослушать эти сообщения можно было как по указанным телефонам, так и непосредственно в сети Twitter по каналу speak-to-tweet.

Один из наиболее известных сетевых активистов «арабской весны» Ваэль Гоним, организовавший, по его словам, из своего офиса в Дубае сообщество в Facebook «Все мы – Халем Сайд» и

призывавший к уличным выступлениям против президента Египта Мубарака, является топ-менеджером ближневосточного отделения Google. В своих блогах он неоднократно высказывался о «бесконечных возможностях», открываемых с помощью сетевых технологий, для моделирования поведения не только на уровне отдельного человека, но и целых обществ. Известно, что в 2008 г. Ваэль Гоним вместе с другими сетевыми активистами из Бирмы, Колумбии и Нигерии «повышал свою квалификацию» на специальных семинарах, лекциях и встречах в рамках «Альянса молодежных движений», организованных Государственным департаментом США. После этого он становится главой регионального отдела маркетинга Google с солидным годовым жалованием и бонусами.

Второй подобный мозговой штурм на тему организации «цифровых революций» по всему миру был проведен в 2009 г., куда были собраны активисты из нескольких стран: от Молдовы до Саудовской Аравии. Интересно, что в том же 2009 г. в Молдове был молниеносно организован через блоги, форумы, электронную почту «студенческий бунт», превратившийся в уличный погром. Сайт одного из интернет-подстрекателей этих беспорядков был оплачен и создан в рамках программы «Обучение и доступ в Интернет» Управления культурных и образовательных программ Госдепартамента США.

Интерес к развитию Интернета в целях его использования как инструмента политического влияния проявляют не только в США. В конце мая 2011 г. в канун встречи лидеров G8 впервые был создан форум «интернет-восьмерки» в Париже. Сюда съехались представители ведущих компаний, занятых развитием интернет-технологий. Официально данная конференция, организованная по инициативе президента Франции Николя Саркози, была призвана подготовить почву для саммита «Большой восьмерки» в Довиле, в повестку дня которого впервые была включена проблематика информационных технологий и инноваций в киберсфере. Открывая форум, Н. Саркози подчеркнул исключительную роль Интернета в информационной революции, стремительно меняющей облик мира.

На интернет-саммите обсуждались все основные вопросы развития Интернета: сетевая безопасность, авторские права, значение, текущее состояние и перспективы развития, инновации и т.д. Особо стоял вопрос о свободе доступа в Интернет. Руководители тех стран, где закрыт доступ к социальным сетям и ограничено получение информации из Интернета, были обвинены в том, что

таким образом они препятствуют развитию мирового интернет-пространства, нарушают права и свободу своих граждан, тормозят инновационное развитие своей страны.

Значение контроля над бурно развивающимися возможностями Всемирной сети Интернет после всех удачных и неудачных опытов «сетевых революций» от Арабского Магриба до Центральной Азии и от Армении до Молдовы уже не вызывает сомнений. Попытки совершенствования существующих и создания новых инструментов управления массовым сознанием через Интернет будут продолжаться, и США, похоже, официально стремятся захватить в этой области мировое лидерство. «Интернет-революции» 2011 г. – предвестники новых глобальных процессов на этом поприще.

«Теория» вопроса уже существует, подготовка к интернет-сражениям будущего идет. Об этом говорит, в частности, бесплатное распространение на русском языке книги «Влияние через социальные сети», содержащей инструкции «по технологии захвата мира через социальные сети». Издатели этого практического пособия (некий фонд «Фокус-медиа») сообщают, что «презентационный тираж книги выпущен в рамках проекта «Развитие местных сообществ Чечни, Ингушетии, Дагестана и Северной Осетии». Проект официально финансируется United Nations Democracy Fund – Национальным демократическим фондом (США). Где следует ожидать в недалеком будущем попыток «экспорта революции» через каналы социальных сетей, можно догадаться.

*«Север–Юг–Россия 2011: Ежегодник
ИМЭМО РАН», М., 2012, с. 109–114.*

РЕЛИГИОЗНАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В МАРОККО*

Автор рассматривает столкновение марокканского государства и ислама в символической сфере – обе стороны пытаются взять на себя роль наставника общества и с этой целью используют патерналистскую риторику.

* 12.02.004. Белая Ю. Шейх И Халиф: Религиозная социология политического ислама в Марокко.

Belal Y. Le cheikh et le calife: Sociologiereligieuse de l'islamepolitique au Maroc. – Lyon: ENS Ed., 2011. – 334 p. – Bibliogr.: p. 321–328. Ind.: p. 329–330.

В отличие от многих других монархических режимов мусульманского мира, прекративших свое существование в ходе национально-освободительных революций, марокканским монархам удалось предложить обществу новую конфигурацию сил. «В отличие от... других монархий, где суверену, не обладающему реальной политической властью, отводится лишь одна, чисто символическая функция, могущество марокканского короля – вещь вполне реальная... Целование руки и падение ниц – ритуалы, восходящие к персидским образцам, – являются здесь знаками верноподданнических настроений и сыновнего долга перед королем как “отцом семейства”».

Этатизм, подкрепленный сакрализацией королевской власти, мыслился как инструмент, который позволил бы преодолеть глубочайшие расколы в марокканской общественно-политической системе. Так, было необходимо каким-либо образом устранить алимов как посредников между божественными источниками власти, с одной стороны, и общиной (частью которой является и правитель) – с другой. Кроме того, следовало как-то переосмыслить историю обретения страной независимости: «Борьба за власть в конце 50-х годов теснейшим образом связана с пересмотром роли монархии и, как следствие, всего политического сообщества, которое боролось за независимость, однако... оказалось обойденным в политической игре, тогда как выигрыш выпал на долю земельной знати, некогда верой и правдой служившей французам».

Раскол в обществе усугублялся и разным пониманием роли религии в городах и на остальной территории страны. В первом случае суфизм, все более теснимый салафитами, уже не играл роли объединителя общества. «В городах... мистический путь служил скорее выражением социального и экономического партикуляризма. Принадлежность к тому или иному суфийскому ордену была теснейшим образом связана с профессиональной принадлежностью...».

За городскими пределами суфии (марабуты) пользовались колоссальным влиянием, а средоточием всех отношений между людьми были тарифы (потомки Мухаммада), занимавшие вершину общественной иерархии. Наделенные особой благодатной силой («ал-барака»), они не только улаживали конфликты и следили за выборами глав племен, но и могли изгнать вредоносных джиннов и излечить от недомогания.

Результатом французского культурного влияния явилось возникновение критически настроенной прослойки городской

молодежи, заявившей о своем неприятии прежних порядков уже в 30-е годы, что вызвало раздражение религиозных слоев. Так, по настоянию шейха ал-Каттани была запрещена молодежная постановка «Тартюфа» – шейх (вполне справедливо) усмотрел в ней намек на собственную персону.

Задача, стоявшая перед марокканской верхушкой, осложнялась и тем хаосом, который царил в символической сфере. Так, в 1951 г. один из пятничных проповедников призвал на помощь Жанну д'Арк, за что был арестован по приказу французских властей и приговорен к 18-месячному тюремному заключению.

Исторические события, однако, развивались благоприятным образом для султана Мухаммада (с 1957 г. короля Мухаммада V). Низложенный и высланный из страны властями протектората в 1953 г. за поддержку национально-освободительного движения, он триумфально вернулся в 1955 г., приобретя в глазах масс ореол святости мученика. Это в одночасье превратило его в обладателя колоссального капитала в символической сфере и сделало непрекаемым религиозным лидером страны. Данный капитал помогает марокканским монархам удерживать власть и по сей день: «Корабль марокканской монархии... имеет великолепные религиозные якоря, которые она всячески стремится не растерять»

Король Хасан II, пришедший к власти в 1961 г. и вынужденный искать ответ на вызов, брошенный политическим исламом, проявил недюжинные способности в деле приумножения доставшегося ему от Мухаммада V наследия: «Накопление существенного капитала в символической сфере позволило ему быть на шаг впереди движения, поднявшего знамя ислама. Столкнувшись с конкуренцией со стороны новых “торговцев потусторонним спасением”..., он постарался упорядочить рынок религиозных ценностей и поставить под контроль использование ислама в публичном пространстве». С этой целью вполне сознательно использовались элементы террора: «Режим Хасана II весьма преуспел в том, чтобы поставить себе на службу страх..., подпиткой для которого являлись не только... трагические исчезновения одних из числа подданных, но и воображение остальных». Король не постеснялся и поставить себе на службу прошлое ислама, присвоив себе халифский титул «эмир правоверных».

В подобных условиях вызов, брошенный монархии Абд-ас-Саламом Йасином, выглядел достаточно необычно, чтобы привлечь к себе внимание общества. Бербер по происхождению, до 1974 г. он был адептом одного из суфийских орденов, всецело

поддерживавших монархию. В 1974 г. он обратился к Хасану II с посланием, в котором довольно высокомерно призвал короля к совместным действиям в деле религиозного просвещения общества. Подобное поведение с точки зрения ислама мог себе позволить либо сумасшедший (на чем настаивал режим, поместивший ново-явленного шейха в психиатрическую лечебницу), либо святой, носитель «ал-барака» (чтобы подкрепить такое истолкование своего обращения к властям, Йасин подчеркивал, что является «шарифом», потомком Идрисидов – первых правителей Магриба).

По выходе на свободу в 1978 г., Йасин начал публиковать в созданном им журнале «Ал-Джамаа» свой труд «Пророческий путь» («Ал-минхадж ан-набави»), в котором призвал мусульман к духовному «восстанию» (ал-каума), противопоставляя последнее антирелигиозным революционным движениям. За создание нелегальной организации «Джамаат ал-адл-ва-л-ихсан» («Община справедливости и благотворительности»), становившейся все более популярной, особенно в университетах, в 1989 г. он был помещен под наблюдение полиции.

По восшествии на престол Мухаммада VI в 1999 г. Йасин обратился к новому королю с посланием (своего рода антиприсягой), написанном на французском языке и изобилующем экономической статистикой, в котором призвал режим вернуть народу причитающиеся последнему блага. Ответ короля оказался довольно неожиданным – наблюдение полиции было снято, но по-своему эффективным, поскольку таким образом Йасин утрачивал ореол мученичества. Примечательно, что движение Йасина в 2000-х годах все более оказывалось оттесненным на обочину общественной жизни. «Явно переоценив силу движения, руководители “Джамаат ал-адл-ва-л-ихсан” посчитали, что могут с легкостью заполнить собой общественное пространство... и мобилизовать массы лозунгами противостояния монархии».

Реферат подготовил К. Демидов.

*«РЖ: Востоковедение и африканистика»,
М., 2012 г., № 2, с. 24–27.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2012 – 11 (245)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 8/XI-2012 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 10,9
Тираж 500 экз. Заказ № 190

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9